

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134-241X

снежный

1-95

НОВАЯ РУБРИКА "РОССИИ ЦАРСКОЙ ОРДЕНА"
НОВЫЙ ОЧЕРК Ю.ГОРБУНОВА ИЗ ЦИКЛА "ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ"
ФАНТАСТИКА "МАФИЯ ПРОТИВ МАГОВ"
НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦАГЕНТА В ПОВЕСТИ АНДРЕЯ ИЛЬИНА "ТАЙНЫЕ ЛЮДИ"
ЧТО СКРЫВАЕТСЯ В ДЕТСКИХ "СЕКРЕТИКАХ"
"УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ" НА ПРИВАЛЕ

И.И.МЕЛЦЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ

ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО

С.К.ГРЕЙГ

П.А.ЗУБОВ

Читайте очерк И.НЕПЕИНА "РОССИИ ЦАРСКОЙ ОРДЕНА" на 2-й странице

РЕДАКЦИЯ:

Виктор КЛОЧКОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Маргарита ГОРШКОВА
(художественный редактор),
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора)
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:
Анна КОСТРИКОВА

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
УЛ. ДЕКАБРИСТОВ, 67
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
224-501 (ФАНТАСТИКИ,
КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
"Росвязьинформа".

Бракованные экземпляры отправляют
в ИПП "Уральский рабочий".

Reg. № 441 от 13.12.90

Подписано к печати 26.12.94

Формат бумаги 84x108/16.

Бумага офсетная № 2.

Печать с фотополлимерных форм.

Усл. печ. л. 8,6

Уч.-изд. л. 12,74

Усл. кр.-отт. 16,1

Тираж 22 000

Заказ № 10.

Все претензии по ошибкам в тексте предъявлять
редакции журнала "Уральский следопыт"
Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ИПП "Уральский рабочий"
626219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Макет журнала и дизайн номера
Владимира МЕРИНОВА
На 1, 4 стр. обложки слайды
Николая ПЕРЕВЫШИНА

© "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ", 1995 г.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

1 • • • • • 95

В НОМЕРЕ:

●	России царской ордена Игорь НЕПЕИН	2
●	Не деньги, что у бабки—а деньги, что в банке Георгий НЕЧАЕВ	5
●	К нам летают только вертолеты Юрий ШИНКАРЕНКО	7
●	Тайные люди. Приключенческая повесть Андрей ИЛЬИН	9

Журнал в журнале "Аэлита"

●	Заочный КЛФ	25
●	Холод Малиюгонта. Фантастическая повесть Андрей ЩУПОВ	29
●	Заочный КЛФ	53
●	Психея—90 Максим ШИШКИН	55
●	Озадачимся прошлым Мария КОНОВАЛОВА	65
●	Я верю — бессмертна Россия Алексей РЕШЕТОВ	66
●	Краеведческая копилка	67
●	Женщины Древней Руси Юний ГОРБУНОВ	70
●	Призрак бродит по квартире Игорь ЦАРЕВ	75
●	"УС" представляет новые рубрики	77
●	Маслина Александр СЕМЕНИН	78
●	Мир на ладони	79
●	Барби — кукла несекретная Ольга КОЛПАКОВА	80

УЧРЕДИТЕЛИ—

СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ РФ,
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
В 1958 ГОДУ.

Игорь НЕПЕИН

РОССИИ ЦАРСКОЙ ОРДЕНА

"На пасхе Модест Алексеич получил Анну второй степени.

Когда он пришел благодарить, его сиятельство отложил в сторону газету и сел поглубже в кресло.

– Значит, у вас теперь три Анны, – сказал он,

осматривая свои белые руки с розовыми ногтями, – одна в петлице и две на шее.

Модест Алексеич приложил два пальца к губам из осторожности, чтобы не рассмеяться громко и сказал: – Теперь остается ожидать появления на свет маленького Владимира.

Осмелюсь просить ваше сиятельство в воспреемники.

Он намекал на Владимира IV степени..."

Это из рассказа А.П. Чехова "Анна на шее".

Чехова мы знаем, рассказ его читали не однажды. А вот ордена... Приходилось нам видеть старинные портреты российских знаменитостей. Одних обнимают голубые, других красные ленты. Сияют золотые, серебряные звезды и кресты, причем одни на шее, другие на груди. Что это? Желание награжденного или положением установленный порядок? Почему ленты разного цвета, а кресты различной величины?

На эти и многие другие вопросы попытаемся мы ответить в наших очерках. Ведь рождение и бытование российских орденов – это тоже наша история красивая, пышная, отлитая в золоте, серебре, разноцветной эмали крестов и звезд, но все равно история. Более двух столетий – с марта 1699 по октябрь 1917 года – ордена символизировали победы на поле брани и достижения на мирных поприщах.

Правда, сразу нужно оговориться, что награды не всегда могли подняться на высоту таланта, а тем более гения. Достаточно напомнить читателю, что они не смогли оценить гений Ломоносова и Татищева, Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Льва Толстого... И этот перечень грозит оказаться длинным.

С другой стороны советские историки почему-то очень неохотно упоминали о наградах, которыми царское правительство поощряло деятелей культуры и науки. Кто не знает выдающегося русского историка С.М. Соловьева. В 1980 году в издательстве "Наука" увидела свет его биография, написанная профессором В.Е. Иллирецким и в ней – ни слова об орденах, которыми был награжден историк. В 1990-м в серии "Жизнь замечательных людей" вышла книга Н. Цимбаева "Сергей Соловьев" и опять о наградах – ни звука. И лишь в примечании к комментариям в т. 29 "Истории России с древнейших времен" (М., 1966, с. 281) мельчайшим шрифтом набрано: "Интересно, что в 1874 -1878 г.г. Соловьев не получал русских орденов". И далее сообщается: "Ему были даны орден Анны 2-ст. (1854), Анны 2-ст. с коро-

ною (1858), Владимира 3-ст. (1862), Станислава 1-ст. (1864), Анны 1-ст. (1867), Владимира 2-ст. (1873), Белого орла (1879)."

О наградах другого выдающегося историка дореволюционной России В.О. Ключевского в книге М.В. Нечкиной написано так: "Увешанный царскими орденами от младшей Анны до Станислава 1-й степени, разночинец в ненавистном ему вицмундире, его превосходительство..."(с. 408)

Мы совсем не знаем, были ли, чем и при каких обстоятельствах облагодетельствованы правительством русские литераторы Алухтин и Жуковский, Фет и Тютчев, Гончаров и Державин; историк С.Ф. Платонов, математик Лобачевский, архитектор Воронихин. А чем ближе к концу XIX – началу XX века сведения наши о наградах еще скуднее. Мы, например, были уверены в негативном отношении неблагодарного правительства к профессуре, академикам, преподавателям гимназий, не представляли себе что они имели чины и ордена, прекрасно оплачиваемые должности и хорошо устроенную материальную жизнь.

До Октября 1917 года в России существовало восемь орденов, некоторые из них подразделялись на степени. В порядке возрастания иерархия наград выглядела следующим образом:

Станислав III степени (в 30-40 годах XIX века имел IV степень);

Анна III (некоторое время имела IV);

Станислав II степени (с короной и без);

Анна II степени (с короной и без);

Владимир IV степени;

Владимир III степени;

Станислав I степени;

Анна I степени (с короной и без);

Владимир II степени;

Белый орел;

Александр Невский (с бриллиантами и без);
Владимир I степени;
Екатерина (большого и меньшего креста);
Андрей Первозванный (с бриллиантами и без).

Военный орден Георгия всех четырех степеней не входил в эту систему старшинства. Он давался только офицерам за особые подвиги и в военное время (до 1855 года - и за 25 лет выслуги в офицерских чинах.)

Все ордена за исключением Белого Орла учреждались в честь святого и полностью должны именоваться так: Орден святого апостола Андрея Первозванного, Орден святого равноапостольного князя Владимира и т.д.

Формировалась русская орденская система 132 года и делится на три этапа: петровский, екатерининский (когда учреждались только русские ордена; павловский и николаевский (когда в русскую наградную систему включались ордена иностранного происхождения).

Петр I Великий учредил ордена:

Святого Андрея Первозванного (1699);

Святой великомученицы Екатерины или Освобождения (1714);

Святого Александра Невского (1725).

Екатерина II Великая:

Святого Великомученика и Победоносца Георгия I-IV степеней (1769);

Святого и равноапостольного князя Владимира I-IV степеней (1782);

Павел I включил в состав российских орденов: голштинский орден Святой Анны I-III (IV) степеней (1797);

мальтийский крест Святого Иоанна Иерусалимского. Крест изображен на портретах Г.Р. Державина, Ф.Ф. Ушакова, А.В. Суворова, А.Б. Куракина. После убийства Павла I награждение этим орденом прекращается, и в русскую наградную систему мальтийский крест не вошел.

Николай I учредил два польских ордена:

Святого Станислава I-III (IV) степеней (1831);

Белого Орла (1831).

Наши очерки будут расположены в порядке учреждения и включения орденов в наградную систему России, начиная с ордена Андрея Первозванного.

Очень любопытно взглянуть на ордена прошлых времен глазами известных писателей. Вот, например, А.П.Чехов в рассказе "Новогодняя попытка" в легком водевильном тоне описывает орден Станислава II степени, который носился на шее: "Вы облачаетесь во фракную пару, нацепляете на шею Станислава, если таковой у вас имеется, прыскаете платок духами, закручиваете штопором усы..."

Несколько иначе описано награждение М.И. Кутузова высшим военным орденом Георгия I степени в романе Л.Н. Толстого "Война и мир":

"Когда Кутузов вышел из кабинета и своей тяжелой, ныряющей походкой, опустив голову, пошел по зале, чей-то голос остановил его.

- Ваша светлость, - сказал кто-то.

Кутузов поднял голову и долго смотрел в глаза графу Толстому, который, с какой-то маленькой вещицей на серебряном блюде, стоял перед ним. Кутузов, казалось, не понимал, чего от него хотели.

Вдруг он как будто вспомнил: чуть заметная улыбка мелькнула на его пухлом лице, и он, низко, почтительно наклонившись, взял предмет, лежавший на блюде. Это был Георгий I-й степени."

Отсутствие награды иного человека делало как бы неполноценным. Чехов в рассказе "Орден" описывает новогоднее приключение учителя военной гимназии. Он пришел к приятелю просить на вечер орден Станислава. Причину объяснил так:

"Сегодня, видишь ли, я обедаю у купца Спичкина, а ты знаешь этого купца Спичкина: он страшно любит ордена и чуть ли не мерзавцами считает тех, у кого не болтается что-нибудь на шее или в петлице. В два часа пополудни Пустяков ехал на извозчике к Спичкиным и, распахнувши чуточку шубу, глядел себе на грудь. На груди сверкал золотом и отливал эмалью чужой Станислав."

Речь идет о самом "младшем" в иерархии ордена Станислава III степени.

А.С. Пушкин. Повесть "Метель".

"Но все должны были отступить, когда явился в ее замке раненый гусарский подполковник Бурмин, с Георгием в петлице..."

Т.е. Георгий IV степени. Знаки этого же ордена I, II, III степеней носились на шее.

"Ревизор" Н.В. Гоголя:

Иван Александрович Хлестаков в разговоре с горюничим:

"Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию."

Имеется в виду Владимир IV степени.

Л.Н. Толстой. "Анна Каренина":

"- Что вы про Каренина говорили? - сказал князь.

- Он и Путятю Александра Невского получили.

- Я думал, что у него уже есть.

- Нет. Вы взгляните на него, - сказал старичок, указывая расшитую шляпой на остановившегося в дверях залы с одним из влиятельных членов Государственного совета Каренина в придворном мундире с новой красною лентою через плечо. - Счастлив и доволен, как медный грош, - прибавил он останавливаясь, чтобы пожать руку атлетически сложенному красавцу камергеру."

Знание орденов, орденских знаков, правил их ношения имеют и практическое значение. Например,

атрибуции старинных портретов. Случается, что именно ордена ставят последнюю точку в спорах и сомнениях.

Вот перед нами изображение пожилого человека, в красном артиллерийском мундире, украшенном генеральским шитьем, с голубой лентой и звездами орденов Андрея Первозванного и Георгия II степени. Долгое время считалось, что это портрет прадеда А.С. Пушкина по материнской линии, воспитанника Петра Великого – Абрама Петровича Ганнибала (1696-1781). На обратной стороне холста так и читаем: "Аннибал, генерал - аншеф, на 91-м году от рождения."

Против такой атрибуции было то, что Абрам Петрович не имел ни одного из изображенных на портрете орденов. (см. Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. Таллин. 1984. С. 187.)

Добавим к этому, что орден Св. Георгия учрежден Екатериной II в 1769 году. А.П. Ганнибалу к этому времени исполнилось 80 лет и получить Георгиевскую звезду II степени он никак не мог, уже находясь в отставке.

Значит, на портрете другой человек.

Г. Леец пришел к выводу, что это – генерал - аншеф Иван Иванович Меллер Закомельский имевший изображенные на полотне ордена.

Еще пример. В Государственном Русском музее в Петербурге хранится портрет контр-адмирала екатеринских времен с орденом Георгия II степени на шее и золотой георгиевской звездой на груди. Считалось, что это И.Г. Чернышев (1726-1797), граф, генерал-фельдмаршал флота.

А вот искусствовед Т.А. Селинова, усомнилась. Она пишет: "По спискам Георгиевских кавалеров устанавливается, что И.Г. Чернышев никогда не был награжден орденом Георгия. Следовательно, возможность того, что на портрете изображен И.Г. Чернышев, исключена. По этим же спискам выясняется, что в XVIII веке орденом Георгия II степени были награждены всего тридцать три человека и из них только семь за морские сражения: это были Ф.Г. Орлов, С.К. Грейк, Ф.Ф. Ушаков, А.И. фон Круз, И. А. Поваляшин, М.И. де Рибас, и принц Нассау-Зиген. Все они, за исключением С.К. Грейга, к моменту получения ордена Георгия II степени были уже награждены другими орденами, с которыми их обязательно изобразил бы художник, или имели адмиральские или вице-адмиральские звания (отличие в звании определяется количеством полос золоченого шитья на парадных мундирах). Исключение оставляет только С.К. Грейг, который в это время был контр-адмиралом и имел только один орден Георгия II степени. Следовательно.. на портрете может быть изображен только С.К. Грейг." (Селиванова Т.А. Иван Аргунов. М., 1973. С. 94-95.)

А теперь пример из собственной практики. В Екатеринбургской картинной галерее хранится портрет сравнительно молодого человека со звездой и крестом Анны I степени. Научные сотрудники галереи считают, это портрет последнего фаворита Екатерины II - Платона Александровича Зубова (1767-1822). Точно такое же изображение появилось в монографии Т.В. Алексеевой "Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII-XIX веков". (М., 1875, С. 81). Там тоже стоит подпись "П.А. Зубов " и указаны даты работы художника над портретом - 1790-1793. Три года. Но выводы должны подтверждаться фактами. А факты таковы: в XVIII веке на портретах писались все ордена, которые имел изображенный. Бывали даже случаи, что ордена дописывались.

Карьера П.А. Зубова разворачивалась стремительно.

"4 июля произведен в полковники и флигель-адъютанты, 3 октября 1789 года корнетом Кавалергардского полка и генерал-майором. 3 февраля 1790 года орденом Анны I степени, 8 сентября того же года орденом Александра Невского." (Русский биографический словарь" под ред. А. Половцева. Т. 7. Петроград, 1916. С. 526-546)

Следовательно, награждение орденом Александра Невского последовало через восемь месяцев после Анны I степени, а Александра Невского на портрете нет. Нет и генеральского шитья. Мундир зеленый с красными отворотами. К 1793 году Зубов уже имел портрет императора и высший русский орден Андрея Первозванного, с которым и изображен на портрете работы Лампи.

Да и сходство между этими двумя портретами весьма относительное. Изображенный с Анной несколько старше, чем Зубов на портрете Лампи, а должен быть моложе. Основываясь на этом, я считаю, что на портрете не Платон Зубов. Кто – пока сказать невозможно.

На снимках (см.2 стр.обложки):

И.И. Меллер-Закомельский, генерал-аншеф, кавалер орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Георгия II ст. Неизвестный художник 2-й пол. XVIII века. Изображение считалось портретом А.П. Ганнибала.

С.К. Грейг (1736-1786), адмирал, отличился в Чесменском сражении (1770). С портрета работы И. Аргунова. 2-я пол. 1770-х годов. С.-Петербург. Русский музей.

П.А. Зубов (1767-1822), светлейший князь Св. Римской империи, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал, последний фаворит Екатерины II. Портрет работы И.Б. Лампи-старшего.

Портрет неизвестного с орденом Св. Анны I ст. Неизвестный художник. Екатеринбург. Картинная галерея. Атрибутируется как портрет П.А. Зубова и приписывается кисти В.Л. Боровиковского.

Георгий НЕЧАЕВ

НЕ ДЕНЬГИ, ЧТО У БАБКИ – А ДЕНЬГИ, ЧТО В БАНКЕ

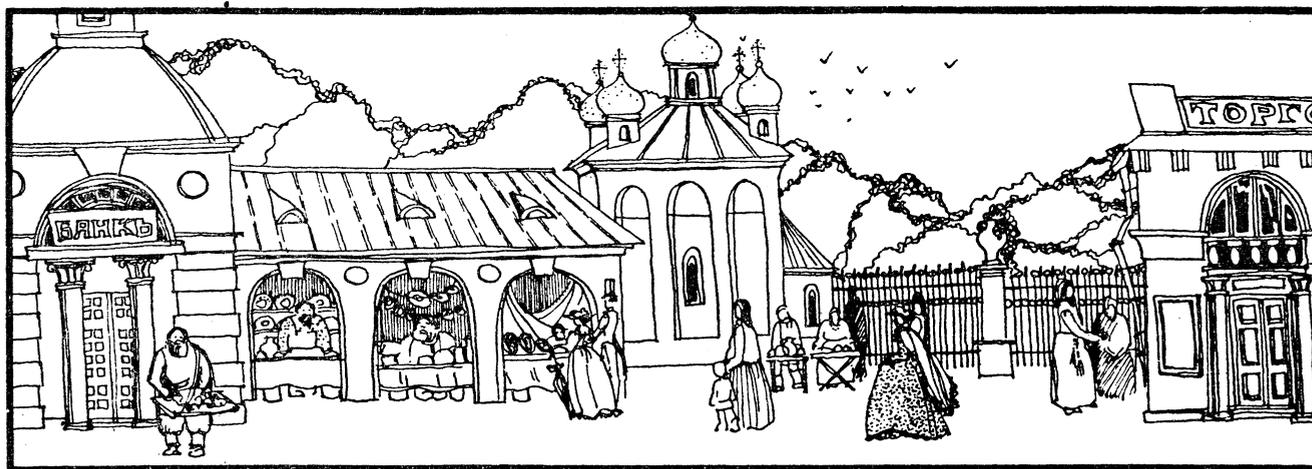
Рисунок Анны АНДРОСОВОЙ

Когда я учился в Ленинградском учетно-экономическом техникуме госбанка СССР в 1931–1934 годах, на одном из уроков задал вопрос преподавателю: «Что такое банк?», он внимательно посмотрел на меня и сказал: «Банк – это чужие деньги.» Я долго не мог понять – почему чужие деньги, и понял только тогда, когда стал работать в банковской системе.

Банк имеет свой уставной капитал, но он не так велик по сравнению с привлеченным. Все промышленные, торговые, транспортные, заготовительные, сельскохозяйствен-

ные (коммерческие) отраслевые, территориальные банки, и одно другому не мешало.

Представим себе рынок далекого прошлого. Шумит он разногласией, торгуются купцы и ремесленники, звенят различного достоинства и разной чеканки серебряные и золотые монеты. Вот при купле и продаже встретились затруднения – сложно оказалось разменять крупную монету. Неподалеку от рынка, обыкновенно у дверей церкви, стоял добротный стол,

ные предприятия и организации хранят свои денежные средства на текущих счетах в банке. Этот капитал составляет огромные суммы.

В любом словаре или энциклопедии есть объяснение: «Банк – крупное кредитное учреждение». Это тоже верно. Банк, имея в своем распоряжении крупные суммы, не держит их как мертвый капитал – он пускает их в оборот. Выдает кредиты ссуды тем же предприятиям и организациям, правда, не задаром, а под определенный процент – это составляет для банка прибыль.

До января 1988 года у нас было три банка: Государственный, Строительный и Внешнеторговый. Потом стало шесть банков – Государственный (главный банк страны); Промстройбанк, Агропромбанк, Жилсоцбанк, Сбербанк и Внешэкономбанк. Сейчас многие отрасли народного хозяйства создают свои коммерческие банки.

называемый «банко», за столом – всеми уважаемый человек-меняла. Он меняет крупные монеты на мелкие, обменивает серебряные и золотые слитки на монеты, определяет ценность, следит – нет ли фальшивых. Но все это он делает не задаром – берет определенную плату. У него хорошая охрана, надежные хранилища. Купцы, видя это, решаются отдавать свои деньги на хранение меняле. Купцу удобно не дрожать за свои сокровища, и меняле тоже неплохо. Меняла ведет расчеты с купцами. Имея приличный денежный капитал в хранилищах, он дает эти деньги займы под проценты. Его доходы растут, он богатеет, денежные операции увеличиваются.

Так, от слова «банко» появился «банк». Первые банки сначала создавались в XII–XIV веках в Италии. В России Екатерина II впервые в 1769 году открыла два ассигнационных банка – в Москве и Петербурге, они получили в свое распоряжение по 500 тысяч рублей медных денег и взамен их выпустили в обращение

ние первые в России бумажные деньги – ассигнации. После 1843 года вместо них были выпущены бумажные казначейские и банковые билеты: 1 рубль – желтого цвета, 3 рубля – зеленого, 5 – синего и 10 – красного цвета. Традиция печатать деньги в такой окраске сохранилась и по сей день.

Труд кассиров банка считался всегда тяжелым. Это сейчас появилась электроника, суммирующие машинки, машинки для пере-счета денег, упаковочные и прочие. Разменная монета тоже пере-считывается на машине. Работает она, словно пулемет трещит, от-щелкивая монету на счетчике. Лет тридцать назад о такой технике только мечтали: записи в лицевых счетах велись от руки, подсчет сумм делался на деревянных счетах – «костяшках». Я помню, как сначала вводилась «новая техника». Получили мы пару сумми-рующих машинок СДУ-138 с ручным приводом – надо было дер-гать ручку на себя правой рукой; бухгалтера плакали – не хотели на них работать, да и подсчет на них велся медленнее даже, чем на счетах. Потом появились машинки с электрическим приводом – эти часто портились, выходили из строя. Однажды наш механик разобрал при ремонте такую такую машинку, а когда собрал обратно – на столе остались две детали, и он так и не мог сообразить, от-куда они. Наиболее ответственная работа в банке у кассиров рас-ходной кассы. Ему приходится ежедневно выдавать миллионы руб-лей по предъявленным чекам. Помню, в мою бытность работы уп-равляющим, не хватало шесть тысяч рублей. Начали просматри-вать каждый чек, выяснять у кассира – какими купюрами выдава-лись деньги. Кассир в слезах, нервничает. Наконец обратили вни-мание на один коварный чек: сумма в нем значилась 60660 руб-лей. Выехали в организацию, которой принадлежал чек – кассир там уже выдавала зарплату. Приостановили выдачу, сняли остаток кассы, подсчитали суммы выданных денег по ведомостям и нашли излишек. Оба кассира в момент выдачи и получения денег в бан-ке допустили ошибку. Кассира банка три рядом стоящие шестерки сбили с толку: он вместо 60660 рублей выдал 66660, а кассирша с предпрятия не пересчитала сумму.

С фальшивыми деньгами иметь дело приходилось тоже. Выпустив в 1961 году металлический рубль и другой рубль – к столетию Ленина, Госзнак допустил ошибку. На ребрах рубля не было слова «рубль» или звездочки. И фальшивомонетчи-ки использовали эту оплошность. Чеканили такие рубли из светлого металла: такую монету можно было согнуть, разре-зать ножницами. Если ребром провести по бумаге – оставал-ся черный след, от настоящего рубля такой след не остае-тся. Поступали и бумажные фальшивые купюры в 10, 25, 50 рублей. Подушечки пальцев у кассира очень чувствительны, он сразу чувствует поддельную купюру.

Много денег – много и хлопот. Лет пятнадцать назад у нас в Омске произошло крупное ЧП: из сейфов одного из район-ных банков было похищено более трехсот тысяч рублей. Ох-ранником в ту ночь дежурил курсант высшей школы милиции. Утром работники приходят в банк – двери открыты. Дежурный с ключом во рту связан веревкой. Двери сейфа вскрыты элек-тросверлом. У дежурного похищено оружие. Незадачливый де-журный рассказал, что рано утром он пошел в туалет (поме-щение было неблагоустроенное, и туалет находился на ули-це). Когда он возвращался обратно, неизвестные лица ударили его по голове. Он потерял сознание, очнулся связанным и с ключом во рту. Доводы были правдоподобные.

На самом деле дежурный договорился со своим братом, тот

ночью явился в банк, вдвоем они раскурочили сейф, а, уходя, братец крепко побил «дежурного брата» и для убедительности связал веревкой. Оружие бросил в реку, мешок с деньгами за-рыл в огороде. И думал – концы в воду. Кстати, похищенные день-ги были ветхими и предполагались для отправки в хранилища – ими все равно не пришлось бы пользоваться: затруднитель-но было бы обменять на годные купюры.

Поскольку разговор идет о деньгах, хотелось бы рассказать, как проводилась денежная реформа в декабре 1947 года. Ра-ботал я тогда начальником городского управления Госбанка в Омске. Было всего лишь одно районное отделение, и вся тя-жесть легла на городское управление. Для обмена денег при-шлось организовать 90 выplatных пунктов.

Новые деньги были завезены за полгода до реформы. Они хранились под особым секретом, в отдельных кладовых. О по-рядке проведения реформы нам ничего не было известно. Вся документация находилась в органах КГБ. И вот 15 декабря 1947 года во второй половине дня по радио было передано поста-новление правительства о проведении денежной реформы и от-мены карточной системы на продовольственные и промышлен-ные товары. Денежная реформа проводилась только одну не-делю. Началась паника: люди бросились в магазины, закупи-ли партиями товары, что продавались без карточек.

Один покупатель купил сразу два пианино. А другой уже ни-чего не мог купить – увидел большую фарфоровую вазу, вышел с ней на улицу. Оказалась тяжеловата – он взял и бросил ее на тротуар, и разлетелась ваза на мелкие кусочки.

Переоценка вкладов в сберкассах проходила таким образом: сумма до 3000 не переоценивалась. От 3000 до 10 000 рублей переоценивались в отношении 3:2, а свыше – 2:1, то есть оста-валась половина вклада. Крупных вкладов в то время было не-много; в период войны и до реформы выдача из сберкасс вклад-чикам ограничивалась 200 рублями в месяц, поэтому многие предпочитали держать деньги дома – а не в сберкассе.

Причиной проведения денежной реформы в 1947 году послужило то, что в обращении находилась огромная сумма бумаж-ных денег. Много было фальшивых банкнот, которые изготов-лялись в фашистской Германии. На оккупированных немцами территориях тоже были пущены в обращение большие запасы денег. В связи с этим денежным наводнением цены стали бас-нословными,

Пересчет обменных денег длился более двух месяцев. Поз-же поступило указание отгрузить эти деньги в Ленинград. За-полнили десять вагонов мешками с денежными купюрами, вы-делили сильную вооруженную охрану и сопровождающих цен-ный груз. Пришел эшелон в Ленинград по указанному адресу. Это была картонно-рубероидная фабрика. Когда спросили ру-ководство фабрики, куда разгружать привезенные деньги, было приказано сначала перевесить груз на весах, а затем пачки деньги вытряхнули из мешков прямо на землю. Груз был при-нят, как макулатура, за которую фабрика заплатила Госбанку 58 тысяч рублей. Вот тебе и ценный, вот тебе и «секретный» груз – все наши омские 900 миллионов!..

Так закончилась денежная реформа 1947 года. У меня за это время появилась седина в волосах.

В 1961 году была не денежная реформа – это было изме-нение масштаба цен. Обмен старых денег на новые проходил спокойно.

Недочитанные книги – как надкушенные яблоки. Во второй раз к ним притрагиваться не хочется. Они валяются по всей комнате.

Как только на страницах появляется чей-нибудь отец, я захлопываю книгу и швыряю ее под кровать. Там только «Детства» уже штуки три...

Мама устала выгребать нашу «библиотеку» из-под моей кровати. И бабушка устала. Они, не сговариваясь, твердят:

– Писатели здесь не при чем!

Когда я спрашиваю, а кто при чем, они молчат. Хотя могли бы и ответить.

А письмо я перечитываю каждый день. С того самого вечера, как получил его.

Последний раз я видел папу в мае. Ровно семь месяцев назад. Кончилась школа. Мы пошли в зоопарк. На нашей улице редко цвели старенькие яблони. Где-то совсем далеко, как сонные шмели, гудели троллейбусы. А облака спустились к самой земле.

– Полетаем? – предложил я.

– Летим! – согласился папа.

Он встал позади и взял меня за локти. Наш «паровозик» помчался по тихому переулку, поднимая в воздух желтую пыльцу одуванчиков.

– Раз, два, три, четыре!

лем. Не потому, что мы с мамой расстались, а потому, что согласился уехать незаметно, не попрощавшись. Но зато я собрал всю свою силу воли и отказался давать одно обещание: не донимать тебя ни письмами, ни встречами.

У меня на шее, на куске бинта висит самая большая драгоценность: ключ от дома, где живешь ты. Я случайно увез его с собой. Когда у нас перекур – все смолят «Беломор», а я играюсь ключом, представляю, как открываю дверь, вхожу в сенцы, и из темноты, прохлады и запах яблок возникаешь ты и бросаешься мне на шею. Но ты молчишь...

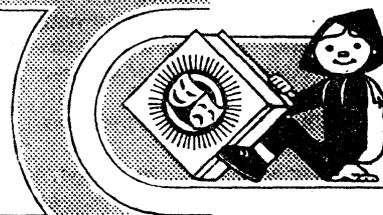
Я уже писал, что работаю в тайге. К НАМ ЛЕТАЮТ ТОЛЬКО ВЕРТОЛЕТЫ. Почта приходит редко. Когда вертолет зависает над стоянкой, я загадываю: если пилот ступит на землю левой ногой, будет от тебя письмо. Но ты молчишь...»

...Под потолком нашей комнатухи плавают сизые кольца от подгоревшего масла. На моей кровати лежит доска, на ней – тесто. Бабушка готовится к Новому году. Первый Новый год без папы. Все делается для меня. У меня подробно интересовались, какой быть начинке пирога. Со мною советовались о Дede Морозе. Не буду ли я против, если он часиков в десять заглянет? Хотя в прошлом году Деда Мороза уже не заказывали. – Малюсенький! – закричала на меня бабушка. – А что подарить тебе на Новый год?

Юрий ШИНКАРЕНКО

К НАМ ЛЕТАЮТ ТОЛЬКО ВЕРТОЛЕТЫ

святочный рассказ

Паровоз наш лучший в мире!
Потому что он лета-а-ет...

На каждый четвертый шаг папа подбрасывал меня в воздух. Под майку забирался ветер. Мы были уже около зоопарка. За забором послышался рев.

– Лев, – сказал папа.

– Тигр, – предположил я.

– Проверим, – папа подхватил меня и посадил себе на плечи.

– Видно что-нибудь?

На плечах я почувствовал себя маленьким-маленьким. Разве мне уже десять?

– Видно, – соврал я, хотя ничего не было видно. – Лев отгоняет хвостом мух и рычит. Можно я на него посмотрю?

Я сидел на плечах долго-долго и смотрел на зеленые доски забора.

– Ты письма писать любишь? – вдруг спросил он снизу.

– Нет, – ответил я.

– Жаль, – вздохнул тогда папа.

Вот. А на следующий день я уехал в загородный лагерь.

Я разворачиваю вчетверо сложенное письмо.

«Салют, мой Евгений! Здравия желаю, мой славный Евгений! Знал бы ты, как я по тебе SOSкучился и как схожу с ума От Без Тебя!

Женька, милый, я посылаю тебе сотое письмо, а от тебя ни слуху ни духу. Жек, я чувствую себя предате-

– Разрешите приехать папе, – с маленькой надеждой попросил я.

Бабушка помрачнела.

– Никогда!

Сейчас она сидит над корзиной с яблоками. Вырезает из них червячьи кусочки, потом каждый обстругивает так, что от червоточины остается только воздух. У ней вид, будто болят пять зубов сразу. Я знаю, стоит мне скомкать отцовское письмо или хотя бы отложить его, бабушкины глаза станут другими. Но я не собираюсь ничего прятать! Я буду перечитывать его десять, двадцать раз, сто! Вместо всех тех писем, которые от меня скрыли!

Бабушка косится в мой угол выцветшими лиловыми глазами и вздыхает. «Бди, пти, бди...» – бормочет она. Может, произносит ту фразу, которую я услышал, когда в слезах, что-то выкрикивая, носился по комнате с только что полученным письмом. «Потеряли бдительность!» – сказала она тогда маме.

Бабуку я раньше любил. До летнего лагеря. Я ей вез оттуда подарок. Мы ходили в тальковую пещеру. Тальк хорошо обрабатывается лобзиковыми пилками и гвоздем. Я захватил из пещеры три пластинки и сделал из них звезды: маме, папе и ей. Они до сих пор лежат у меня в чемодане.

...Мы приехали из лагеря рано утром. Я не торопясь шел по родной улице и всему удивлялся. Тому, как отмахали в рост лопухи. Яблоням, на которых уже завязались плотные ранетки. Выкрашенной в неожиданно голубой цвет водонапорной колонке.

Возле нашего дома лежали длинные тени от штакетов. Я достал из чемодана тальковые звезды, положил их на ладонь и открыл калитку. Остервенело лаяла хозяйская собака.

У нас пока нет своей квартиры. Мы снимаем небольшой домик в глубине яблоневого сада. Чтобы попасть в него, нужно строго по линии пройти через хозяйский двор, прижимаясь к стене. Длина собачьей цепи рассчитана так, что с каменной дорожки лучше не сворачивать.

Собака лаяла не на меня. Меня-то она знает. На нашем крыльце сидели мужчина и женщина. Увидев меня, женщина поднялась:

– Жек! А мы-то гадаем, куда все подевались! Здравствуй, родной!

Это была тетя Аня – родственница отца. Она называла меня как папа: Жек! Дядя Вася, ее муж, заулыбался и протянул мне тяжелую ручищу:

– Привет, парень! Где мать, отец?

– Дома должны быть. Может, спят еще...

– Не... Мы уже около часа ваш дом караулим. Как с вокзала приехали. И стучали, и кричали, и соседей расспрашивали.

Я показал дяде Васе и тете Ане звездочки.

– Посмотрите, что я выпилил. Знал бы, что вы приедете, и вам бы сделал.

– Конечно, откуда тебе знать, что мы приедем... А мы вам тоже гостинцы привезли. Картошку. Сметану свеженькую. Тебе – банку с крыжовником. – Тетя Аня развязала пестрый мешок. – Ты проголодался, наверное, Жек?

И вдруг лягнула щеколда. Дверь распахнулась. Дверь в наш дом... На пороге возникла бабушка.

– Сама накормлю! – зло закричала она. – Нечего тут чужие пороги обивать. Настырные какие! Давно можно понять, что вас здесь не ждут!

Бабка подскочила ко мне, больно схватила меня за обгоревшие плечи.

– Малюсенький! Беги скорее домой!

Я пошатнулся, задел ногой цветастый мешок. Он повалился на бок. Из него посыпались картофелины. Запрыгали по ступенькам.

Дядя Вася запустил в свои седые волосы пятерню. Он смотрел на бабушку так, будто та говорила по-китайски. В глазах тети Ани появились слезы.

Не отпуская меня, бабка сказала:

– Ваш родственник здесь больше не живет. Они развелись.

Дядя Вася поднялся.

– Пойдем, Аня, на вокзал. Прощай, Евгений!

– Вы уж нас извините... – всхлинула тетя Аня. – Может, хоть гостинцы возьмете?

– Не голодный год! – ответила бабка, втокнула меня в сени и захлопнула дверь.

– Здравствуй, сынок! – сказала из темноты мама. Она тоже была дома. Во дворе бесновалась собака.

...До Нового года остается три часа. Сейчас вернется мама.

Она теперь работает допоздна. Ей тяжело, и я понимаю, что должен сделать маме что-нибудь приятное. Я убираю отцовское письмо в книгу.

– Добрый вечер, Женя! – говорит мама. Голос тихий и виноватый. Так же тихо и виновато она объясняла мне, почему не пишет папа. «У него началась другая жизнь!» Интересно, куда они прятали письма?

– Женя, нам нужно успеть наряжить елку.

Раньше мама звала меня Жеком. И «ЕвГенерала» любила.

– Почему ты не называешь меня ЕвГенералом?

– Теперь ты для меня Маршал! – мама устало улыбается и неумело пытается приладить крестовину к пушистой елочке.

Раздобыть под новогодний вечер елку – надо же! В прошлом году папа вернулся ни с чем. С порога он бодро сказал:

– Ничто нас в жизни не может вышибить из седла!

И поставил посреди комнаты обшарпанный табурет. Принес ящик с игрушками.

– Что за паника в глазах? Живо наряжаем нашу красавицу! – и прикрепил к краю табурета желтого цыпленка на лапке-прищепке. Мы обвешали стеклянными игрушками все четыре ножки, поперечины обмотали гирляндами разноцветных лампочек и серпантинном. Потом посыпали стул клоками ваты, конфетти, серебрянными звездочками. Выключили верхний свет, и – «Елочка, зажгись!» Это был самый веселый праздник в моей жизни.

Сейчас на табурете стоит бабкин пирог, крепкое дубовое сиденье обсыпано мукой. Хорошенький праздник: есть втроем пироги, слушать, как бабка жалуется, что не удалась начинка... Наш дом похож на корабль, потерявший в бурю своего капитана.

– Малюсенький мой! Кто-то стучит в дверь, – бабка украдкой смотрит на будильник. – Кто бы это мог быть?

– Ой, кто же там такой пришел? – я делаю вид, что мне шесть лет и иду навстречу Добрым Услугам.

– Кто из вас Евгений? – густым басом говорит гость. И, не глядя под ноги, делает через порог широченный шаг. Возле порога у нас сгнившая половица. В прошлый раз Дед Мороз заплулся о нее и чуть не растянулся. Я с удивлением смотрю на старика из Добрых Услуг. Какая память!

Тот подходит ко мне, склоняется и целует меня в щеку (новая форма обслуживания?). Я смотрю на бабушку. Она довольно кивает Деду Морозу: продолжайте!

Из мешка появляется автомобиль. Мне хочется плакать. Дед Мороз снова запускает руку в мешок и достает шишку.

– Вот, – бас его становится еще ниже – Тебе от меня.

Бабка с мамой удивленно переглядываются.

Дед Мороз молча смотрит мне в глаза. В тишине бабка звенит мелочью, прикидывая стоимость шишки.

– Это кедровая шишка, – зачем-то объясняет гость. – Некоторые путают кедр с кедровой сосной. Кедр у нас не водятся. Кедр – в Ливане. Ценное дерево. Тысячелетиями сохраняется. Из него фараоны делали для себя саркофаги. А кедровые шишки – это с кедровых сосен. Сибирь!

Растут Деды Морозы?

Гость снова наклоняется ко мне. Целует в щеку. В ухо. Снова в щеку.

– Мне пора! – говорит он. – Далекий путь! К НАМ ЛЕТАЮТ ТОЛЬКО ВЕРТОЛЕТЫ!...

Дед Мороз уходит. Бабка снова бренчит мелочью, собирает ее в носовой платок. «К нам летают только вертолеты...» Куда к нам? Туда, где нет ливанских кедров? К НАМ ЛЕТАЮТ ТОЛЬКО ВЕРТОЛЕТЫ!... ТОЛЬКО ВЕРТОЛЕТЫ!!!

Я торопливо натягиваю валенки. Я выскакиваю в сенцы. Возвращаюсь. Рву из-под кровати чемоданчик. Где остроконечная белая звезда? Где тальковый Сириус?

Со звездой в руке я бегу через двор. Злой пес шарахается в сторону.

За калиткой пусто. Только след от «Волги». В прошлый раз Дед Мороз тоже приезжал на такси. Все. Праздник кончился. Звездочка крошится в ладони. Тальк – камень мягкий. Я стряхиваю раскрошившуюся звезду в сугроб.

...Мама и бабка сидят за столом. О чем-то разговаривают. Я пытаюсь читать книгу.

«Далеко ли близко ли, давно ли недавно ли — жил да был на свете пастушок. А отца у него не было...»

А у меня есть! Есть!! Слышите, есть!!! Есть у меня папа!!!

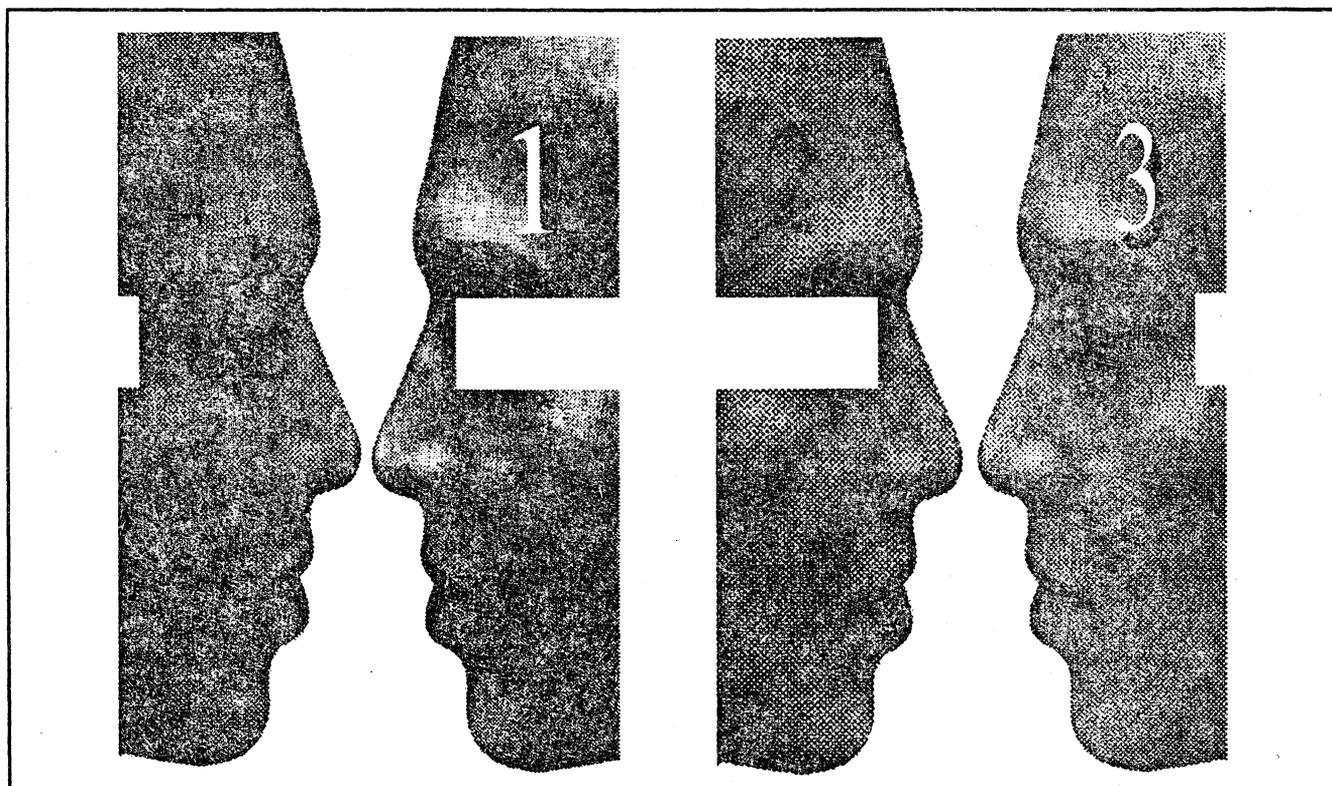
Андрей ИЛЬИН

ТАЙНЫЕ ЛЮДИ

ЗАПИСКИ НЕВИДИМКИ

ПОВЕСТЬ

Оформление Сергея ГРИГОРЬКИНА

Несколько месяцев назад в мой кабинет зашла миловидная женщина. На просьбу присесть она отрицательно качнула головой и положила на стол объемистый конверт. "Здесь рукопись. По просьбе одного человека, который недавно умер, передаю ее вашему журналу. Если она вам подойдет, можете печатать. Если нет — распорядитесь ей по своему усмотрению. Это — воля автора. Прощайте!" Понятно, что меня несколько заинтриговали слова посетительницы. Я тут же вытащил рукопись из конверта. Первая страница была заполнена убористым машинописным текстом, однако ни названия, ни фамилии, ни адреса автора я не обнаружил. Непорядок! Стук каблучков посетительницы замирал в просторном редакционном холле. Я выбежал вдогонку. Женщина уже сошла с крыльца и с усилием открывала тяжелую купеческую калитку особняка. "Простите! — крикнул я. — Назовите хотя бы фамилию автора". "Фамилия... Ну, скажем... Ильин. Да, Андрей Ильин. А название, если будете печатать, придумайте сами". Она шагнула вперед, и калитка, снабженная мощной пружиной, сухо, подобно пистолетному выстрелу, хлопнула за ее спиной. Я озадаченно постоял на крыльце, вернулся в кабинет и начал читать рукопись. С самого начала она настолько захватила меня, что я не смог оторваться, пока не отложил последнюю страницу. А теперь она перед Вами, читатель.

Редактор

Необходимое предисловие. Сегодня я узнал свой окончательный диагноз — неоперабельный рак. Мне осталось жить несколько месяцев. Терять уже нечего, надежд нет никому не могу, так как близких у меня нет. Поэтому я хочу рассказать все, или почти все, о своей жизни.

Двадцать лет я служил в специальном подразделении, которое не значилось ни в одном реестре. Я не имел военного билета, трудовой книжки, паспорта, дипломов. Вернее я имел их десятки, но ни одного на свою настоящую фамилию, которую унаследовал от родителей. Меня лишили моей фамилии, имени, отчества, моих близких, моей биографии. Меня лишили жизни.

За эти двадцать лет мне пришлось вольно или невольно причинить людям столько горя, что теперь я чувствую необходимость в очищении. Единственное, чего я боюсь, так это навлечь беду на людей, через которых хочу передать рукопись. Поэтому я не указываю здесь реальных имен, географических названий, умалчиваю о некоторых фактах, к осмыслению которых наше общество еще не готово. Пусть они уйдут со мной.

Автор

Запись 1. УЧЕБКА

В свою первую учебку я попал из армии, не прослужив и полугодом.

— Соберите вещи, документы, сдайте постель старшине и через двадцать минут стойте у КПЦ, — приказал дежурный по части. — И подшейте свежий воротничок. Смотреть противно!

Через двадцать минут я стоял у КПЦ с вещами.

— Ты что ли на комиссию? — спросил водитель подъехавшей почтовой машины. — Садись по-быстрому.

Машина тронулась и покатила вместе с ней моя жизнь в совершенно удивительном направлении.

— Курить не найдется? — спросил водитель.

Я отрицательно мотнул головой. Водитель вздохнул и достал из бардачка свои.

Я ехал, подпрыгивая на изношенном сиденье, смотрел на проносящуюся мимо гражданскую жизнь и тихо радовался неожиданно свалившейся на меня передышке от порядком надоевшей казарменной рутины.

— Прибыли. Пожевать чего нету?

Я снова замотал головой.

В коридоре, где располагалась комиссия, гул стоял как в бане в воскресный день. Молодые ребята-«стригунки» одинаковые, как только что выпавшие из-под пресса медные пятаки, бродили, бестолково тычась в двери кабинетов, одевались, раздевались, отвечали «Я!», когда выкрикивали их фамилии, обменивались впечатлениями, курили украдкой в туалете. И так же, как все, бродил, раздевался, одевался, заглядывал в двери, робея перед суровой настойчивостью отборочной комиссии, я.

— Сядьте. Встаньте. Наклонитесь, — требовали врачи.

— Скажите: «Свисток свистел шепотом».

— Татуировки, родинки, шрамы есть?

— Повернитесь. Еще Поднимите руки Опустите. Все чисто.

— Высоты, темноты, замкнутого пространства боитесь?

— Какого пространства?

— Под диваном в детстве не боялся сидеть? А в погребке?

— У нас не было погреба.

— Ладно, иди.

— Во сне разговариваете, храпите?

— Я не знаю, я во сне сплю...

Все происходящее напоминало мобилизационную комиссию. Но бросалась в глаза какая-то однородность всех призывников — средний рост, средняя комплекция, даже внешность какая-то усредненная. Все отслужили в частях не больше полугодом, все без предупреждения были сняты с мест, никому ничего не объяснили.

— Куда нас отбирают? — бесконечно гадали мы, — в подводники, что ли?

— Ага. В подводные танкисты, — подмигивали шутники.

— Как это?

— А так. В танки позапирают и в море побросают. Плавай.

Постепенно толкотня в коридорах убывала, призывников оставалось все меньше и меньше. К вечеру на стульях у стен сидело десятка три, пскрывшихся от холода пупырышками, «счастливец».

— Стройся! — приказал старшина саженного роста и, не без иронии поглядывая на наши впалые животы и болтающиеся на подвздошных костях безразмерные армейские трусы, скомандовал: — Всем одеваться и в автобус. Быстро! Вояки. Тоже мне...

— А куда мы едем?

— В карантин.

— Так мы его уже проходили в частях.

— То был карантин, а это будет карантин! — многозначительно объяснил старшина. — Ну, да вы сами поймете. Больше вопросов нет? Тогда айда!

Карантинные странности начались сразу же. В казарме не было дневальных и обычной в таких случаях наглядной агитации. Зато между койками стояли полутораметровые перегородки из крашеной фанеры. То есть каждый спал как бы в своей маленькой келье, а не на глазах сотни сослуживцев, как в обычной казарме. Форма была без погон и знаков различия. Никто не орал утром: «Подъем!», все поднялись сами и недоуменно слонялись по казарме. Казалось, о нас напрочь забыли.

— Нет, ну видели мы бардак в армии, но не до такой же степени! — удивлялись «старики», отслужившие в частях на один-два месяца больше остальных, — это что вообще!..

Наконец явился давешний старшина.

— Встали? — как-то совершенно по-домашнему спросил он. — Тогда шагом марш в баню и столовую.

И в последующие дни нас не заставляли делать ничего из того, к чему мы успели привыкнуть за месяцы службы. Мы не бегали кроссы, не стреляли, не отжимались, не ходили в наряды. Целыми днями мы общались с неразговорчивыми (если это не касалось их специфи-

ки) личностями в белых халатах, накинутых поверх армейских кителей, сутками сидели в темных, беззвучных комнатах, безропотно позволяли оклеивать себя датчиками и опутывать проводами. Мы перестали замечать присутствие глаз телекамер, закрепленных в учебных классах, казарме, столовой и даже курилке. Привыкли к ежедневным отчетам о «прожитом дне», где подробно описывали все, вплоть до снов, случайных мыслей и оброненных слов.

Мы утомились от бессмысленного однообразия и уже не хотели ни учебки, ни будущей таинственной службы. Иногда без предупреждения, без каких-либо видимых причин кого-нибудь из курсантов вызывали и больше мы его не видели.

— Еще одного выпустили на свободу, — шутили мы не без зависти, глядя на опустевшую койку.

И продолжалась эта непонятная тягостина не месяц и не два. Наконец однажды нас собрали в классе.

— Вот что, ребятки, не будем ходить вокруг да около. Вы прошли достаточно серьезный отбор и психологическую подготовку, чтобы говорить с вами напрямую, — по-военному рубанул высокий (если судить по суете, устроенной возле него нашим начальством) чин в гражданском. — Солдатчина для вас кончилась. Вы не пушечное мясо, рассчитанное на одну атаку, вы предназначены для выполнения строго конфиденциальных заданий, о характере которых я пока говорить не имею права. Придет время — узнаете. А пока будет учеба. Наверное, она вам покажется странной. Даже очень странной. Не берите в голову. Это не ваши проблемы. Учитесь себе, лишних вопросов не задавайте, все равно на них никто отвечать не будет. Те, кто выдержит последующий аттестационный экзамен, имеет шанс задолго до своих однополчан оказаться дома, что, согласитесь, стимул. Но для этого придется ох как потрудиться.

В справедливости последних слов нам пришлось убедиться уже на следующий день. Занятия длились с раннего утра до позднего вечера с короткими перерывами на завтрак, обед и ужин. Но даже за едой мы не могли расслабиться. Каждый раз, несканно удивляясь происходящему, мы ели по-разному: за длинными свежеструтанскими деревянными столами и прекрасно сервированными, покрытыми крахмальными скатертями, ресторанными столиками, вкушали флотский борщ в неожиданно объявившейся в нашем сухопутном здании, судовой кают-компании и пили чай, сидя на кошмах в расставленной на плацу походной юрте, наскоро перекусывали тушенкой, подогретой на выхлопной трубе бульдозера и грызли мороженую, только что вытащенную из специального морозильника, строганину, пробавлялись сырыми лягушачьими лапками, глотали дождевых червей, улиток, слизней и прочую насекомовидную гадость, составлявшую аварийный рацион. Мы ели ложками, руками, восточными палочками и дюжиной рыбных, мясных и фруктовых ножей и вилок, учились правильно вытирать губы и пальцы бумажными салфетками и рукавами и подолом ватника. Мы добивались правиль-

ной интонации отрывки, допускающей за столом у некоторых южных народностей. Мы должны были твердо знать, какие блюда для какой географической зоны наиболее характерны.

Мы заново учились курить! Держали в пальцах изящные Малборо и козьи ножки, свернутые из газет. Пускали дым вертикальными струями и кольцами. Использовали кальян и пробовали анашу. Мы научились выбрасывать сигареты из пачки ударом ногтя и закидывать их в рот щелчком пальцев.

Но это были не самые большие странности, ожидавшие нас в учебке.

Мы изучали основы грима, накладывали парики, клеили бороды и усы, рисовали шрамы, свежие ссадины и татуировки. Мы учились перешивать одежду, носить женские платья, колготки и туфли на высоком каблуке. Мы изучали акценты, молодежный сленг, азбуку для глухонемых. Высунув от усердия языки, рисовали обыкновенными ученическими ручками и химическими карандашами печати и штампы. Мы освоили езду на всех видах транспорта, включая верблюдов, ишаков и легкомоторные самолеты. Мы по миллиметрам ощупывали манекенов, обвешанных колокольчиками и специальными звуковыми датчиками, а потом с увлечением новичков лезли друг к другу в карманы, резали заточенными пятаками сумки и кошельки, за каждую украденную вещь набирая очки. Мы впитывали навыки десятков профессий. Попеременно мы были стропальщиками, токарями, бухгалтерами, скотниками, кинемеханиками, геодезистами и т.п. Мы получали зачеты за карманные кражи, взломанные двери и сейфы, распиленные решетки, бесшумное передвижение по распатанным деревянным лестницам, прыжки из окон и с идущего полным ходом поезда и автомобиля, симуляцию обморока и эпилепсии, организацию схронов и тайников, профессиональное попрошайничество, игру на гитаре и губной гармошке, мимику лица и жестикуляцию, уловный жаргон и ораторское мастерство.

Совершенно жестокими методами нас приучали к пунктуальности. Если было сказано явиться в столовую в 13.03, то надо было явиться в 13.03, плюс-минус две секунды. На третьей секунде стол убирался и приходилось оставаться голодным! Никакие уговоры, обещания и раскаяния не могли уравновесить этой секунды. Мы тренировали внимательность и память бесконечное число раз, перечисляя вид и расположение предметов в комнате, в которую случайно заскочили неделю назад! Легче сказать, что мы не делали! Иногда нам казалось, что из нас готовят актеров, иногда — профессиональных преступников.

Под стать предметам были преподаватели. Профессоры в полном смысле слова.

Предмет «Карманные кражи» преподавал самый натуральный, с дореволюционным стажем, вор в законе. Абсолютно лысый, но с длинной, во всю грудь, седой бородой, с тонкими, как у выдающегося музыканта или хирурга, пальцами, с острым, как пика, языком.

— Дети, я хочу увидеть ваш инструмент,— так начал он с нами знакомство,— я хочу знать, с чем мне придется иметь дело. Я прошу показать ваши пальчики. Положите руки на стол.

И это называется пальцами? Что с вами сделала великая пролетарская революция?! Зачем она воткнула в эти руки серп и молот? Кому был нужен этот серп и молот? На что теперь годны эти пальчики?

Раньше люди ценили свой инструмент, они тренировали его на фоно и скрипках. Они не хватались за клещи, если с этим могла справиться экономка. Я прошу вас, сделайте ваши пальчики вот так. А теперь так. Боже мой! Какое печальное зрелище! Наверное, этими пальцами можно варить сталь, рубить лес, класть кирпичи, наконец стрелять из карабина, но что делать такими пальцами в нашем интеллигентном деле? Я не знаю. Я хочу впасть в отчаяние и уйти.

Время великих музыкантов и великих щипачей ушло безвозвратно, потому что не осталось достойного инструмента. Разве мог бы маэстро Паганини такими обрубками играть на скрипке? Разве мог бы Леня Крестовский вытащить из заднего кармана губернатора Киева золотой портсигар, в то время как тот безмятежно сидел на нем и на стуле в императорской ложе театра?!

Михалыч, так за глаза и в глаза звали мы своего преподавателя, свое дело помнил, хотя и перевалило ему в то время за 70!

— Тренаж, тренаж и еще раз тренаж! Я хочу, чтобы ваши руки чувствовали колыхание воздуха от пролетевшей в соседней комнате бабочки! Подушечка пальца должна быть чувствительна как натянутая на арфе струна. Тогда вы сможете сыграть такую симфонию, от которой у людей на глазах выступят слезы!

Вы должны следить за своими ручками, как воспитанницы курсов благородных девиц за своей честью. Дети, что вы творите со своими руками! Вы ходите по морозу без перчаток, вы таскаете пудовые гири, простите, откусываете заусеницы и грызете ногти! Вы безжалостно ломаете подаренный вам природой тончайший инструмент. Руки настоящего щипача должны быть взлелеяны и ухожены как ручки дамы самого высшего света. Они должны быть ухожены лучше, чем ручка дамы высшего света! Ах, какие руки были в свое время у меня. Ни одна женщина не имела таких рук! И как я умел настраивать свой инструмент! Таким инструментом можно было творить чудеса. А вы ковыряетесь пальцами в носу. Молодежь! Стали бы вы ковыряться в носу микрометром или микроскопом?! Так ваши пальцы и есть ваш микрометр и ваш микроскоп!

Что ты делаешь? Что ты творишь, негодный мальчишка! Так работать нельзя! Это, простите, карман, а не декольте на платье любимой девушки. И лезете вы не до трепещущей груди своей пассива, а до чужого кошелька. Согласитесь, это разные вещи. Я не скажу за вашу возлюбленную, но вряд ли ваши пальцы, щупающие сквозь карман чужое бедро, будут интересны тому прохожему. Я не могу поставить вам зачет. Миль пардон, лобезнейший..

Не имейте привычку отводить глаза, когда работаете клиента. Не надо прятать лицо. Боязнь привлекает внимание. Действуйте открыто, обаятельно, смело. Улыбайтесь в глаза, не бойтесь подарить человеку лишнюю толику радости, тем паче, что вашему клиенту скоро придется сильно загрустить по поводу безвременной утраты любимого гомонка. Улыбка рождает доверие, доверие притупляет бдительность. Любой сторонний человек, увидевший, что вы лезете в карман с обаятельной улыбкой на устах, подумает, что это шутки добрых приятелей. Попробуйте то же самое сделать с мрачной физиономией!

Не впадайте в панику, если вас поймали. Не теряйте своего человеческого и профессионального достоинства. Честь выше двух-трех лет, проведенных за решеткой. Проигрывайте красиво, и вас будут уважать.

Мальчик, я дал тебе этот шарик не для того, чтобы ты игрался в пинг-понг. Я дал тебе этот шарик, чтобы ты разминал пальчики. Ты должен работать днем, вечером, ночью, сидя на горшке и в кабинете гражданина начальника. Тренируйте ваши руки, если хотите иметь успех. Миша кронштадтский не выпустил шарик из рук даже тогда, когда красивые комиссары подвели его к стенке. И это, я вам скажу, были руки! Таких рук больше нет. Я видел вот этими своими глазами, как он протискивал пальцы в спичечный коробок, не раскрывая его! Он вытащил одну за другой три спички и имел феноменальный успех. Я не знаю, как он это делал, но я это видел!

Если вы думаете, что взрезать сумку это то же самое, что отмахнуть кусок колбасы, значит вам здесь делать нечего. Сумка не колбаса! Как вы держите лезвие! Хотя, как еще можно держать нынешние лезвия? Когда-то давным-давно я имел удовольствие работать золинговскими лезвиями. Это, скажу я вам, были лезвия! В сравнении с ними современный продукт напоминает никогда не точеный топор: Золинг резал, как песню пел, легко и нежно, словно горячий нож сливочное масло. Бросьте это железо. Лучше возьмите обыкновенный пятак и заточите его, как бритву. Это будет дольше, но это будет прибор!

Удивительно то, что мы не признавали в Михалыче преступника. Нашим учителем был уголовник, вор, рецидивист с пятидесятилетним стажем, а мы воспринимали это как норму. Он был нашим преподавателем и прекрасным профессионалом в своей области. Не более того!

Интересно, что и он не признавал себя преступником.

— Вы думаете, мне нужен этот кошелек? — иногда философствовал он, — мне нужен процесс, мне нужна игра. Вы думаете, мой лучший портмоне был самым толстым? Ничего подобного. Свой лучший кошелек я взял с начальника Ростовской уюловки на торжественном заседании, посвященном дню милиции. Сколько там было денег — 50 рублей. Милицейские слезы! Но там присутствовало истинное искусство! Там была игра, азарт. А что деньги? Даже самый толстый кошелек не будет толще одной страницы моей биографии. Что вы понимаете в жизни. Эх, молодежь!

Не менее интересен был преподаватель грима, мимики и движения. Иногда он был склонен к грубости, но это целиком компенсировалось его профессионализмом.

— С подобной рожей тебя заберет первый милиционерский патруль. Ты что, жабу съел? Расслабь мышцы. Покажи глаза. Тебе нечего скрывать. Тебе нечего бояться. Ты нормальный законопослушный гражданин. Подойди к милиционеру, улыбнись приветливо, спроси у него, где здесь поликлиника, спроси, который час. И не убыстряй шаг, когда уходишь. Не суетись!

Запомните раз и навсегда — лицо тот же киноэкран. Какая пленка крутится у вас в голове, такой кадр проецируется на вашей физиономии. Так покажите мне приятную, радостную картинку...

Убери эту мелкоуголовную прическу, раздвинь брови и не держи сигарету, как зубочистку, не выпучивай глаза, словно тебя голый задницей посадили на оцети-нившегося ежа! Образ создают штришки. Так лепи из них целое...

Как ты ходишь? Походка — визитка человека. По походке за полкилометра можно определить, кем работает человек, есть ли у него семья, здоров ли он, радостен или чего-то боится. Вы можете сколько угодно рассказывать, что вы служили на флоте или пять лет работали молотобойцем, но пройдите три метра, и внимательный человек сразу скажет, что вы никогда не стояли на палубе корабля и не держали в руках ничего тяжелее ложки. Если вы не научитесь двигаться, все прочие знания будут бесполезны. Жест выдаст вас быстрее, чем язык. Я знал десяток сыскарей, которые провалились только потому, что неправильно держали рюмку или застегивали пиджак. Учитесь думать телом, каждой мышцей, каждой клеткой.

Грим это последнее средство. Это жест отчаяния, когда все прочие средства перевоплощения исчерпаны. Когда истощаются мозги, человек хватается за краски. Ваша палитра — ваше лицо, ваша мимика, движение. Умейте управлять каждой мышцей, и у вас будет сто лиц!

Что меняет человека? Борода? Усы? Парик? Чуть собачья! Глаза и губы. И еще привычки окружающих. Если тебя привыкли видеть суровым — губы строчкой — ты пройдешь незамеченным с широкой улыбкой и веселыми глазами. И наоборот. Борода и усы для дураков. Для костоломов, которые ничего не видят дальше своих кулаков. Таким дай атрибутику, бутафорию, шик.

Один мой ученик, попав в переплет с подобным трудным контингентом, умудрился за тридцать минут, в кабинке ресторанного туалета, наголо обриться осколком оконного стекла, из тех же волос, на скорую руку соорудить бороду и усы, все склеить собственным, извините за физиологические подробности, естественным, мужского происхождения, клеем, обменяться пиджаком со случайным ротозеем (чему тот был безумно рад, так как получил отличный импорт взамен потертого отечественного ширпотреба) и подобном виде гордо прошествовать мимо стоящих на страже преследователей! Они на него смотрели, но они его не видели! И это не только борода и усы, это уже талант перевоплощения! Поверьте мне на слово.

Другой наш выпускник, видели бы вы его топором сработанную рожу — выкручивался из подобного затруднительного положения в женской одежде. И так в этом преуспел, что чуть не был изнасилован случайно повстречавшейся группой хулиганствующих подростков. И это опять-таки стало возможно благодаря только и исключительно филигранному владению мимикой, походкой, гримом. И кто теперь мне может возразить, что в предстоящем вам деле мимика и движение играют второстепенную роль?..

Менялись предметы, менялись преподаватели. От обилия информации и впечатлений голова шла кругом!

— Вы должны уметь выжить и стать своим парнем в любой среде, — не уставали втолковывать нам, — вы одинаково безукоризненно должны держаться в кругу профессуры и мелкобуржуазного элемента, среди работоргов и художественной элиты. А для этого вы должны знать, как они двигаются, говорят, едят, пьют, ходят в туалет, о чем думают, какие профессиональные хвори их одолевают. И вы должны точно так же, как они, уметь ходить, говорить, есть, пить, думать. Вы не можете позволить себе жить белой вороной в черной стае. Вы можете быть только черным среди черных!

Биография любого человека — это тысячи осколков впечатлений, встреч, потерь и приобретений. Собранные воедино, выстроенные в строго определенной последовательности, они составляют жизнь. Мы учим вас из разрозненных цветных стекляшек, филигранно пригнаных друг к другу, собирать совершенный витраж биографии.

Но нельзя выдумать легенду, не подтвердив свою фантазию делом. Если вы утверждаете, что служите в балете, значит, будьте добры, надевайте пуанты и вставляйте на пальцы. Если вы называете себя принцем датским, ведите себя соответственно. А если вы избрали роль судового кочегара, значит, должны управляться лопатой именно как судовой кочегар, а не как, например, землекоп. Знать — значит уметь. Знания, не подкрепленные умением, бесполезны и даже опасны. А потому трудитесь, не жалея времени и сил. Пригодится. Кто знает, может от того будет зависеть ваша жизнь.

И снова с утра до вечера мы торчали перед мониторами тренажеров и в лингвистических кабинетах.

Через год, когда все преподаватели посчитали, что мы достаточно подготовлены, нам объявили условия экзамена. Такого мы не ожидали! Нет, это были не билеты, не зачеты и не письменные работы в классах.

— Пришла пора доказать, что вы не зря ели казенный хлеб. Мы объявляем «день открытых дверей». Завтра, послезавтра или через неделю вы отправитесь туда, в большой мир. С собой у вас не будет ничего, кроме армейского комплекта. Не будет еды, денег, дополнительной одежды, документов, жилья. Не будет даже элементарной расчески. Все это вы должны добыть сами. Это и будет главным условием экзамена. Скажем больше, мы не гарантируем, что на кого-то из вас не будет объявлен в месте заброски розыск и, зна-

чит, ваши портреты появятся на стендах и в планшетах постовых милиционеров. Это для стимуляции вашей подвижности.

Через два месяца мы отследим состояние ваших дел. Те, кто сможет легализоваться, организовать достойные легенду и быт, получат зачет и смогут вернуться домой или, по желанию, остаться там, где натурализовались. До особого распоряжения, может год, может пять, может больше, мы вас трогать не будем. Живите как хотите. Тот, кто будет раскрыт, кто в течение указанного срока обратится к нашей помощи, — отправится дослуживать в свои старые части с исключением времени, затраченного на учебу.

Определим несколько НЕ.

Вы НЕ должны покидать определенную вам географическую зону. НЕ должны выходить, тем более обращаться за помощью к родственникам, друзьям и знакомым, посылать им письма, звонить. Вся переписка только через учебку. НЕ должны обнародовать наш контактный телефон без крайней, точнее даже без сверхкрайней необходимости. Если вы, вступив в конфликт с законом, попадетесь — выкручивайтесь самостоятельно. Не сумеете выкрутиться — сидите до конца контрольного срока.

И еще одно, может быть, самое серьезное НЕ. Никому, никогда, ни при каких обстоятельствах вы не должны рассказывать об учебке и характере вашего задания. Нарушение данного НЕ будет расцениваться как разглашение государственной тайны и наказываться по соответствующей статье уголовного кодекса.

Моя очередь наступила к исходу четвертых суток.

— Армейские сапоги, портянки, белье, х/б штаны и гимнастерка, шинель б/у, пилотка, — перечислил мой актив «костюмер», — теперь карманы.

Я вывернул карманы, выложил на стол те немногие вещи, что позволялось иметь в учебке.

— Носовой платок можешь оставить, — милостиво разрешил инструктор, глядя на мой шмыгающий нос, — не унывай, тебе еще повезло. Некоторых мы забрасывали на пляж в одних плавках. А у тебя шинелка!

— А куда меня направят? — попытался выведать я.

— Кто знает? Страна большая. Может, в заполярную тундру, может, в Сочи, — пожал плечами инструктор. — Иди лучше отъедайся последним ужином. Может статься, что в ближайшие сутки перекусить тебе не удастся.

Ужин я ел без аппетита, гадая, что меня ждет в скором будущем.

Я отвык от гражданки и опасался встречи с ней. Что-то будет?!

Ночью я летел на транспортном самолете, силясь по положению звезд и продолжительности полета определить точку выброса.

— Не мучайся. Дальше места не увезут, — посоветовал инструктор. — А время, что, оно и соврать может. У нас как-то одного такого следопыта полтора часа крутили над аэродромом, а выгрузили за забором родной учебки. Так-то.

Самолет пошел на посадку. Не давая возможности оглядеться, меня пересадили в крытую машину и везли еще около трех часов в неизвестном направлении. Наконец машина встала, дверца распахнулась.

— Выходи, приехали.

Я стоял на небольшой полянке среди хвойного леса.

— Два условия — эту дорогу не использовать и до смерти не умирать, — предупредил инструктор. — Ни пуха!

Мелкий дождик, капающий в лицо, отсутствие пищи, тайга на пять или сто километров вокруг и полная неизвестность — вот такой безрадостный получается актив. У диверсантов хоть парашют с собой имеется, оружие, спички, а я гол, как оципаный сокол.

Стороны света я определил быстро, но какой от того прок, когда карта местности неизвестна даже приблизительно. Здесь что юг, что север, что квашеная капуста — все едино.

— Если не знаешь куда идти, ищи водоем, — вспомнил я совет инструктора по природному выживанию, — ручеек впадает в ручей, ручей в реку, река в другую, более крупную. Где большая вода — там непременно встретится жилье. Люди без воды не могут.

Действительно, в первой же попавшейся на пути деревне можно, изобразив «кораблекрушение» и всплыв в одних трусах, обзавестись гражданской одеждой. В крайнем случае ее можно позаимствовать с ближайшей бельевой веревки. «Утопленника» даже если и поймают — не накажут. Народ у нас жалостливый, на утопленников и погорельцев руку не поднимает.

Я отыскал самую высокую сосну, влез на нее и внимательно огляделся. Ни населенных пунктов, ни просек, ни покосов, ни домов, ни даже реки не обнаружил. Но заметил небольшую грунтовую дорогу.

Взяв азимут, я часа за полтора дотопал до нее. Весь следующий день, лежа в хорошо замаскированном логове, я наблюдал за движением, в первую очередь отслеживая военные и другие, не сулящие мне добра автомобили. Глупо в самом начале пути напороться на случайный патруль или собственными ногами притопать к КПП военного городка или секретной площадки. Лесная дорога чревата самыми неожиданными сюрпризами.

Ночью, выбравшись из схрона, я пошел вдоль обочины в выбранном направлении, прячась в придорожных кустах от фар встречных и попутных машин. У первого крупного перекрестка я снова залег на дневку. Здесь движение было более оживленное — машины сновали туда-сюда с интервалом не более пяти минут. Постепенно картина вырисовывалась. Судя по номерам и характеру грузопотока, я находился где-то на стыке Урало-Сибирского региона. Ну что ж, не худший вариант.

В учебке рассказывали, что на заре ее создания, одного бедолагу курсанта по невнимательности пилота выбросили среди голой тундры. Немного озадаченный превратностями судьбы, курсант выбрал приглянувшееся ему направление и зашагал искать людей, среди которых ему предстоит натурализоваться. В это время в учебке, обнаружив, что в месте выброски на ближай-

шие тысячи квадратных километров ничего нет, развернули полномасштабную войсково-спасательную операцию, чтобы помочь жертве авиационной небрежности. Двухнедельный поиск ничего не дал. Курсант был признан погибшим, родственникам выслали соболезнования, пустой цинк и материальную помощь. Пилота отдали под суд, инструктора-куратора, летевшего в самолете, разжаловали в запас. Историю мало-помалу замяли.

Через восемь месяцев по контактному телефону раздался звонок. «Погибший» курсант недоумевал отчетливо, несмотря на то, что оговоренный контрольный срок давно вышел, его никто не проверяет. Оказалось, курсант без еды и бивачного снаряжения топал 800 километров по тундре, пока случайно не наткнулся на становище пастухов-оленоводов. Да, он видел поисковые самолеты и вертолеты, но, как его и учили, прятался от них, опасаясь быть случайно обнаруженным и раскрытым. Пастухи накормили и одели потерпевшего бедствие туриста (так объяснил свое присутствие в этих безлюдных местах курсант) и оставили при себе до конца отгонного сезона или случайной оказии. Курсант быстро адаптировался к северной жизни, подружился со своими спасителями, освоил олений промысел и решил от добра добро не искать. Ко времени звонка он работал главным бухгалтером оленеводческого совхоза и спрашивал, получил ли он зачет и что ему делать дальше.

Так что мне, как ни крути, в смысле географии повезло больше. Урал — не тундра, здесь можно было надеяться не на одних оленеводов. Теперь, когда я примерно знал свое местоположение, моей задачей было как можно быстрее добраться до крупного города, там затеряться и обеспечить всем необходимым несравнимо легче, чем в деревне, где всякое незнакомое лицо бросается в глаза.

Ночью, на ходу забравшись в кузов медленно ползущего в гору грузовика, я отмотал восемьдесят километров и оказался на окраине крупного населенного пункта. Вошел в него я пешком по второстепенной дороге, чтобы избежать случайного контакта с обычно стоящими на въездах патрулями ГАИ и ВАИ. Береженого бог бережет.

Теперь мне не мешкая надо было избавиться от военной одежды. Солдат, передвигающийся в одиночку, всегда вызывает подозрение, и опасна ему не одна только милиция, но еще и патрули, да и любой встречный офицер может, если ему взбрет это в голову, проверить документы. Тут рано или поздно нарвешься на неприятность. Проще и быстрее всего подобную задачу можно было решить на средней величины предприятии, где, с одной стороны не слишком серьезная охрана, с другой — достаточно много работников, чтобы они не знали друг друга в лицо. Форма на подобных заводах не в диковинку, так как многие рабочие используют старые шикели и гимнастерки в качестве грязной одежды, к тому же здесь, как правило, не редкость стройбат.

Пройдя от конечной трамвайной остановки по хорошо натоптанной тропе и протиснувшись в узкий

пролом в заборе, я скоро бродил по внутренней территории подобного заводика. Как и ожидалось, внимания на меня никто не обращал, поэтому перестраховка — обрезок трубы, покоящийся на моем плече и способный любому встречному доказать, что я свой и просто иду со склада в цех, — была излишней. Сделав круг, я легко определил самую большую рабочую раздевалку. Поднявшись по лестнице, я быстро скинул форму, прошел в душевую и с удовольствием подставил себя под горячие струи. Здесь я чувствовал себя в безопасности. Голые все одинаковы, что военные, что рабочие, что ведущие конструктора, а паспортов у них по причине отсутствия карманов при себе нет.

Смена была в разгаре, людей в раздевалке было мало. Выждав момент, когда, одевшись, ушли последние, я с помощью примитивной отмычки, выгнутой тут же из куска случайной проволоки, вскрыл ближние одежные ящики. В первом висела бесполезная роба, во втором не подошли размеры, третий ящик обеспечил меня вполне приличной гражданкой. Немного велики были ботинки, но это не смертельно.

Только тут я по достоинству оценил удивлявшие нас критерии отбора курсантов на учебу. Далеко смотрели наши командиры. Каково было бы мне подобрать себе одежду, имея двухметровый рост, сажанные плечи или ступни сорок пятого размера. А так каждый второй гардероб мой!

Кроме одежды я обзавелся крайне необходимой мне для легализации карманной мелочью — связкой домашних ключей, записной книжкой, денежной медью и серебром, авторучкой, трамвайными абонементом. Человек с пустыми карманами столь же подозрителен, как человек с карманами, набитыми сотенными купюрами. Теперь я внешне ничем не отличался от тысяч окружающих меня обывателей, спешащих с работы домой или из дома на работу.

Получив столь необходимую мне психологическую передышку, я стал думать, где мне раздобыть подходящие документы. Но и здесь меня не подвела учеба. «Паспорта всегда ходят рядом с деньгами, — говорил инструктор, — в других местах они людям без надобности». Между сберкассами, кассами аэрофлота, отделами магазинов, торгующих в кредит, и почтами я выбрал последнее.

Несколько часов, проведенных в различных почтовых отделениях, результатов не принесли. Мне нужен был человек примерно моего возраста и внешнего вида. Как назло в очередях стояли пожилые мужчины и женщины, словно в городе разом открылись все богадельни. Наконец я увидел то, что искал. Конечно мы были не близнецы, но некоторое подобие физиономии просматривалось. Мне нужно было лишь изменить прическу и слегка поправить лицо с помощью простейшего грима. Да и кто абсолютно похож на свои фотографии на паспортах, сделанные черт знает сколько лет назад в средней руки фотостудии (на таких фотошедеврах сам себя не при-

знаешь), и кто, кроме милиции, внимательно рассматривает эти фото.

Мой «клиент», изрядно поторчав в очереди, получил перевод, сунул паспорт в карман брюк (чем сильно облегчил мою задачу) и вышел на улицу. Я двинулся следом. Я был спокоен, ибо знал, что чуть раньше или чуть позже паспорт будет у меня. По «карманке» у меня была твердая четверка. В небольшой толкучке у кинотеатра (люди выходили из зала) я вплотную притиснулся к объекту, несильным ударом руки слева отвлек его внимание и быстро выгнул паспорт из правого кармана. Дело было сделано в секунду. Ни один колокольчик не шелохнулся.

— Ты уж прости, — искренне извинился я и отбыл в сторону.

— Ничего, бывает, — пробормотал мне вдогонку только что ставший беспаспортным гражданин.

В паспорт был всунут корешок флюорограммы (дополнительный штришок достоверности) и перевод. Я пересчитал сумму. Для легального ухода из города денег было мало, и чтобы набрать требуемую сумму, мне пришлось несколько часов покрутиться в городском транспорте, потолкаться в шумных магазинных очередях. Угрызенный совестью, потроша чужие кошельки, я не испытывал. От подобных глупостей меня отучили еще в учебке. Я думал о выполнении задания, а не о нравственности своих поступков. Не мог я позволить себе эмоции. Невозможно идти вперед, все время оглядываясь назад. Правда, оббираться старался людей обеспеченных, но вовсе не из-за жадности, просто мне нужны были большие деньги, а не медяки бедняцких кошельков. Рисковать из-за мелочи в моем положении было бы непростительной глупостью.

Вечером, растворившись в толпе пассажиров, я отбыл из города. У меня было новое имя, новая фамилия, отчество, адрес, жена и подробно разработанная легенда. На моих плечах плотно сидел только что купленный в комиссионке (новая одежда не годилась, так как она привлекает внимание) пиджак, в портмоне лежала не очень большая (опять-таки в целях конспирации), но достаточная для двухнедельной поездки сумма денег, в руках легкий чемоданчик с обычным дорожным набором и испеченными любящей супругой (а вообще-то купленными на базаре) пирожками.

— Вы куда направляетесь? — поинтересовался я у соседа по купе. — Значит, по пути. Давайте знакомиться..

Поезд уносил меня в определенную мне для «выживания» географическую зону. Первый этап натурализации прошел довольно удачно, а что будет дальше, разве богу и известно.

Поезд опаздывал на шесть часов. Пассажиры нервничали, ругали порядки, царящие на железке, и заодно проводников как ближайших ее представителей. Проводники вяло отгрызались, справедливо объясняя, что даже самые крепкие выражения поезду скорости не добавят. Люди нервничали оттого, что ломались их планы — кто-то опаздывал на работу, кто-то не успевал на семейное торжество, кого-то должны были встречать родственники. И только я, внешне подстраи-

ваясь под общее раздражительное настроение, внутренне был совершенно спокоен. Новый город не обещал мне ничего хорошего, чтобы я спешил попасть туда быстрее. Меня не ждали родственники, друзья, работа. Уже за порогом вокзала меня подкарауливала куча проблем: где жить, где работать, что есть... Поезд, с его временным, но устоявшимся бытом, казался мне почти домом: есть постель, есть столик ресторана, есть доброе участие случайных знакомых. Век бы ехал.

Город встретил противной пасмурной погодой и прилипчивой назойливостью вокзальных цыганок, сухущих в самые глаза предлагаемый товар.

— Заломить бы тебе смуглые рученьки, да свести в ближайшее отделение милиции, — негодовал я на особо настырных представительниц кочевого племени и, одновременно, следуя избранной ранее легенде среднего парня-работяги, чуть не молодожена (если судить по паспорту), приценивался к дефицитному товару.

В следующий раз буду выбирать паспорта более осмотрительно, — зарекался я, — чтобы не надо было заботиться о подарке для молодой супруги и заинтересованно разглядывать колор очередной навязываемой помады.

— Ладно, давай одну.

— Возьми, касатик — не пожалеешь. Жене подаришь, любимой подаришь. А будешь ли любим, дай руку — всю правду скажу, что было, что будет, что на сердце лежит... — тараторила пожилая цыганка и сильно тянула мою ладонь. Наверное я хорошо вошел в роль парня-простачка, легко расстающегося с «лишними» рубликами.

— Ой, касатик, жизнь твоя была разная, и все больше трудная. А ждет тебя скорая дорога в казенный дом... — неожиданно цыганка осеклась, — а помада кому?

— Жене.

Цыганка еще раз взглянула на раскрытую ладонь и уже без обычного ерничества сказала:

— Ждет тебя скоро большая беда в казенном доме. И сам ты из казенного дома. И жены у тебя никогда не будет. Я быстро вырвал руку и протянул цыганке деньги. Но она уже растворилась в сутолоке толпы.

— Бойся человека в форме, — донесся ее уходящий голос.

Я быстро осмотрелся, но на меня никто не обращал внимания. Чертова цыганка! Выбила из колеи! Я подхватил чемоданчик и быстро пошел к остановке такси.

Устроившись в гостинице, я решил форсировать действия по легализации. Первое — работа, второе — жилье, третье — круг знакомых и друзей, четвертое — любовная связь, определил я первоочередные задачи. То есть все то, что обычно имеет всякий нормальный человек и что позволит мне стать таким человеком.

Реализация первого пункта усложнялась отсутствием у меня на руках (да и в природе как таковой) трудовой книжки. Можно было потолкаться в районных бюро по трудоустройству позаимствовать ее у первого же безработного ротозея и исправить под себя. Других мест, где запросто «ходят» бланки трудовых, я не знал. У работающих они надежно заперты в сейфах отдела кадров. Но заниматься карманными кражами в городе, где мне пред-

стояло жить, не хотелось. Не гадыте там, где обосновались, — сто раз повторяли нам в учебке. Нужно было искать другие, более легальные пути.

Конечно, сделать липовую книжку есть возможность у любой работницы отдела кадров, но это, как минимум, усложняющий жизнь любовный роман. Убедить кадры закрыть глаза на некоторые канцелярские нарушения и выписать новую трудовую мог, в принципе, любой начальник, но для этого надо быть с ним знакомым. Я определил цель — руководящее звено небольшого предприятия или учреждения. Где их искать? На работе с подобным контингентом не познакомишься, там они заперты в непробиваемые официально-бюрократические доспехи. Дома? Так не приглашали. Где же еще может проводить время управленческий интеллигент среднего звена? Театр — слишком официально. Кино — слишком непрестижно. Баня — для избранных. Дачи — не сезон. Остается ресторан.

В центре города я выбрал несколько престижных, но не очень шумных ресторанов и, ежевечерне меняя, стал посещать их. Я подсаживался к хорошо одетым мужчинам с типичными командно-управленческими жестами и манерами, легко читаемыми в обращении с официантами, заказывал не очень обильную, но достаточно изысканную еду и выпивку. Щедро угощал соседа, однако веселых бесед не поддерживал и вообще был печален, рассеян и замкнут в себе. Рано или поздно, чувствующий себя обязанным за бесплатное угощение, сосед по столику задавал нужный мне вопрос.

Быстро выяснилось, что этот город для меня случаен, что молодая жена через три месяца после свадьбы наставила новоиспеченному мужу, то есть мне, рога с моим же близким приятелем. Что, не перенеся такого удара, я бросил все: работу, квартиру и в чем есть шагнул за порог, сел в поезд и поехал куда глаза глядят. И теперь, не видя выхода, просаживаю здесь последнюю наличность в этом вот ресторане. Что ходу назад нет, что легче лечь на рельсы, чем сесть в идущий по ним обратно поезд. Вот такая душещипательная история.

Застольный сосед, изрядно подогретый дармовой выпивкой, сочувствовал, входил в положение и давал бесполезные, а когда и очень даже ценные советы.

— Брось ее, стерву! Оставайся здесь, живи, устраивайся на работу. Городок у нас ничего, девчат хватает.

— У меня трудовой нет, характеристик, военного билета, диплома. Все там осталось, — безнадежно вздыхал я.

— Пусть вышлют.

Я категорически мотал головой, как бы говоря — назад ходу нет, старая жизнь перечеркнута жирной чертой. Любые упоминания о прошлом — ржавый нож, воткнутый в незажившую рану. К тому же, если узнают мое местоположение, начнутся уговоры, раскаяния, слезы, угрозы. Нет! Не хочу!

— В конце концов можно устроиться так, а потом когда-нибудь переправить документы, — искал выход из положения новый ресторанный друг, — у меня есть

знакомые, можно поговорить...

Отгуляв два десятка ресторанных вечеров, я располагал кучей знакомых и полудожной интересных деловых предложений. После тщательного анализа я выбрал одно — опытное производство в небольшом не режимном (значит пристальной проверки не будет) НИИ. С подачи зам. директора по административно-хозяйственной работе отдел кадров сломался быстро и принял меня на работу в должности мастера инструментального цеха. Предлагаемую работу снабженца я отверг, как чересчур опасную — кто знает, с кем может столкнуться судьба-злодейка находящегося в постоянных разъездах «доставалу».

В общежитии завода-субподрядчика меня обеспечили койкой в комнате и, что много важнее, легальной пропиской в паспорте. Штамп выписки я загодя нарисовал с помощью обыкновенной ручки и ластика.

Короткий, полный комплиментов и полупрозрачных намеков разговор с перезревшей комендантшей общежития, превратил комнату на троих в отдельную, хотя и с двумя пустыми койками и перспективой возможного подселения квартирантов. В профкоме, не без помощи все того же зама по АХЧ меня поставили в очередь на квартиру.

— Не дрейфь, — дружески стучал меня по плечу зам на очередной дружеской вечеринке, — получишь квартиру, обживешься и потечет жизнь тип-топ!

По первым пунктам натурализации можно было подводить итог — есть устойчивая, не без перспективы работа, прописка, жилье, круг весомых, способных помочь в самых цекотливых вопросах, знакомых. Оставался пустяк — личная жизнь и, желательно, не с комендантом родного общежития. Что ж, не плохо. Очень не плохо! Наверное далеко не каждый курсант учебки может похвастаться такими успехами. Меньше чем за месяц провернуть такую работу!

Я упивался горячей любовью к самому себе, не гадаясь, что уже следующая неделя развеет в прах с таким трудом построенную мною пирамиду благополучия. И виной тому будет не хитроумный контрзаговор, не умный ход противной стороны, а совершенно нелепый, совершенно дурацкий случай, предусмотреть который не в состоянии даже самый умудренный профессионал. Я радовался как надутый гусак, а стрелки отсчитывали последние часы моего благополучия.

Наверное сам черт дернул меня в тот вечер отправиться на вокзал. Приспичило принести на ответственную, в смысле наработки полезных связей, вечеринку бутылку марочного коньяка, вместо обычной водки. Магазины были закрыты, ближайший ресторан — вокзальный. Так я и очутился один на один со случайной арбузной корочкой, на которой, успешно поскользнувшись, разбился в самые последние дребезги.

— Будьте добры, ваши документы, — попросил молоденький, с ушами в стороны, милицейский сержантик.

— А в чем собственно дело?

— Дело в документах. Паспорт предъявите.

— На каком основании? Я не понимаю почему!.. — с

уверенным напором начал я. Но уверенности я не чувствовал, а чувствовал противный липкий страх. Где-то я проколотся. Но где? Когда?

Можно было попытаться убежать, но за спиной сержанта стоял его напарник. Рисковать? А если это обычная формальная проверка?

Выказывая всем своим видом нетерпение я протянул паспорт.

— Ну точно! Я же чувствовал. Я же видел! — совершенно по-детски обрадовался сержант, — меня в милиции всегда в пример ставили за память. Я раз увижу и все, навек! Ну вот же, вот! Фамилия другая, а паспорт выдан и предыдущая прописка как раз по месту розыска. Хорошо я при переводе ориентировку забыл сдать, так и осталась в планшетке. И на тебе, пригодилась! А лицо. Посмотри — лицо не его! Вот скулы, разрез глаз... Посмотри.

Все ясно. Парня, буквально днями, перевели из области, где на меня, стараниями учебки, объявили розыск. Случайно его послали именно туда, куда направился я. Случайно у него оказалась феноменальная зрительная память. Случайно в планшетке затерялась ориентировка с фотопортретом моей личности. Именно сегодня, ни часом раньше, ни часом позже я прошел мимо его поста, высветив физиономию в свете, опять-таки случайного фонаря. Калейдоскоп случайностей! Тысячи необязательных на первый взгляд звеньев причин сцепились в единую, логически завершенную и не сулящую лично мне ничего хорошего, цепь следствия. Все. Крут замкнулся!

— Да бросьте вы ребята. Какой преступник? Посмотрите внимательно. Разве я похож на уголовника. Побойтесь бога! Это просто идиотское совпадение, — перешел я на дружеский тон, стараясь усыпить нездоровую бдительность сержанта, — я иду с работы на вечеринку, вот, зашел купить шампанского. А вы говорите преступник. Ну хотите я вам дам адрес работы...

— А прописка как же? А место выдачи паспорта? А? — упорствовал милиционер.

— Ну каких только случайностей не бывает. У меня теща слесаря-сантехника за Алена Делона приняла, чуть дара речи не лишилась. Стоит Алэн Делон на пороге в робе с водопроводным коленом и разводным ключом и спрашивает, где здесь унитаз течет, — пытался разрядить обстановку я, одновременно лихорадочно соображая, как безопасней ретироваться.

Я уже понимал, что игра проиграна, что сержант будет гнуть свою линию до конца. Единственной возможностью спастись было немедленное бегство. При решительных действиях шанс у меня был. Потянуться за паспортом, сбить сержанта резким ударом носка ботинка в коленную чашечку, опрокинуть на напарника и, пользуясь секундным замешательством, нырнуть в толпу. Предположим толпа будет пассивна и не подставит мне подножку. Куда я денусь дальше? Платформы отпадают, слишком светло. Привокзальная площадь... — я лихорадочно проигрывал варианты бегства, постепенно, с дружеской улыбкой на лице, приближаясь к сержанту. Словно почуяв опасность, сержант поднял глаза от пас-

порта и приказал:

— Ну-ка, стойте на месте! Вот так. А ты, младшой, встань-ка сбоку. Мало ли что ему взбредет в голову. Судя по ориентировке, гусь еще тот.

— Ну вы, ребята, совсем. Смешно, честное слово! — рассмеялся я, пробуя отступить, но младший сержант быстрым шагом придвинулся и встал рядом, под правое плечо. Профессионально работают, — отметил я. Вокруг собирались зеваки, образуя плохоодолимую живую изгородь. Одним рывком такую не пробьешь, а второй попытку, скорее всего, отпущено не будет.

— Следуйте за мной, — предложил сержант. — Прошу! Вот и все, — понял я. Как мгновенно благополучие превращается в безнадежность. Еще двадцать минут назад я, полный беспечного оптимизма, шагал в ресторан и вот я уже почти зек! Завтра они пошлют запрос по месту выдачи паспорта, там проверят данные, быстро выяснится, что паспорт утерян, что представил его подозрительный во всех отношениях самозванец. Согласно розыскной ориентировке я сбежал из мест заключения, значит меня передадут в руки... Чьи? Милиции? Отцов-командиров учебки? Ладно, без разницы, куда бы меня не этапировали, задание безвозвратно провалено. В лучшем случае пару месяцев меня покантуют по КПЗ, а потом — шагом марш в родную армейскую часть, дослуживать положенные месяцы. Печально!

Младший сержант цепко обхватил меня за руку.

— Куда его?

— Давай пока к нам в отделение, а утром разберемся.

Словно мелкого воришку, — подумал я, ловя на себе любопытные, а порой злорадные взгляды расступавшейся толпы. А собственно кто я? Паспорт раздобыл в чужом кармане, деньги нашел в чужих кошельках. Биографию и ту украл! Говорят — победителей не судят. Наверное. Но я-то проиграл по всем статьям!

— Примите, — передал меня сержант дежурному по отделению.

— Кто такой?

— Темная личность.

— Ладно, заводи.

Отделение было махонькое, неприспособленное, наспех переделанное из подсобного вокзального помещения.

Помощник дежурного открыл дверь, повел меня по узкому коридору. Выбирает камеру, понял я. Только из чего выбирать — камер-то всего три. В одной наверняка женщины, в другой вздрыг пьяные пассажиры или подrostки. Остается одна.

Милиционер загремел связкой ключей, неосторожно повернувшись ко мне спиной. Ну и порядок у них тут! Совсем службу забыли. Дать бы ему по затылку, чтобы бдительности не терял.

— Давай, заходи, — приказал надзиратель.

— Эй, начальник, тут полный комплект, — возмутились из полумрака, — друг на друге сидим, дышать нечем. Веди его дальше.

— Ничего, поместитесь. Не гостиница, — лениво ог-

рызнулся мой сопровождающий.

— Неужели не понятно, нет здесь места! Что ж нам — стоять, — разом в несколько голосов загомонила камера.

— Хватит бузить, — гаркнул милиционер, — сказано сюда, значит сюда, — и толкнул меня в спину. — До утра перебьетесь, а там видно будет.

Постепенно мои глаза привыкли к полумраку камер. Я разглядел четырех сидящих на двухъярусных нарах. Не так уж у них тесно, — подумал я.

Как требовали в учебке я, в первую очередь, рассортировал потенциальных противников (а при выполнении задания любого нового человека принято считать заведомым противником) по ранжиру — возраст, вес, рост, комплекция, физическое развитие, цвет волос, глаз, кожи, особые приметы и дал каждому карикатурную, то есть характерную только для него кличку. Теперь я не рисковал упустить или перепутать между собой новых знакомых. Каждый занял отведенную для него нишу, намертво засел в памяти.

Дед — лет сорок, похоже, здесь лидер.

Шрам — ножевой шрам через все лицо.

Бугай — по виду бывший борец или тяжелоатлет.

Пацан — самый молодой и никакой внешне.

Первые страницы личных досье были открыты. Теперь мне было важно заметить, кто первый откроет рот, кто с кем переглянется, за кем останется последнее слово. Мелкие штришки взаимоотношений, на которые обычный человек не обращает никакого внимания, обеспечивали меня бесценной информацией, позволяли выстроить психологический портрет незнакомой компании, правильно распределить приоритеты, выделить направление угрозы, избрать верную линию поведения.

— Успех внедрения решают первые мгновения общения. Если вы не умеете быстро определить кто есть кто, за кем сила, а кто ходит в шестерках — лучше молчите, изображая наследственного глухонемого паралитика. Может быть, это поможет сохранить вам голову, — советовал преподаватель предмета «Психология внедрения». — Первое знакомство это как театральная премьера! Настроился на волну зала, почувствовал зрителя, нащупал струнки интереса, сочувствия, подыграл — будет аншлаг. Нет — готовься к оглушительному провалу. Но не дай вам бог переиграть, не дай бог ошибиться!

Все это — заметить, разложить по полочкам, проанализировать, сделать предварительные выводы я успел за те две-три минуты, что стоял посреди камеры, изображая растерянность и ни на кого, вроде бы, не глядя.

— Принес черт подарочек! Ни вчера, ни сегодня! — процедил сквозь зубы Шрам.

— Ладно. Он сюда не просился! — осадил его Дед. — Садись, — кивнул мне на табуретку напротив нар.

Приоритеты определялись.

Дед — авторитет. Если под кого и подстраиваться, то под него.

Бугай — гора мышц при старике. К самостоятельным действиям вряд ли способен, но шею свернет в

секунду, только мигни, задумываться не будет.

Шрам — ходит под стариком, но рвется к власти. От такого в любой момент жди фортеля. Пожалуй, самый непредсказуемый, самый опасный в этой компании.

Пацан — так, шестерка. Ни веса, ни голоса не имеет. При определенных обстоятельствах его можно попытаться использовать.

Я сел.

— Кто будешь? — спросил Дед.

А кто я? Бежавший зек без криминального стажа? Солдат без части? Вор без выгоды?

— Я случайно тут. По недоразумению. Я мимо шел... — забормотал я.

— Ладно, понял. Ложись, прохожий. Отдыхай пока, — приказал Дед.

Пацан спрыгнул с верхних нар.

Удивленный странной, не принятой в подобных заведениях вежливостью, я забрался на нары.

Было ясно, что люди, собравшиеся в камере не случайные знакомые. Для этого они общались слишком накоротке. Либо они высиживают здесь не первую неделю, либо, что более вероятно, знают друг друга давно. В любом случае следовало держать ухо востро.

Я немного повздыхал, поворочался и сделал вид, что уснул.

— Эй, наверху, — окликнул меня Дед.

Я не ответил, сонно посапывая, иногда, для пущей убедительности, всхрапывая.

— Погляди его, — распорядился Дед.

Шрам встал, зажег спичку, приблизил ее к моим глазам. Ну, этим нас не возьмешь. Еще в учебке нас учили как правильно изображать крепко спящего человека.

— Спит, — уверенно сообщил Шрам, — как младенец.

— Лучше бы этот младенец спал дома, — проворчал Бугай.

— Давай к делу, — потребовал Дед.

— Тогда сегодня, — сказал Шрам, — завтра нас переведут в горотдел и хана. Оттуда не уйдешь.

— А откуда?

— Попробовать можно. Отдел на ремонте, временно впихнут в случайное помещение, легавых — всего ничего и, наверняка спят как сурки. Если попасть в коридор, то в конце есть окно, на нем решетка на скорую руку. Пустяк — толкнуть раз.

— А как в коридор попасть?

— Как раньше думали, так и попасть...

Похоже, в камере готовился побег! Мое неожиданное появление, естественно, не входило в планы заговорщиков. Что они предпримут? Отложат попытку или попытаются нейтрализовать меня? Судя по их настрою, последнее более вероятно. Надо было подумать о своей безопасности.

Я заворочался «во сне», повернулся, принял наиболее безопасную позу — лег на бок, плотно упервшись спиной в стену, левую руку положил под себя на слу-

чай удара заточкой снизу, сквозь нары, ноги подтянул к груди, защищая живот.

Заговорщики напряженно замолкли, снова поднялись, проверили сплю ли я, успокоились.

Что делать? Поднять тревогу они мне, конечно, не дадут. Значит, предупредить побег нельзя. Остается бороться за свою жизнь в момент побега. Времени на то, чтобы долго возиться со мной у них не будет. Значит у меня есть шанс...

Увы, моему шансу сработать было не суждено.

— Давай! — скомандовал Дед.

Я напрягся, но было поздно. Со стороны изголовья метнулась чья-то рука, вывернула, задрала мне, ухватясь за подбородок, голову. В горло, напротив сонной артерии, уперлась, царапая кожу, отточенная сталь. Сейчас достаточно было несильно толкнуть заостренный гвоздь, штырь, ложку или что там у них за оружие, чтобы черной струей брызжущей крови из меня в несколько минут вытекла жизнь! Как глупо!

По шее частыми горячими каплями поползла кровь, но глубже заточка не шла. Я вспомнил приметку фронтовых разведчиков — если сразу не убили, значит не убьют, значит ты им зачем-то нужен.

— Тс-с! Молчи, дурак, если жить хочешь! — зашипел мне в ухо Шрам. Одновременно кто-то забарабанил в дверь. Шрам чуть ослабил хватку и я смог оглядеться. Стучал Пацан. Деда видно не было. Бугай стоял, свесив голову, возле зарешеченного окна и от его шеи вверх шла туго натянутая, сплетенная из разорванной рубахи, веревка. Бугай повесился?! Когда?! Почему?!

— Откройте! — орал Пацан, барабанил в дверь пустой кружкой.

Наконец подошел милиционер, спросил через дверь:

— Что там у вас?

— Скорей! Заключенный повесился!

Милиционер внимательно взглянул в глазок, наверняка увидел обвисшее тело Бугая, секунду посомневался не крикнуть ли, как предписывалось, помощь, но потом решил действовать быстро и самостоятельно.

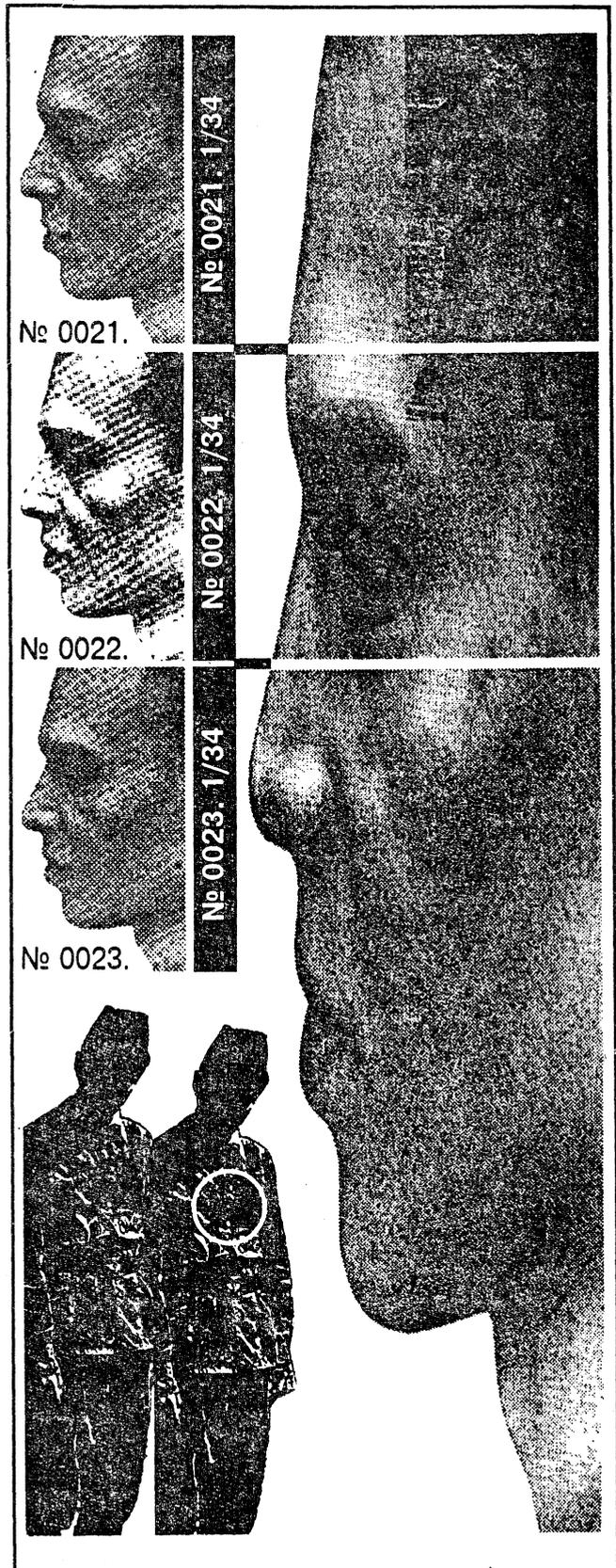
— Всем сесть на нары, руки сложить на колени! — скомандовал он и, открыв дверь, быстро прошел к Бугаю.

Пацан запрыгнул на нары, прикрыв меня и Шрама.

Милиционер, кося глазом на нары, потянулся к веревке и тут Бугай ожил. Сильнейшим ударом в пах и, мгновением позже, в лицо он свалил милиционера, быстро освободил узел веревки, пропущенной под мышки, прыгнул к двери. Пацан соскочил с нар и, на всякий случай, зажал рот милиционеру.

Расчет преступников был верен. Наверное ни в каком другом случае милиционер не открыл бы камеру и не вошел бы туда ночью в одиночку. Его подвела человечность.

Сержант стал приходить в себя, замычал, задвигался на полу. Дед приблизился к нему и, убедившись, что его слышат, сказал:

— Мы взяли заложника. Понял? Ты понял?! Ты будешь молчать полчаса! Если мы заметим погоню, мы убьем его, — и Дед отодвинулся, чтобы милиционер увидел меня с приставленной к горлу заточкой. — Ты понял?!

Милиционер кивнул.

— Мы убьем его. Убьем! — повторил Дед и сильным ударом в висок снова отключил милиционера.

Вот в чем дело! Теперь я буду служить буфером между заговорщиками и погоней. Мной, как мешком с песком они будут защищаться от милицейских пуль. Но почему они не взяли в заложники сержанта? Да потому, что за милицейскую жизнь дают вышку, а за гражданскую — срок, — сам себе ответил я. И еще это значит, что убивать они будут всерьез, для шантажа они предпочли бы сержанта.

— Пошли, — скомандовал Дед.

— Ты все понял? — угрожающе спросил Шрам.

Я моргнул глазами.

— Попробуешь вырваться или крикнуть — считай себя мертвяком, — предупредил Шрам и подтвердил серьезность своих намерений, чиркнув по моему горлу заточкой. Я дернулся от резкой боли.

По одному выскочив за дверь мы дошли до окна в конце коридора. Бугай навалился на решетку и, тихо раскачав ее, выглянул из стены крепежные крючья. Окно было открыто. Протиснувшись в образовавшуюся щель мы попрыгали вниз.

— Ходу! — скомандовал Дед.

Из-за ближайшего угла просигналила фарами машина. Значит, их ждали. И, значит, этот побег, исключая мое присутствие, не был импровизацией. Преступники ввалились в машину.

— А это кто? — спросил водитель.

— Страховой полис, — ответил Дед. — Поехали!

Сзади, со стороны отделения милиции послышался шум, свистки.

— Поздно, — подумал я.

— Поздно! — хихикнул Шрам и только теперь отнял от моей шеи заточку, — поздно проснулись мусорки!

Машина рванулась с места.

— Медленней! — распорядился Дед, — не хватало еще за превышение скорости нарваться на ГАИ. Хватит нам проколов.

Значит это и будет их схрон, — понял я, оглядывая двухкомнатную квартиру планировки пятидесятых годов. Не так уж плохо: отопление, вода, свет, коммунальные услуги. Мое, месячной давности логово было куда проще — земля, ветки со всех сторон, да подушка елового лапника под животом. И все же чувствовал я себя там, в земляной берлоге, гораздо комфортней.

— Шагай! — толкнул меня в спину Бугай.

— Ох! Хорошо! — пропел Шрам, упав в кресло и блаженно раскидав в стороны руки и ноги. — После казенных-то нар!

Дед проверил запоры на двери, сбоку отодвинул шторм, оглядел улицу, потом комнаты, мазнул глазами по мне.

— Значит так, — сказал он. — Касается всех! Отсюда ни шагу. На балкон не выходить, в окна не выглядывать, двери не открывать, гвалт не поднимать, про пьянигульки забыть! Ясно?

— У тебя режим, как в СИЗО, — недовольно пробурчал Шрам.

— С этого, — кивнул Дед, игнорируя недовольство Шрама, — глаз не спускать. Возьми-ка, — бросил Пацану веревку.

Молодой завернул мне руки за спину и то ли от неумения, то ли от излишнего усердия так стянул кисти, что они мгновенно затекли.

— Потихе бы! — попытался возразить я, и тут же получил не очень профессиональный, но достаточно болезненный удар по почкам.

— Потерпишь.

— Я-то потерплю, но что вы будете делать, когда у меня руки отпадут?

Дед пододвинулся ближе, глянул на мои кисти.

— Запомни, у тебя здесь голоса нет! Ты здесь немой! Понял? Если замечу, что ты с кем-то разговариваешь — вырежу язык, — и, отворачиваясь, неожиданно и сильно шлепнул меня по лицу тыльной стороной ладони. Из разбитой губы брызнула кровь.

— Ослабь узел. Нам нужен не труп, а заложник, — приказал он Пацану. — Всем отдыхать. Большой на стреме.

С первой минуты нового заточения моя голова стала работать на побег. В этой схватке я проигрывал уже не зачет, не месяцы дополнительной службы, я проигрывал жизнь. Но и выигрыш был соответствующий! Тут хочешь не хочешь — заработаешь головой.

В принципе путей спасения было четыре: окна в комнатах и на кухне и входная дверь. К двери мне, конечно, приблизиться не дадут. Можно попытаться вывалиться в окно — разбежаться, прыгнуть, выбить корпусом стекло. Но что останется от меня после слепого падения с четвертого этажа? И что ждет меня внизу: бетонный козырек, броня асфальта, острый как штыки частокол ограды палисадника? Знать бы Нет, такой путь оставим на самый крайний случай. Спаситься для того, чтобы всю оставшуюся жизнь пролежать в гипсе — сомнительное счастье.

Вернемся к двери. Открывается она внутрь, значит одним ударом ее не выбить. Замок запирается ключом, быстродействующей защелки нет. Нейтрализовать четырех здоровых мужиков, чтобы иметь время провозиться с запорами, вряд ли удастся. Это не гангстерский боевик. Пока занимаешься с двумя, третий всадит меж лопаток нож. А есть еще и четвертый и пятый — хозяин квартиры. Голыми руками здесь не обойтись.

Ладно, проехали. Что толку про себя размахивать кулаками, когда они за спиной перекручены веревкой. Разделим проблему на составляющие. Вначале руки, потом двери, окна и все прочее. Освободить руки — вот первоочередная задача, за нее и будем воевать.

— Эй, на вышке! Мне до ветру надо, — окликнул я своего круглосуточного охранника.

— Чево тебе? — повернул голову в мою сторону Пацан.

— На парашу веди, говорю. Терпежу нет.

— Ничего, перетопчешься. Нанялся я с тобой в сортир бегать!

— Я терпеть не буду! Мне в этой компании стесняться не перед кем,— предупредил я,— а понравится ли твоим дружкам жить в одном помещении с моими обгаженными штанами, я не знаю.

Я специально злил Пацана, заставляя его делать то, что он делать не желал, унижая его самолюбие, указывая на отведенное ему в иерархии банды сомнительное место то ли надзирателя, то ли мальчика-служки.

— Ты давай шустрой думай, а то как бы мои кишки не обогнали твои извилины!

— Ладно, вставай.

В коридоре я продолжал давать наставления.

— Ты, парень, не злись. Твое дело маленькое.. если у меня маленькое. Мне в сортир ходить, тебе — меня водить. Ты моя сортирная приставка. А вот это ты зря,— охнул я, получив удар под ребра,— я вот обижусь и никуда не пойду. Что тогда? Я белье стирать не стану, у меня руки связаны. Твои начальники тоже. Заставят тебя дерьмо отскрести. А это дело для будущего воровского авторитета несмываемое,— опять удар.— Что же ты так неловко руками размахиваешь? Опять меня задел.

Слабость Пацана заключалась в его желании быть сильным. Окружающий мир он воспринимал сквозь призму больного подросткового самолюбия. Каждый поступок он оценивал с точки зрения его демонстративной престижности. Добавляет он ему авторитета или нет. Вот на этой струнке больного самолюбия и надлежало мне играть марш свободы. Какое дело было бы уверенному в себе бандиту до оскорблений, которые бормочет в его адрес пленник? Ведь он почти труп. Как можно обижаться на труп, на, считай, неодушевленный предмет? Можно обижаться на шкаф? А на потолок, пол? А этот обижается, негодует, расстраивается.

Злись, Пацан. Разгорайся. Молоти меня почем зря. Каждый твой удар несет не боль — надежду. Чем меньше ты контролируешь эмоции, тем легче тобой управлять.

В туалете Пацана ждал еще один, сокрушительный удар по самолюбию.

— Штаны сними,— потребовал я.

— Что-о? — на мгновение опешил Пацан.

— Я говорю штаны сними и вон ту бумажку помни как следует. Готовься, готовься, мне самому не справиться,— распорядился я, нагло ухмыляясь в лицо своему надзирателю и, естественно, получил то, чего добивался — сильный удар в челюсть. Пал я по заранее обдуманной траектории, собирая на своем пути все самые громкие предметы. Звон и грохот банок, стаканов и рухнувших полок был слышен, наверное, по всему дому. Через мгновение все «жилыцы» квартиры теснились в дверях.

— Вы что? С ума съехали?

— Он, он, он,— бормотал Пацан, не в силах подо-

брать достойные эпитеты,— Гад! Сука! Он..

— Я только просил помочь мне снять штаны,— кивнул я на свои связанные руки.

— Гнида! Я, ему штаны?! Никогда! — бесновался Пацан.— Никогда! Что б я сдох!

Психологическая подготовка дала прекрасные результаты. Сейчас его уязвленное самолюбие перевесило даже страх перед главарем банды. В данное мгновение Пацан предпочел бы получить нож в живот, чем притронуться к ремню моих штанов.

Наверное Дед понял это.

— Ладно, перевяжи ему руки вперед,— разрешил он, не желая вступать в длинные дискуссии.— Но если еще будет шум, пеняйте на себя. Оба!

Что и требовалось доказать.

Перевязанные вперед руки давали мне много больше свободы. Я круто изменил отношения с Пацаном — перестал «дразниться» и всячески старался облегчить его неблагоприятную службу. Если вдуматься, то охранник не меньше зависим от заключенного, чем заключенный от охранника. Кому из этого дуэта легче, еще нужно поглядеть. Утомительно высидживать свой срок, но не менее трудно наблюдать неподвижно сидящего человека сутки напролет. Уже через двадцать-тридцать минут кажется, что ты знаешь его как облупленного и приходит скука. Кто способен выдержать многочасовой спектакль, не имеющий сюжета, диалогов, действия и не ослабить внимания? Кто угодно. Только не Пацан.

Я молча лежал в отведенном мне углу, упираясь лбом в стенку. Я не отвечал на вопросы и даже не огрызался на удары. Лежал! Все чаще Пацан отрывал от меня взгляд, от нечего делать наблюдая сквозь щель в шторке за улицей, оставляя одного, выходя на кухню и в туалет. Выходил он все чаще и задерживался все дольше. И каждый раз, возвращаясь, заставлял меня все в той же позе.

Пацан не догадывался, что в эти короткие секунды свободы я, мгновенно поднявшись на колени, успевал обшарить очередные десять или двенадцать квадратных сантиметров комнаты. Подобные экспедиции почти всегда приносили результат. Я спрятал в тайничок под плинтусом половинку бритвенного лезвия, пятак, огрызок карандаша, два пятнадцати и десятисантиметровых гвоздя, вытасненных из стены, полиэтиленовый пакет, несколько окурков с остатками табака. В сравнении с каким-нибудь узником замка Иф я был богачом!

Иногда Пацана сменял кто-нибудь из его коллег.

— Все так же лежит? — спрашивали они.

— Как мешок с дерьмом,— подтверждал Пацан.

— Смотри-ка, сомлел. А поначалу шустрый был! Ладно, пусть валяется, нам забот меньше. Лишь бы не помер до срока.

Так проходили дни. Скучно, до зевоты для моих охранников и крайне напряженно для меня. Я узнавал своих врагов, предполагал что от кого можно ожидать. Я до миллиметра изучил пространство своей «камеры» и мог передвигать-

ся там с закрытыми глазами, на все сто процентов используя в рукопашной драке стратегическое преимущество ниш, «высоток» и проемов мебели. Наконец я вооружился остро заточенными гвоздями. Один, побольше, я превратил в кинжал, соорудив из куска ткани, плотно намотанной вокруг шляпки, упор для ладони. Другой, поменьше, при необходимости в секунду вставлялся в носок ботинка в заранее просверленное отверстие. Теперь всякий удар ногой в жизненно важный центр мог быть смертельным для моего противника.

За неделю я подробно разработал и безоговорочно отверг десяток версий побега.

С помощью отгрызка лезвия я бесшумно убирал Пацана, выскакивал в освещенный коридор, ударом ноги обезвреживал сторожа, постоянно сидящего ночами в кресле возле входной двери. Но дальше я увязал в незнакомых замках и принимал на себя удар остальных членов банды. Я не успевал какие-то секунды, но все же не успевал!

Я вышибал стульями стекла окон и, отбиваясь от наседавших врагов, звал на помощь прохожих. Но всегда жож настигал меня раньше, чем приходила помощь.

Я зависал на высоте четвертого этажа на веревках, сплетенных из штор и моей и охранника одежды. Но каждый раз кто-то успевал перерезать спасительный канат до того, как мои ноги достигали земли.

Наконец, в отчаянии, я выпускал на кухне газ и, запалив образовавшуюся гремучую смесь, уходил в дым и грохоте взрыва.

Я снова и снова перебирал планы побега и все они, в конечном итоге, оказывались не состоятельными. Все мои планы зависели от случайности и все упирались в изначально порочные четыре пути спасения — входную дверь и окна. Нужно было придумать нестандартный ход, такой, о котором не могли догадаться мои надзиратели. Нужно было! Хоть башку о стену разбей!

О стену... Так появился еще один неожиданный план.

Что такое тюрьма, — подумал я, — что удерживает меня в ней? В первую очередь стены. Что такое стены? Лишь кирпичи, соединенные цементным раствором. Значит, чтобы обрести свободу, надо снова разъединить их. Всего-то!

Буду уходить сквозь стену! Жилой дом не каземат старинного замка. Стены в два кирпича наспех соединены сомнительного качества раствором. Здесь не требуются годы самоотверженной работы, чтобы прорезать щель, достаточную для того, чтобы протиснуть в нее тело.

Ковырять штукатурку в комнате я не мог — слишком заметно. Туалет часто посещался. Более всего подходила ванна. Определилась новая задача — попасть в ванную комнату!

В третий раз я сломал линию поведения.

Между тем в банде намечился психологический надлом.

— Сколько можно сидеть, как тараканы в щели? — возмущался Шрам, — пора уходить из города.

— Без денег, без документов? Нас возьмет первый постовой, — возражал Бутай.

— Один хрен где сидеть. Здесь или в зоне. Там хоть срок уменьшается. Надо уходить! Кто не рискует...

— Я сказал ждать! — осаживал спорящих Дед.

— Чего ждать? Когда на нас наступят соседи? Когда

сюда случайно забредет участковый? Чего?

— Время придет — узнаешь! А пока ждать! — твердо настаивал Дед.

Шрам ворчал, отгрызался, но подчинялся. Пока подчинялся!

Через три дня ожидание закончилось и стало ясно, чего ждал Дед.

— Ствол! — ахнул Шрам.

— Ствол! — подтвердил Дед, крутнув барабан нагана, — и еще вот это, — и вытащил из сумки, только что принесенной хозяином квартиры, обрез винтовки.

— Винтарь!

— Все, парень, хана тебе, — хохотнул Пацан, установил мне в лоб вытянутый указательный палец, щелкнул большим. — Пах! И в дамках!

Теперь все мои планы, предусматривающие вооруженное сопротивление, безоговорочно исключались. С заточенным гвоздем против двух стволов не навоюешь. Оставалась только стена.

Скоро по многозначительным намекам Пацана и уваженным обрывкам фраз я понял, что банда готовит нападение на машину инкассы. Нет, они решили не просто уходить из города, они решили прихватить изрядный куш. И снова я должен был выступить в роли буфера.

В любом случае, выиграют они или проиграют, меня ожидала пуля, милицейская ли, бандитская ли — не суть важно. Вряд ли после дела преступники будут церемониться с опасным свидетелем. Уход на дно не терпит посторонних глаз. Выходит, отпущенного мне времени оставалось всего ничего! Пора было форсировать события.

Я прекратил свое добровольное заточение, вылез из угла, стал, несмотря на предупреждения и тычки, «расползаться по комнате. Один раз Пацан застал меня возле двери, другой у окна.

— Тебе кто разрешил? Сволочь? — возмутился он.

— Дайте воздухом подышать! Сил больше нет! Не могу, — захныкал я. — Лучше убейте!

— Убьем, не расстраивайся, — успокоил, как умел, Пацан — Ну, давай! Убивай! Давай! — изобразил я истерику и даже, для пуццей убедительности, слезу пустил. В учебке, на актерском мастерстве нас гоняли почище, чем студентов театральных училищ.

— В искусстве ошибка прощительна. Ну, провалишь ты спектакль. Ну, лишишься роли, премии. Ну, наконец, вылетит из театра и пойдешь служить в сантехники. Не смертельно. Актерская ошибка в нашем деле чревата провалом! Любая фальшь может оказаться последней в твоей жизни, — наставлял нас инструктор по актерскому мастерству. — Повторять ужимки великих премьеров — значит быть паршивым актером. Вашей игрой не должны восхищаться восторженные поклонницы, ее просто не должны замечать! Вот главный и единственный критерий вашего профессионального умения. Вы должны раствориться, умереть в играемом образе или... умереть.

Я не хотел умирать и я играл натурально и натуральные слезы катились по моим щекам.

— Я не могу! Я не хочу! — кричал я, пытаюсь приблизиться к окну.

Аполлон

95

Художник Анатолий ПАСЕКА

Ведущий рубрики
Сергей КАЗАНЦЕВ

КТО— ПОСЛЕДНИЙ!

*Аэлита – видимый в последний раз
свет звезды (марсианск.)*

Что-то слишком модным стало в фэндоме оплакивать и хоронить до срока собственные благие начинания. Вот, например, «Страж-птица» в пятом номере подряд объявляет о своей смерти, и каждый раз распускаемые ею слухи оказываются преждевременными. При этом все прекрасно знают, что «Страж-птица» – самый бессмертный фэнзин в землях СНГ и околосемельном пространстве, и прекрасно понимают, что даже если выпустит ее из рук Диденко, подхвативший оставленный Горновым фэнзин, – всегда найдется Бережной и иже с ним, потому что птичку жалко, и т.д., и т.п.

Так, видимо, из жалости хор плакальщиков отпевает «Следопыт» и «Аэлику»? Если так, то – будем жить

Чуть не во всех фэнзинах и на всех конках задается вопрос: «А будет ли «Аэлита»-95?». Вопрос не новый. И ответ не нов: будет.

Проблема больше состоит не в том: быть или не быть? – а в этом: пить или не пить? Надеюсь, всем понятно: тусоваться лучше с друзьями, а кто предпочитает с бутылкой – пожалте к себе на кухню или под одеяло. Справедливые упреки Кэтрин Кинн в ее фэнзине «Талисман» по поводу нетрезвых разгулов в духе нагулов на Хоббитских игрищах – в полной мере можно отнести и к «Аэлитам». И неча ухмыляться, вас

никто не призывает «завязать». Суть лозунга: на зеркало, чур, не пенять, а самим умыться, причесаться, причепуриться.

То есть: заявки на участие – заранее, к заявкам – аннотации докладов, а если появились новые идеи, предложения – немедленно их нам письмом, телеграммой, по телефону.

Лауреата приза «Старт» на сей раз определит профессиональное жюри. А номинацию его составят те книги, какие этому жюри удастся раздобыть. А посему – внимание, молодые авторы и их доброхоты! Не открыточки присылайте в редакцию «Следопыта», а сами книжки. О каждой будет упомянуто в журнале хотя бы строкой – вот вам, если и не «Старт», так хоть – бесплатная реклама. При книжке обязательна справка об авторе – если таковой нет

в самом издании, как это, например, имеется в книге Александра Тутова «Загон для льва», подаренной редакции.

То же самое предлагается и выдвигателям и самовыводкам на приз «Аэлита». А то, как Ник. Перумова на «Аэлику» выдвигать, так все «за», а как развернутую, обоснованную характеристику его дилогии дать, так никто прочитать не успел. Можно подумывать, «Северо-Запад» и др. автоматически шлют в «Следопыт» свои книги в расчете на рекламу (и таки бы ее получили)!

И последнее. Мы ничего не просим. Хотя сами призы «Аэлита», имени И.А.Ефремова и «Старт» – авторские произведения ювелирного искусства художника В.В.Саргина сегодня стоят миллионы, и Виктор Васильевич, и так уже практически подаривший «Следопыту» два приза, не может создавать их далее себе в убыток ... Еще раз процитирую К.Кинн, ее слова о родном «Талисмане» (125267, Москва, А-267, до востребования, на паспорт N 723240):

– Если же вы не умеете писать, рисовать, да и вообще не чувствуете тяги к журналистике, но хотите помочь «Талисману» и у вас есть лишние деньги... Не стесняйтесь – благотворительность украшает.

Четвертый раз прошли в Казани Дни Толкиена. Проводили очередной «Зиланткон» городской КЛФ «Странники», клуб ролевых игр «Зазеркалье» и военно-исторический клуб ролевых игр «Моргенштерн». Зилант – крылатый добрый змей с старинного герба Казани – в очередной раз даровал успех, и кон получился одним из самых представительных в году. В нем приняли участие более 250 фэнов, из них более 150 – гости, из них почти две трети – москвичи и петербуржцы.

Рыцарский турнир и турнир менестрелей. Эльфийский бал. Секции ролевых игр, фантастиковедения, толкиенистики, фэн-пресссы. Литературный конкурс-семинар.

«ЗИЛАНТКОН»

–94

На открытии, где председательствовал Андрей Ермолаев, президент КЛФ «Странники», минутой молчания почтили память Виталия Ивановича Бугрова. Сергей Сергеев из Москвы сделал доклад «Толкиен и кризис западной цивилизации на рубеже XIX–XX веков».

Только на секции ролевых игр было 12 докладов. Отмечено, что их теоретический уровень заметно выше

прежних. Призы «Зиланткона» по этой секции получили Сергей Переслегин (Москва) и Владислав Гончаров (Екатеринбург). По секции фантастиковедения – Альберт и Елена Зеличенки (Казань). Литературные призы – Алексей Свиридов (Москва), Елена Бурмистрова, Дмитрий Бугров и Ильяс Галиуллин (Казань).

Все завершилось праздничным концертом. (А какие были дамы на балу!..)

Одна гостыня на закрытии сказала: – Спасибо организаторам «Зиланткона», они дали нам возможность увидеть то, чего так не хватает в обыденной жизни!

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВРЕМЕНИ: ГОД 1995-й

Здравствуйте!

Посылаю список памятных дат фантастики 1995 года. Не знаю, пригодится он или нет? Будет ли выходить "Уральский следопыт"? На почте меня очень огорчили, сказав, что журнала не будет. Это правда? Неужели "УС" прекращает свое существование? Но это ужасно! Что мы, подписчики и верные друзья журнала, будем делать? Я не могу расстаться со своим любимым журналом, доплачу, сколько надо, но ведь не известно, что надо сделать... Надеюсь, что журнал выстоит и будет выходить. Всего доброго "Уральскому следопыту"!

Матвеевская И.В., ваш неизменный читатель с 1986 года, село Петровское Московской области.

Дорогая Ирина Викторовна!

Большого, что Вы уже сделали, нельзя и придумать. "Следопыт" жив не только деньгами подписчиков, но и вашими письмами, вашими материалами. Огромное Вам спасибо за подборку памятных дат! Публикуем ее в этом номере. А почте — не верьте. Пока у нас остается хотя бы тысяча таких друзей, как Вы, — "Следопыт" будет жить.

Редакция.

"В 1995 году на поверхности Луны высылось восемь рукотворных куполов. Три базы построили американцы, три — русские, по одной Китай и Индия". Р. Силверберг "Тру-ру-ру". — Сб. "На дальних мирах". — М.: Мир, 1990 (ЗФ).

2 января — 75 лет со дня рождения Айзека Азимова (1920-1992), американского писателя, родившегося в России, автора сборников "Я — робот", "Путь марсиан" и др.

6 января — 90 лет со дня рождения Эрика Фрэнка Рассела (1905-1978), английского писателя, автора романов "Ближайший родственник", "Зловещий барьер" и др.

9 января — 105 лет со дня рождения Карела Чапека (1890-1938), чешского писателя, автора романов "RUR", "Война с саламандрами", "Фабрика абсолюта" и др.

12 января — 80 лет со дня рождения Вадима Сергеевича Шефнера (1915), автора сборников "Сказки для умных", "Лачуга должника", "Девушка у обрыва".

14 января — 65 лет со дня рождения Александра Альфредовича Горбовского (1930), автора НФ произведений "Эксперимент с неуправляемыми последствиями", "Совпадение", "Что вы сделали с нами" и др.

15 января — 60 лет со дня рождения Роберта Силверберга (1935), американского писателя, автора романов "Хроники Маджигура", "Замок лорда Валентина", "Мир внутри", "Звезда цыган" и др.

15 февраля — 95 лет со дня рождения Яна Леопольдовича Ларри (1900-1977), российского писателя, автора "Необыкновенных приключений Карики и Вали", "Страны счастливых" и др.

17 февраля — 105 лет со дня рождения Льва Ивановича Гумилевского (1890-1976), российского писателя, автора "Страны Гипербореев".

18 февраля — 70 лет со дня рождения Владимира Константиновича Печенкина (1925-1992), уральского писателя, автора НФ повести "Два дня Вериты".

22 февраля — 90 лет со дня рождения Виктора Степановича Сапарина (1905-1970), российского писателя, автора НФ произведений "Испытание", "Спор", "Возвращение".

24 февраля — 100 лет со дня рождения Всеволода Вячеславовича Иванова (1895-1963), российского писателя, автора сборника "Пасмурный лист", повести "Опаловая лента" и др.

10 марта — 75 лет со дня рождения Бориса Виана (1920-1959), французского писателя, автора романа "Красная трава".

12 марта — 70 лет со дня рождения Гарри Гаррисона (1925), американского писателя, "отца" знаменитой Стальной Крысы.

16 марта — 60 лет со дня рождения Ольги Николаевны Ларионовой (1935), российской писательницы, лауреата "Аэлиты", автора "Леопарда с вершины Килиманджаро", "Вахты "Арамиса", "Чакры Кентавра" и др.

26 марта — 145 лет со дня рождения Эдварда Беллами (1850-1898), американского писателя, автора "Острова ясновидцев", "Взгляда в прошлое. 2000-1887" и др.

31 марта — 195 лет со дня рождения Осипа Ивановича Сенковского (1800-1858), российского писателя, автора "Фантастических путешествий барона Брамбеуса".

2 апреля — 155 лет со дня рождения Эмиля Золя (1840-1902), французского писателя, автора социально-утопической тетралогии "Четыре евангелия".

3 апреля — 75 лет со дня рождения Юрия Марковича Нагибина (1920-1994), российского писателя, автора "Современных сказок", повестей "Чужое сердце", "Пик удачи".

4 апреля — 215 лет со дня рождения Шарля Нодье (1780-1844), французского писателя, автора произведений "Фея хлебных крошек", "Бобовое зернышко и Цветок горошка".

26 апреля — 50 лет со дня рождения Ондржея Неффа (1945), чешского писателя, автора повести "Белая трость калибра 7,62" и др.

9 мая — 135 лет со дня рождения Джеймса Барри (1860-1937), английского писателя, автора пьесы-сказки "Питер Пэн", автора сборника "Потомок Мансуровых", повести "Старуха с лорнетом" и др.

1 июня — 60 лет со дня рождения Олега Аркадьевича Гарутина (1935), российского писателя.

2 июня — 80 лет со дня рождения Лестера Дель Рея (1915), американского писателя, автора множества НФ рассказов.

6 июня — 255 лет со дня рождения Луи Себастьяна Мерсье (1740-1814), французского писателя-философа, и 225 лет (1770) его утопии "2440 год".

6 июня — 65 лет со дня рождения Юрия Степановича Самсонова (1930), российского писателя, автора "Мешка снов", "Стеклянного корабля".

8 июня — 85 лет со дня рождения Джона Кэмпбелла (1910-1971), американского писателя, и 65 лет его книге "Когда рушатся атомы".

9 июня — 70 лет со дня рождения Кейта Лаумера (1925-1973), американского писателя, автора романов "Галактическая одиссея", "Ночь иллюзий", "Миры империиума" и др.

24 июня — 80 лет со дня рождения Фреда Хойла (1915), американского астрофизика, автора НФ повести "Черное облако".

29 июня — 95 лет со дня рождения Антуана де Сент-Экзюпери (1900-1944), французского писателя, автора сказки "Маленький принц".

30 июня — 60 лет со дня рождения Сергея Ивановича Павлова (1935), российского писателя, лауреата "Аэлиты", автора "Лунной радуги", повестей "Корона Солнца", "Чердак Вселенной" и др.

8 июля — 95 лет со дня рождения Юрия Корнеевича Смолича (1900-1976), российского писателя, автора трилогии "Прекарные катастрофы".

26 июля — 115 лет со дня рождения Владимира Кирилловича Винниченко (1880-1951), украинского писателя, автора "Солнечной машины".

26 июля — 110 лет со дня рождения Андре Моруа (1885-1967), французского писателя, автора романа "Путешествие в страну эстетов", рассказа "Отель "Танатос" и других произведений.

5 августа — 85 лет со дня рождения Сергея Александровича Снегова (1910-1994), российского писателя, лауреата "Аэлиты", автора трилогии "Люди как боги", сборников "Посол без верительных грамот", "Прыжок над бездной", "Право на поиск" и др.

18 августа — 70 лет со дня рождения Брайана Олдисса (1925), американского писателя, автора НФ рассказов "А вы не андроид?", "Вирус бессмертия" и др.

22 августа — 75 лет со дня рождения Рея Дугласа Брэдбери (1920), американского писателя, автора сборников "Марсианские хроники", "Вино из одуванчиков", романа "451 по Фаренгейту" и др.

23 августа — 115 лет со дня рождения Александра Степановича Грина (1880-1932), российского писателя, автора романов "Блестящий мир", "Золотая цепь", повести "Алые паруса" и др.

26 августа — 125 лет со дня рождения Александра Ивановича Куприна (1870-1938), российского писателя, автора повестей "Жидкое солнце", "Звезда Соломона" и др.

28 августа — 70 лет со дня рождения Аркадия Натановича Стругацкого (1925-1991), российского писателя, лауреата "Аэлиты", соавтора (с Б.Н. Стругацким) романов "Град обреченный", "Хромая судьба", повестей "Обитаемый остров", "Жук в муравейнике", "Волны гасят ветер", "Пикник на обочине", "Улитка на склоне", НФ пьес, киносценариев и др.

1 сентября — 120 лет со дня рождения Эдгара Райса Берроуза (1875-1950), американского писателя, создателя знаменитого Тарзана.

1 октября — 235 лет со дня рождения Уильяма Бекфорда (1760-1844), английского писателя, автора НФ повести "Ватек. Арабская сказка", привлекая внимание Байрона, немецких романтиков, А.С. Пушкина.

3 октября — 70 лет со дня рождения Владимира Николаевича Фирсова (1925-1987), российского писателя, автора сборника "Звездный эликсир", романа "Срубить крест" и др.

23 октября — 75 лет со дня рождения Джанни Родари (1920-1980), итальянского писателя-сказочника.

9 ноября — 110 лет со дня рождения Велимира (Виктора Владимировича) Хлебникова (1885-1922), русского поэта-футуриста.

13 ноября — 145 лет со дня рождения Роберта Льюиса Стивенсона (1850-1894); английского писателя, автора "Острова сокровищ", "Волшебной бутылки" и др.

30 ноября — 160 лет со дня рождения Марка Твена (1835-1910), американского писателя, автора НФ романа "Янки при дворе короля Артура".

30 декабря — 130 лет со дня рождения Редьярда Киплинга (1865-1936), английского писателя, автора "Книги джунглей" и др.

30 декабря — 90 лет со дня рождения Даниила Хармса (1905-1942), российского писателя и поэта, автора повести "Старуха".

Кроме того (точную дату выяснить не удалось), в 1995 году исполняется:

120 лет со дня рождения Мориса Ренара (1875-1939), французского писателя, автора романов "Тайна его глаз", "Загадка Ришара Сегюра", "Новый зверь" и др.

80 лет со дня рождения Александра Александровича Меерова (1915-1975), российского писателя, автора романов "Сиреневый кристалл", "Право вето", "Защита 240".

80 лет со дня рождения Роберта Янга (1915-1986), американского писателя, автора повестей "Срубить дерево", "У начала времен" и др.

75 лет со дня рождения Ричарда Уилсона (1920-1987), американского писателя, автора рассказов "Мать мира", "Родственник" и др.

70 лет со дня рождения Юрия Гавриловича Тупицына (1925), российского писателя, автора романов "В дебрях Даль-Гея", "Перед дальней дорогой" и др.

В 1995 году исполняется:

160 лет (1835) рассказу "Эдгара Аллана По "Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфаала".

140 лет (1855) роману Жюль Верна "Зимовка во льдах".

130 лет (1865) романам Жюль Верна "Матиас Шандор" и "Найденный с погибшей "Цинтии".

100 лет произведений: "Грезы о земле и небе" К. Циолковского, "Маугли" Р. Киплинга, "Чудесное посещение" и "Машина времени" Г. Уэллса.

90 лет (1905) роману Г. Уэллса "Киппс", романам Ж. Верна "Вторжение моря", "Маяк на краю света", "Необыкновенные приключения экспедиции Барсака".

75 лет (1920) романам "Пещерный лев" Ж.А. Рони-старшего, "Сумасшедшая планета" М. Лейнстера, "Железный властелин" А. Меррита.

70 лет (1925) роману Б. Лаврентьева "Крушение республики Итль".

65 лет (1830) повести А. Беляева "Хойти-Тойти" и роману А. Меррита "Мать-Змея".

60 лет (1835) роману М. Лейнстера "Проксима "Центавра" и рассказу А. Беляева "Слепой полет", впервые опубликованному в журнале "Уральский следопыт".

60 лет (1935) первому номеру журнала "Уральский следопыт" под редакцией В.А. Попова.

50 лет (1945) первому рассказу Джека Вэнса "Мыслитель".

40 лет (1955) первому роману Ф.К. Дика "Солнечная потеря", романам "Чужой мир" П. Андерсона, "Робинзоны космоса" Ф. Карсака, "Осколок Солнца" В. Немцова.

30 лет (1965) первому тому "Библиотеки современной фантастики" издательства "Молодая гвардия" под редакцией К. Андреева, А. Громовой, И. Ефремова, С. Жемайтиса, Е. Парнова, А. Стругацкого, вступительная статья-обзор Е. Брандиса и В. Дмитриевского; повестям О. Ларионовой "Леопард с вершины Килиманджаро", А. Шалимова "Когда молчат экраны", Е. Велтистова "Глоток Солнца", романам Г. Гуревича "Мы — из Солнечной системы", П. Андерсона "Звездный лис" и "Коридоры времени", Г. Гаррисона "Чума из космоса", М. Муркока "Бурезов" и "Огненный шут", авторским сборником А. Днепровца "Пурпурная мумия" и П. Андерсона "Агент земной империи".

25 лет (1970) романам И. Ефремова "Час Быка", Е. Войскунского и И. Лукодянова "Плеск звездных морей", М. Муркока "Вечный воитель", П. Андерсона "Время: ноль" и "Сказания о летающих горах", Г. Гаррисона "Далет-эффект".

20 лет (1975) романам П. Андерсона "Лиса, собака и грифон" и "Зима мира", Д. Браннера "Оседлавший волну шока", Г. Гаррисона "Калифорнийский айсберг", С. Кинга "Судьба Иерусалима", повести Г. Гора "Геометрический лес".

ПЕРВОЙ СВЕЖЕСТИ

Это только осетрина бывает одной первой свежести. А литература – и второй, и третьей... Имеется в виду переводная, для которой и название придумали специальное – «доконвенционная» (читай: краденая, изданная за рубежом на языке оригинала до 1973 года, когда СССР подписал Международную конвенцию по авторскому праву и установил свой собственный очередной странный закон о бесплатном переиздании иностранных произведений, рожденных до его великой подписи). И самая свежая «иностранка» в первом русском воплощении обязана была блистать морщинами и сединами.

Перестройка с ее свободами принесла свободу грабить и в этой сфере. С большой литературной дороги посыпались на книжные прилавки и лотки пиратские переводы – подстрочники, а то и просто фальшивки (говорят, в Москве уже несколько лет действует подпольный синдикат, в котором литрабы кропают коммерческие продолжения известных сериалов. Другой вариант: в тех же коммерческих целях русские писатели вычерчивают над своими опусами американизированные псевдонимы).

Возможность прочитать НАСТОЯЩУЮ зарубежную литературу первой свежести сегодня дал московский журнал «СВЕРХНОВАЯ американская фантастика» – дочернее издание, русская версия американского «The Magazine of Fantasy and Science Fiction». «Сверхновая», в отличие от своих астрономических тезок, приносит первые,

новорожденные лучи не через тысячи и миллионы лет, а через считанные месяцы. К примеру, в номере первом, подписанном в печать 19 августа 1994 года, опубликованы переводы фантастических повестей и рассказов писателей США и Канады, созданных в мае-июле 1993-го. Эксклюзивные права на «послеконвенционные» произведения «Сверхновой» предоставлены официально американской стороной.

В обращении к первым читателям главный редактор «Сверхновой» Лариса Михайлова сообщает: «В целом мы сохраним структуру американского издания. Две трети будет занимать проза, постоянными рубриками станут рецензии на переводные новинки, обзоры кино- и видеофантастики. Вас ждет информация о свежайших новостях в мире НФ: хроника публикаций, встреч, событий, интервью с американскими писателями и критиками...» В журнале будут известные имена: Айзек Азимов, Джек Уильямсон, Фредерик Пол, Бен Бова, Роберт Силверберг... Но «основную свою задачу редакция видит в том, чтобы знакомить с новыми авторами... Некоторые из них буквально до вчерашнего дня неведомы были и американцам».

Сложно передать в короткой аннотации всю разносторонность N 1 «Сверхновой», разве что одним штрихом упомяну

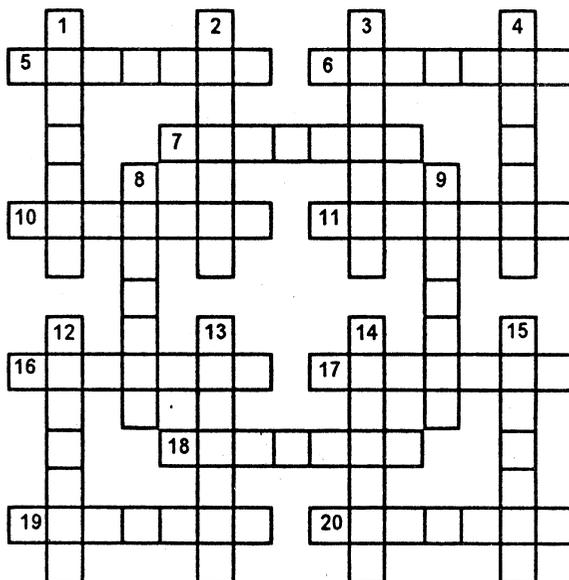
о статье Алексея и Ольги Скворцовых «Вулкан страстей», в которой, несмотря на отдающее «мыльной оперой» название, всерьез рассматривается Пирамида мышления с Созерцателем в центре, состояние «игольчатого шара» в отличие от «белого шара» – нирваны, и т.п. В целом же, в рамках полугодия, редакция стремится к тематическому единству каждого номера. Так, N 2 посвящен преимущественно компьютерной тематике и одному из ее новейших ответвлений – путешествиям в виртуальной реальности; N 3 отдан женщинам-фантастам США и проблемам феминизма в фантастике; N 4 – альтернативным мирам; N 6 – фантазии. N 5 – юбилейный, наособицу, сюрприз.

«Сверхновая» – это 200-224 страницы чуть больше книжного формата, цветная яркая обложка, крупный шрифт, офсетная печать. Журнал можно выписать на почте, в каталоге «Роспечати» его индекс 73447, а возможна и альтернативная подписка, о ней вы узнаете по адресу: 103617, Москва, Зеленоград, корп.1435, НИЦ «Ладомир», «Сверхновая»; телефон (095) 963-76-94, факс (095) 200-22-00.

Кстати, по этому же адресу принимаются на конкурс рукописи в жанре фантастики на русском, славянском материале, объемом до двух листов. Между прочим, не только авторам, но и рекламодателям интересно будет узнать, что «Сверхновая» поступает в США и подлежит обязательной рассылке в крупнейшие библиотеки мира.

По вертикали:

1. Итальянский писатель-фантаст.
2. Персонаж повести А. и Б. Стругацких «Малыш».
3. Персонаж повести Г. Бовина «Дети Земли».
4. Советский писатель-фантаст.
8. Город в фантастическом мире В. Колупаева.
9. Советская писательница, автор фантастической повести «Беглец с чужим временем».
12. Персонаж романа К. Саймака «Заповедник гоблинов».
13. Персонаж романа К. Волкова «Марс пробуждается».
14. Фантастический термин, обозначающий жителя Луны.
15. Персонаж романа-эпопеи С. Снегова «Люди как боги».

По горизонтали:

5. Фантастический термин, обозначающий лучевое оружие.
6. Американский писатель, автор романов о похождениях землян-суперменов на Венере и Марсе.
7. Персонаж романа Г. Уэллса «Пища богов».
10. Советский писатель, автор двух трилогий (реалистической и фантастической) о физиках.
11. Персонаж повести А. и Б. Стругацких «Возвращение. Полдень, XXII век».
16. Персонаж одной из фантастических повестей А. Конан-Дойла.
17. Румынский писатель-фантаст.
18. Фантастический термин, обозначающий очень прочный материал.
19. Персонаж повести В. Колупаева «Качели Отшельника».
20. Рассказ А. Якубовского.

Составил Н. КАЛАШНИКОВ,
Новокузнецк.

Андрей ЩУПОВ

ХОЛОД МАЛИОГОНТА

ПОВЕСТЬ

журнальный вариант

Рисунки Анны АНДРОСОВОЙ

АЭЛИТА-95

— Ого! Кажется, на наших улицах завелись бенгальские тигры! — Дмитрий кивнул в сторону газона, где пара котов скребла когтями по земле и угрожающе подвывала. Затевалось нешуточное сражение. Рыжий кот с ненавистью глядел на более блеклого собрата. Собрать платил той же монетой.

— Брэк, мужики! — Александр на ходу подхватил рыжего за шкуру и, пронеся шагов двадцать, усадил на чахлый тополек.

— Вот вам и первое доброе дело, — с ехидцей заметил Дмитрий. Он шагал рядом, сунув руки в карманы, вольно припечатывая кованые подошвы к асфальту. — Все верно, право на райские кущи следует отрабатывать.

— В поте лица своего, — Александр кивнул. — Мemento море и тому подобное. А иначе шиш и дырка от бублика!

— Приятно слышать образованную речь.

— Еще бы! Между прочим, будь мы в каком-нибудь «БМВ» или того хуже «Вольво», подобной речи ты бы от меня не услышал. В салонах этих лакированных калош хочется курить ментоловые сигары, целоваться с французенками и цедить ликер. Роскошь и дух, как известно, категории несовместные.

— Согласен! А посему — пешком и только пешком! Слава богу, не в Москве и не в Воронеже прозябаем. Есть еще чем дышать, а временами, можешь не верить, но улицы освещаются самым настоящим светиллом. С пятнами и протуберанцами!

— Верю. И даже художественно разовью: все мы в Рязанских губерниях богаты Кавказом и Африкой больше, нежели оказываясь на месте.

— Узнаю есенинский слог.

— Правда? А я и запомнил.

— При чем тут память? Это называется плагиатом, Саша. Присвоение чужих идей... Статья, не помню какая, сроки в основном условные. Так что твою волшебную реплику придется денонсировать.

— Главное — не повторять ошибок, — уклончиво пробормотал Александр. — Взгляни-ка лучше на ту таксу. Прелесть, а не животные! Забавные, не злы и даже к кошкам питают интернациональную приязнь.

— Но мясо-то все равно едят.

— Не кошачье же... Нет, ты посмотри, как она движется! Не семенит, а летит. Лапы — два крохотных пропеллера, а тело — миниатюрный дирижабль. Я не говорю об ушах и хвосте...

— Еще немного, и ты вывихнешь шею.

— Не бойсь! Она у меня на шарнирах.

— Ну смотри, смотри... — Дмитрий Губин, лейтенант четвертого отделения милиции города Уткинска, с мрачной решимостью шагнул на газон и рывком восстановил опрокинутую урну. — Вот так, братец-анималист!.. Ты бы, как пить дать, прошел мимо.

— Может быть. Зато теперь ты тоже вроде как отличился.

— Ага, только бы там, на небесах, не прозевали.

— Не сомневайся, бухгалтерия у них точная.

— Хорошо, если так. Эту самую операцию я проделываю раз сто в год.

— Сто раз? И не лень?.. Борейко давно бы на твоём месте устроил засаду.

— На все урны и витрины засад не хватит, — отряхивая ладони, Дмитрий пророчески прищурился. — Да и чепуха все это. Не с тем мы боремся, Сашок. Разгребать мусор — не самое умное занятие. Куда интереснее уговорить людей не мусорить.

— И не безобразничать.

— Вот-вот!..

— Только каким образом?

— Самым что ни на есть законным. Закон — это ведь не то, что сильнее, а то, что мудрее. Почему бы не сделать так, чтобы налоги платить стало выгодно, а наш зарождающийся гангстер не территории делил, а прибирал к рукам разваливающееся производство. Сразу бы двух зайцев пришибли. А заодно и бюрократиков уели. Гангстер — он бы с ними не церемонился, можешь мне поверить. — Да вы, братец, экстремист! Самой махровой расцветки! А как же быть с милосердием Достоевского? Или с нашим разлюбезным кодексом?

— На этот счет не волнуйся. Федор Михайлович первый растоптал бы наш разлюбезный кодекс. Да еще не постеснялся бы поплевать сверху.

— Мда... Вероятно, как честный человек, я обязан наклепать куда следует.

— Это всегда пожалуйста! Глядишь, и обратно в центр переведут. Только помни, райских куш тебе уже не видать...

Солнце врывалось в проходную косо, под углом, и часть помещения утопала в скучноватой тени. Пыль искорками кружила в воздухе, побуждая посетителей к чиху, вызывая в памяти картины домашних бедламов — с вениками, тряпками и пылесосами.

Дежурный по отделению Петя-Пиво, рыхлый толстяк в чине сержанта, как обычно, мучился над журнальным кроссвордом. В мыслительном процессе в равной степени участвовало все лицо. Губы сосредоточенно шевелились, брови подергивались, лоб собирался в страдальческую гармошку и вновь разглаживался. Мельком взглянув на вошедших, дежурный машинально буркнул:

— К пустой голове руку не прикладывают.

— Так это к пустой, Петя, — Дмитрий со значением постукал себя по виску.

— Вот и я о том же, — Петя-Пиво повторил его жест.

— Бунт, — прокомментировал Александр. Дмитрий свирепо завращал белками глаз.

— Забываетесь, сержант! Одно мое слово — и ярмо патрульного вам обеспечено! Так сказать, за систематическое принятие позы «развалюсь» в кресле дежурного, а также за грубейшую непочтительность к начальству. Кстати, как оно у нас поживает? По-прежнему путешествует по коридору и проносит «исповдоль» вместо «исподволь»?

— Не знаю, как насчет «исповдоль», но путешествовать — путешествует. С утра названивало, требовало разыскать Борейку, угрожало внеочередной оперативкой.

— На то мы и УГРО, чтобы угрожать... А по какому поводу оперативка?

— Кажется, по поводу роста криминогена, а также для разбора разгильдяйства отдельных сотрудников ОВД.

— Имена этих отдельных счастливцев тебе, конечно, неизвестны?

— Увы, — Петя-Пиво развел руками.

— Ой смотри у меня, сержант! — Дмитрий покачал пальцем. — Сокрытие столь ценной информации органы тебе не простят!..

Что-то пробормотав, дежурный отщипнул кусочек от пухлого желтого батона, лежащего на столе, и кинул алчущий взгляд в пространство, укрытое от входящих фанерной пере-

городкой. Там по обычаю он прятал своих ближайших друзей. Еще недавно друзья остывали на полке холодильника, а теперь округлые их бока запотели, блеск содержимого приятно затуманился. Украшенные этикетками «Жигулей», они взывали к совести хозяина, торопили скорее спровадить собеседников.

— Терпение, сержант! Уже уходим... — Дмитрий помахал ладонью. На лестнице, чуть понизив голос, он выдал пространное резюме: — Ей-богу, его можно понять. Маленький периферийный городок, ни смут, ни прочей пугачевщины. Словом, служба — не бей лежачего. Но ведь в чем-то надо искать смысл, строить базис будущей гармонии! Так сказать, соития великого и малого...

Крашеную девицу никак не могли выпроводить. Уперев руки в бока, она с вызовом глядела на Чилина-Челентано.

— Не тупи, кэп. Скажи прямо, сколько ему дадут?

— Все решит суд, Элла, — терпение Чилина, похоже, подошло к концу. — От меня здесь ничего на зависит.

— Ага, так я тебе и поверила!

— Иди же, Элла. У меня и без тебя забот полон рот. — Чилин беспомощно оглянулся. Поймав его затравленный взгляд, Александр тронул Дмитрия за плечо, торопливо шепнул:

— А ведь мы подоспели вовремя...

— Вас понял! — Дмитрий повернулся к девице. Ухватив ее под руку, галантно повлек к лестнице. — Дело в том, сударыня, что в настоящее время капитан Чилин действительно занят. Если у вас имеются вопросы, я готов разрешить их немедленно...

— Слава богу, — Чилин неумело перекрестился. Они прошли в кабинет, где Александра немедленно ошарашили новостью. Медвежатник Лыхин, за которым гонялись чуть ли не всем отделом, находясь в госпитале на долечивании, умудрился пробраться в лабораторию прозекторской и, отыскав склянку с соляной кислотой, окунул в нее всю кисть. До того подушечки пальцев у него были аккуратно срезаны бритвой, и медикам ничего другого не оставалось, как терпеливо ожидать момента восстановления папиллярных узоров. Отпечатки пальцев являлись единственной потенциальной уликой, нагоняющей на Лыхина тоску, и он решил, что лучше потерять руку, чем свободу.

— Что с ним теперь делать? Что?! — Чилин-Челентано, рослый брюнет с располневшим торсом и профилем гордого кавказца, несолидно бегал между столами, роняя стопки документов, постукивая костяшками пальцев по стульям и стенам, по картонным плакатам, развешенным там и тут. — Вся дерматоглифика к черту! Он же у нас впервые, в картотеке ничего нет!

— А что, после кислоты папиллярные линии не восстанавливаются?

— Кто его знает. Может, да, а может, и нет. Да и сколько прикажете ждать? Где гарантии, что все снова не повторится?

— Точно. Отдохнет пару месяцев и вовсе оттяпает. Всю кисть целиком.

— В старину, между прочим, с ворьем так и поступали.

— Ничего. Захарченко ему каркас гипсовый придумал. Конструкция что надо. Не то что оттяпать, почесаться не сумеет.

В дверях вальяжный и усмешливый возник Дмитрий. Конечно же, без девицы. Не комментируя акт недавнего спасения, он незаметно подмигнул Александру.

— Порядок на корабле?

— Полный, — Александр водрузил на свое рабочее место дипломат и принялся выкладывать принесенные бумаги.

— Снова будешь заниматься пропавшими без вести? — Дмитрий присел рядом.

— Придется...

— Александр Евгеньевич! Кажись, один из меченосцев дуба дает, — практикант Антоша, четвертый курс юридического, обеспокоенно заглядывал в аквариум. — Вчера еще гонялся за сомиком, а сегодня на бок заваливается.

— Это какой же меченосец? Уж не Варфоломей ли? — к аквариуму поспешил заинтересованный Казаренок, маэстро канцелярских дел, кругленький, с детским, вечно опечаленным личиком. — Точно, он, стервец! Борейко нам за него головы поткручивает. Вот беда...

— Без паники! Оклемается ваш Варфоломей.

— А может, им аспиричику в воду? Говорят, помогает.

— Да нет, это для цветов. Рыбешкам лучше всего капельку коньяка. Оживут, как по волшебству...

Дмитрий лукаво покосился на Александра.

— Не знаю, как вам, сэр, а мне такая жизнь чем-то симпатична. Криминалистика, таблетки, аквариум... Глобальное шалопайство, помноженное на столь же глобальное всезнайство. Когда-нибудь все это исчезнет. Сразу вслед за коммуналками. А жаль. Это именно то, по чему льют крокодиловы слезы нынешние пенсионеры Брайтона и Тель-Авива.

— Кстати, это правда, что Россия создает собственное ФБР?

— Правда, — Дмитрий кивнул. — Кто-то ведь должен шерстить нас.

— Вот уж не надо. И без того тошно. Раскрываемость такая, что впору на стены лезть.

— Верно. Вчера опять узбек приходил. Забрызгал всех слюной, кричал так, что Антоша чуть лужу не напустил...

— Ага, еще чего!..

— Это что же, тот самый узбек, у которого картину увели? Да ведь месяц уже прошел. Где ее теперь найдешь?

— Вот и я ему объяснял: если картина ценная, то давно, мол, кочует по Европе. Нет, — кричит, — в Утинске! Он это якобы чувствует, и хоть ты тресни.

— Кто он вообще, этот узбек?

— Не знаю. По внешности — хлопкороб, морщинистый, с бородачкой, а по замашкам — бай. Сюда прибыл на съезд мелиораторов. Навез с собой книг на древнееврейском, посуды, ковров, прочего хлама. Была у него парочка картин, так в первый же день одну и свистнули.

— Впредь будет наука. Слишком уж шикарно путешествует.

— Действительно, коллекционер нашелся!..

В воздухе что-то звонко треснуло. Словно проскочил невидимый электрический разряд. Волосы на голове Александра шевельнулись. На мгновение он ощутил озноб, и нечто холодное змейкой скользнуло под сердцем. Сослуживцы примолкли, а Казаренок недоуменно уставился в потолок.

— Сверчок завелся, — предположил кто-то.

Дмитрий переглянулся с Александром, смешливо пожал плечами. И снова все разом заговорили. Напряжение сошло на нет. Странность случившегося превратилась в зыбкую тень прошлого.

«А вот и наш знаменитый буйвол!»

«Пригнитесь, господа! Шальной метеор...»

Примерно такими фразами обычно приветствовали появление Борейко. На этот раз никто и сказать ничего не успел. В

следственный отдел майор ворвался, подобно разогнавшемуся локомотиву. Не тратя времени на приветствия, прямоком двинулся к столу Александра. Выглядело это по меньшей мере странно. Первые, кем интересовался начальник оперативной группы, были его подводные питомцы. И лишь вдоволь насюсюкавшись с золотохвостыми обитателями аквариума, он готов был уделить часть внимания коллегам. Сегодня о своих подопечных он, казалось, забыл.

— Что же ты раньше помалкивал, герой доморощенный? — майорский бас оглушил Александра. — Уже, почитай, год вместе, а мы знать ничего не знаем!

— Наш скромный Сашок спас кого-нибудь на пожаре? — Дмитрий подмигнул приятелю. — Давай-ка, голубь, раскалывайся. Может, и медалью уже обзавелся?

— Если так, то полагается обмыть, — вставил кто-то из сослуживцев. — Иначе неблагородно.

Покривившись на эти тирады, Борейко поднял широченную ладонь, призывая к молчанию. Глаза его сверкали, на скуластом лице блистал гипертонический румянец.

— Сообщаю коротко и внятно, — пробасил он. — Перед нами бывший особый следователь города Петербурга. Статус и ранг — не нам чета. Поперт с должности за правое дело и за множественные споры с местным чиновничеством.

— О, если только это, то я в курсе, — Дмитрий махнул рукой. — Опаздываете, господин майор.

— Хорошо-с, это мы проглотим. Но у меня имеются и более свежие новости. Дело в том, что по твою душу, Саша, явился Лесник.

— Что-что? — Дмитрий приложил ладонь к уху, но ирония ему не очень удалась. — О каком леснике вы только что упомянули?

— У нас в городе один Лесник.

— Не понимаю... — на лице Александра отразилось изумление.

Борейко довольно крикнул.

— Подробности мне не известны, но в целом суть такова: как оказалось, Лесник слышит о тебе еще по питерским делам. Мафиозо тоже интересуется исчезновением людей и не далее, как вчера, упрямил нашего полковника выделить ему для помощи опытного консультанта. И заполучить он хотел не кого-нибудь, а Дыбина Александра Евгеньевича собственной персоной.

— Соглашайся, Сашок! Предложение лестное...

Борейко покосился на Дмитрия, как на докучливую муху.

— Речь идет не о согласии или несогласии. Все, в сущности, решено, потому что подпольный хозяин Уткинска назначил за тебя цену, и цену немалую.

— Ага, — Дмитрий сделал вид, что строчит в блокноте. — В какой валюте, позвольте узнать?

На него не обратили внимания. Сообщение Борейко ошарашило всех.

— Лесник обещает нам содействие: Чилину — свидетелей против Лыхина и всех его сообщников, а мне зацепку насчет женских убийств.

— То есть, маньяк все-таки существует?

— К сожалению, да... Но вся информация уже в моем сейфе. Не позже сегодняшнего вечера мы возьмем его за глотку. Слышал, Савченко? Предупреди Пашу Семичастного и ребят из группы захвата.

— Жуть, — Казаренок покачал головой. — Никогда бы не подумал, что ветхозаветный Уткинск обзаведется собственным паталогическим убийцей...

— Любое убийство паталогично... — Александр поднял глаза на Борейко. — Чем мне придется заниматься у Лесника?

— Увы, этого я тебе сказать не могу, — Борейко сожалеюще вздохнул. — Не знает об этом и Митрофанушка.

— Но у меня своих дело невпроворот.

— Все дела в сторону. Как-нибудь разбросаем по отделам. В конце концов, не каждый день мафия предлагает свои услуги. Если вам удастся поладить, возможно, Лесник раскошелится и на другие открытия.

— Понимаю, — Александр кивнул. — Но он хотя бы намекнул, что ему нужно?

— Лишь самую малость. Кто-то из его людей пропал, и хозяина это всерьез беспокоит.

— Я могу не справиться в одиночку.

— Обращайся напрямую к Митрофанушке. Или к любому из нас. Эта история, сам понимаешь, особой важности. Кроме того, Лесник заплатил вперед. Материалы против Лыхина тоже находятся у нас. Погоди, Чилин, не вскакивай!

— Саша! — Чилин прижал руку к груди. — Если Лыхин сядет за решетку, я первый поднесу тебе шкалик.

— И с меня будет причитаться, — Борейко горестно сморщился. — Плохой ли, хороший, но это компромисс, Сашок. И мы от него крепко выигрываем.

ГЛАВА 2

Монолог Митрофана Антоновича, начальника четвертого отделения милиции, мог утомить кого угодно. Полковник без меры увлеклся историческими аналогиями, то и дело сбивался с мысли и, к досаде единственного слушателя, по нескольку раз возвращался к исходным рубежам: «Так о чем мы толковали, батенька? Ага...» Выйдя из кабинета, Александр Дыбин испытал невыразимое облегчение. Еще немного, и он подцепил бы головную боль, против которой бессильны любые анальгетики. Полковник являл собой тип несносного болтуна, и даже напрягшись, Александр не сумел бы припомнить, о чем они только что беседовали. Обилие слов далеко не всегда удобоваримо. В подобных ситуациях срабатывали защитные свойства организма, Александр впадал в некий транс, отказываясь от всяческой фильтрации слышимого.

Выйдя на улицу, он терпеливо дождался, когда освободится ближайший телефон-автомат. Монета в готовности прилипала на ладони, номер, по которому он собирался звонить, был оттиснут в памяти светящимся клеймом. Ему ответили сразу, но как только он заикнулся о цели звонка, Микки поспешил прервать собеседника.

— Делаем так, старик. Перезвони еще разок, но перед последними двумя цифрами набери три шестерки.

— Это что, особой секретности линия?

— Вроде того. Лесник — это все-таки Лесник, и разговорами о погоде мы вряд ли ограничимся.

— Пожалуй...

Нашарив в кармане еще одну монету, Александр в точности последовал указанию приятеля.

— Теперь другой коленкор, старичок! И так, что именно нас интересует и почему?

— Интересует все, что так или иначе касается Лесника. Это во-первых. А во-вторых, не пересеклись ли наши пути-дорожки? Я имею в виду милицию и госбезопасность? Как ни кру-

ти, Лесник обратился за помощью к нам. Значит, кто-то крепко его напугал. Вполне логично искать первоисточник беспокойства среди других хищников.

— Вот как? И ты сразу решил, что это мы?

— Не решил, но, грешным делом, подумал... Так это действительно не вы?

— Как тебе сказать?.. Твердой уверенности у меня нет, но скорее всего навряд ли. Зачем он нам? Рыбка, конечно, крупная, и кое-кто наверняка следит за его деятельностью, но дело в том, что Лесник принадлежит к разряду так называемых «пацифистов», а таких мы, как правило, не трогаем.

— Что значит — «пацифистов»?

— А то, что грань беспредела он не переходит, с властью считается, хотя конкурентов не забывает щелкнуть по носу. Словом, сосуществовать с ним можно.

— И это я слышу от тебя?.. Удивительно!

— Ничего удивительного, старичок. Такова жизнь, и одни-ми стальными наручниками природу не обуздаешь. Не думай, что здесь сидят дундуки, есть и весьма умудренные слепцы, которые понимают, что, ликвидировав одну мощную группировку, в итоге получишь десятки мелких, уследить за которыми будет совершенно невозможно.

— И потому на Лесника и ему подобных взирают сквозь пальцы?

— Ну, не совсем так. Не обижай нас!.. Когда надо, мы их прижимаем.

— Ладно, оставим этот скользкий момент. Пару слов о самом Леснике. Предысторию вкратце ты уже знаешь, а потому попробуй ответить, что в состоянии напугать этого матерого зверя?

— Что или кто?

— Господи, Микки! Давай без ерничества и пропедевтики. Я уже выдержал часовую беседу с Митрофанушкой. Боюсь, на большее меня не хватит.

— Ладно, ладно, не хнычь... Попробуем сообразить, — трубка донесла глубокий вздох. — Итак, ни мы, ни вы им не интересуемся. Имеется в виду — глобальным, коренным, так сказать, образом. А коли так, значит?..

— Какая-нибудь секретная комиссия из Москвы?

— Двойка, старичок! Мы ведь уже говорили — никому твой Лесник не нужен. Тем более Москве, у которой своих лесников видимо-невидимо.

— Тогда что остается? Межусобица? Но это же чушь! Кто осмелится совать палки в колеса Леснику?

— Э-э, не скажи! Молодая поросль зубаста! Особенно по нынешним временам. Уж каким был Цезарь, а и того спроводили на тот свет.

— Может, ты готов назвать фамилию предполагаемого Брута?

— Нет, Саша, тут я пас. Слишком уж много наберется подобных фамилий. Считаю — все униженные и оскорбленные Лесником, плюс недобитые конкуренты, плюс собственные приемыши, успевшие за сытые годы подрасти и возмужать.

— Уж не о Мамонте ли ты говоришь?

— А хоть бы и о нем. Кандидатура достойная, хотя лет пять назад представляла собой полное ничтожество. Сейчас же — правая рука хозяина. Согласись, взлет стремительный.

— Не спорю.

— То-то и оно! И таких, как этот Мамонт, наберется добрый десяток.

— Ага...

— Вот тебе и ага! И вообще, Сашок, не в свое дело ты впутался!

— Пардон, при чем тут я? Кажется, тебе уже объяснили...

— Помню, все помню. И, разумеется, сочувствую. Но будь осторожен, Лесник далеко не прост, каким кажется на первый взгляд. Голова у него варит крепко. Он и в боссы выбился, разыграв фантастическую комбинацию. Столкнул лбами городские группировки. Все было кончено в два месяца. Одних боевиков десятка четыре поуевичили, а главарей вышибли всех до единого. Всех, кроме Лесника. С тех пор он и занял капитанский мостик. Без малого шесть лет. Обзавелся поддержкой в обеих столицах, курирует школу восточных единоборств и, по моим сведениям, на покой пока не торопится.

— Он что, уже старый?

— Да нет, но в этой профессии долго не задерживаются. Так сказать, своя кадровая текучка, кстати, весьма стремительная. И на пенсию выходят в возрасте балерин. Между прочим, и дама у него имеется. Весьма своеобразная особа.

— Это может оказаться полезным для меня?

— Как знать... Иных дам следует остерегаться, как огня.

Есть такая порочная женская категория — я называю их атаманшами. Страшнее любых лесников. Вино, мужчины, интриги... Если его барышня из таких, держись от нее подальше.

— Учту...

— И еще: хорошо, что решился позвонить. Нет, правда! Я тут предупрежу кое-кого из ребят. Подстрахую. Возможно, появится дополнительная информация. Так что не ленись, почаще выходи на связь.

— Постараюсь. А ты все-таки попробуй разузнать, держите вы его на крючке или нет? В конце концов, комитетчик ты со стажем — должны тебе хоть немного доверять!

— Какой там стаж! Я ведь всего-навсего лейтеха. Вот когда стану майором — тем самым, из анекдотов, тогда обращайтесь.

— Обязательно обращайся... — Александр замолчал. Кто-то приблизился сзади, и он это почувствовал. Быстро обернувшись, уткнулся взглядом в грудь высоченного увальня. Незнакомец лет тридцати пяти, с соломенными прилизанными волосами и щетинистым подбородком, подбрасывал на ладони связку ключей и в упор рассматривал Александра.

— Дыбин — это вы? — глухо спросил он. При этом левая бровь у него изогнулась, отчего он стал напоминать изготовившегося к атаке филина.

— Я, а что?

— Лесник прислал за вами машину.

Александр молча повесил трубку.

Устраиваясь в салоне «Ауди», он мысленно усмехнулся. Вот и накаркал! Теперь только затануться «гаваной» и обнять за талию какую-нибудь глазастую мулаточку. Дима обязательно посмеется, если узнает. Впрочем, зачем ему узнавать? Не враги же мы самим себе?.. Стараясь не выдавать любопытства, он неторопливо изучал обстановку. Фигурный пульт, отнюдь не изобилующий кнопками и индикаторами, динамики стереосистемы, вездесущий пластик, затянувший пол и потолок. Ни дырочек, ни щелей, столь милых сердцу, памятных по салонам «Жигулей» и «Запорожцев». Словом, полная скукота, не обещающая ни мытарств под днищем машины, ни ремонтных хлопот, ни беготни по автомагазинам.

Плечистый увальень, прежде чем сесть в «Ауди», настороженным взглядом обвел улицу. Увиденное, вероятно, удовлетворило его, потому что, плюхнувшись на сиденье, он что-то

отрывисто доложил шоферу. Двигатель мгновенно завелся. Плавно и почти бесшумно четырехколесное западное чудо стартовало с места...

Дом, к которому они подъехали, был Александру смутно знаком. Роскошная тень прошлого, один из пьедесталов сменяющих друг друга властителей. Именно здесь обитали одно время сотрудники «Интуриста», но потом что-то приключилось, и чиновникам спешно пришлось эвакуироваться в здание посромнее. Причину столь внезапного переезда Александр уяснил только сейчас. Старинную усадьбу облюбовал для себя Лесник, и никакой «Интурист» не в силах был противостать ему. Кесарю — кесарево, и в качестве этого самого кесаря Лесник претендовал на соответствующие рангу условия.

Машина остановилась. Пара воробьев, возмущенно чирикая, вспорхнула из-под колес, унеслась ввысь. Выбравшись наружу, Александр осмотрелся и не без удовольствия попытался представить себя в роли хозяина этого чудного места. Огромный, увитый тропками парк, пруд с карасями, заросли черемухи и рябины... Уж он бы нашел всему этому достойное применение! Теннис, волейбол, рыбалка, утренний бег трусцой с неизменным купанием! Что же еще?.. Он перевел взгляд на усадьбу. Пожалуй, несколько великовата, но со временем можно привыкнуть. Толстые колбаски колонн поддерживали треуголку крыши, окна напоминали средних размеров ворота, а уютная башенка наверху сразу наводила на мысль о звездных дождях, о телескопах, о спутниках Юпитера и огненных кометах. Да!.. Он вполне мог бы жить здесь. И жить, как это ни стыдно, припеваючи!..

Разрушая хрустальную мечту, из окна башни выглянул молодец с карабином. Как следует рассмотрев подъехавших, что-то бормотнул в портативную рацию и юркнул обратно.

— Мда... — Александр рассеянно похлопал себя по карманам. Кошелек, расческа, мятые абонементы и ключи от квартиры. Классический карманный набор, никаких излишеств. Его и грабить-то скучно... Со всей возможной приветливостью он обратился к белобрысому увальню: — А ты, паренек, здоровый! Сразу видно, что кашу в детстве хлебал до конца. Тебе никто не говорил, что ты похож на Кадудалю?

— Меня зовут Маципура, — суховаато сообщил увальень. Чуть подумав, добавил: — А карманов вам лучше бы не касаться. Ребята здесь нервные, могут неправильно понять.

— Ага, вон, значит, как... — Александр украдкой покосился на башенку. «Нервные» ребята, должно быть, прятались в незримой тени. — Так куда мне идти? К гаражу, в лес или в ваш великолепный замок?

— Пройдите в дом, — Маципура вежливо кивнул в сторону парадного входа.

Внешне Лесник вполне соответствовал кличке. Он и впрямь походил на лесника. Кряжистый, неторопливый, с лицом простоватого мужлана, он мог ввести в заблуждение кого угодно. Этого человека следовало знать лично, чтобы поверить в недюжинный ум и организаторские способности. Феномен заслуживал пристального изучения, и Александр почувствовал первый искренний интерес к делу. Фразы, срывающиеся с губ Лесника, никак не вязались с его обликом, но и облик накладывал на сказанное особый отпечаток.

— Присаживайтесь, — Лесник указал на кресло. — На меня можете не обращать внимания. Я всегда прохаживаюсь, когда что-нибудь обдумываю или рассказываю...

В дверь вежливо постучали, на пороге появился человек в кимоно с букетом странных цветов в руке. Раскосые глаза с вопросом глянули на хозяина, но тот покачал головой.

— Не сегодня, Лао. Займись другими комнатами...

Чуть помешкав, человек в кимоно выскользнул из комнаты, оставив после себя запах цветов и чего-то еще неуловимо знойного, сухого, напоминающего о пустынных равнинах, морщинистых ящерах и змеях.

Только теперь Александр заметил покоившуюся на столе вазу с увядшими стебелькам растений. Были здесь и цветы, и веточки деревьев, и какие-то забавные корешки. Справа, на резном комодe, возвышалась еще одна ваза, более просторная и красивая, но с тем же усохшим набором. Заметив любопытство гостя, Лесник нехотя пояснил:

— Лао считает себя мастером по сложению икебаны. Верит в нее исступленно, чего не сказать обо мне. К тому же в последнее время из-за приступов астмы... — он, не договорив, махнул рукой. — Словом, мне сейчас не до запахов.

— По-моему, этот Лао в большой обиде на вас.

— Знаю. Но давайте займемся тем, для чего я вас сюда пригласил.

— Пригласили?

Тяжелым шагом Лесник подошел к окну, медленно заложил руки за спину.

— Хорошо, поставим все точки над «и». Так сказать, для обоюдной ясности. Я предложил вашему полковнику сделку, и он на нее пошел. Никто вас не принуждал, это своего рода коммерция: я — вам, вы — мне. Скажу больше: я готов оказать и другие услуги, лишь бы помощь была действенной.

— И вас не пугает возможное осуждение коллег? Все-таки сделка с законом в вашей среде не поощряется.

— Меня это не пугает. Тем более, что в подробности сделки посвящены немногие.

— И тем не менее!..

Лесник обернулся.

— И тем не менее, я начал уже сомневаться в целесообразности своего поступка.

— Я успел разочаровать вас?

— Дело не в этом... О вас я знаю, пожалуй, все или почти все. Вы вполне меня устраиваете. Возможно, вы слышали — на следователей у нас тоже заведена своя картотека. Там есть все: кто чего стоит и кого нужно особенно опасаться. Словом, графы профессионального уровня, самые различные слабости и, конечно же, мера подкупаемости.

— И что там сказано обо мне?

— Неважно. Скажу только, что петербургское дело создало вам рекламу. И рекламу довольно отталкивающую. Вы умеете работать и не берете откупного.

— Тогда что вас смущает?

— Ваша некомпетентность.

— Вот как? Что-то не очень пойму...

— Дело, которое еще вчера я собирался предложить вам, внезапно усложнилось. Питерская заваруха — лучшая из всех возможных рекомендаций, но, увы, мой собственный ребус, скорее всего, вам не по зубам.

— Кажется, начинаю догадываться. У вас завелся некий Азеф, которого надо вычислить. Но если это так...

— Это не так, — Лесник нервно усмехнулся. — Со своими азефами я без труда справляюсь сам.

— Вы влезли в политику?

Губы Лесника продолжали кривиться все в той же странной усмешке. Александр испытал смутное раздражение.

— Думаю, вы понимаете, что требовать от меня слишком много — бессмысленно. Я действительно некоторым образом в опале, но из этого еще ничего не следует. Присяга остается присягой, и я...

— Бросьте! — Лесник поморщился. — Какая, к чертям, присяга! Кто о ней говорит?.. Великий Талейран присягал на верность тринадцать раз и, может быть, потому благополучно дотянул до восьмидесяти четырех лет. Кроме того, присяга здесь не при чем. В этом деле требуется размах и сила, коими вы не располагаете.

— А вы?

— И я тоже.

— Странно. Я-то считал, в нашем городе вам все по плечу. Глаза Лесника мрачно блеснули.

— В том-то и загвоздка, — хрипло пробормотал он, — что этот город нам уже не принадлежит.

— Вы хотели сказать — вам?

В чертах мафиозо промелькнуло нечто жесткое. На какое-то мгновение он стал похож на старого мрачного грифа. Простоватый мужлан исчез.

— Я сообщу вам несколько фактов, — процедил он, — а выводы уж делайте сами.

Опустив глаза, Александр мысленно себя одернул. Не следует забываться, господин капитан! Это не сцена, и никто не прибежит на ваши душераздирающие вопли, чтобы выступить с адвокатской речью. Ровный спокойный диалог, обмен мнениями, трезвый совет юриста. Большого от вас пока не требуют...

— Итак, — продолжил Лесник, — главное было уже сказано: этот город мне больше не принадлежит. Не принадлежит он и вам, хотя вы об этом еще не догадываетесь. С некоторых пор здесь происходят необъяснимые вещи. В частности, пропадают люди.

Александр машинально кивнул. Насчет этого он был в курсе.

— Я знаю, что вы занимаетесь той же проблемой, и считал вдвойне удачным заполучить вас в качестве консультанта... Итак, заметили ли вы за последнее время что-нибудь особенное в статистике исчезновений?

— Пожалуй, нет. В конце концов, сейчас не зима, и пропадают в основном командировочники, изредка не возвращаются домой дети. Вот, в сущности, и все.

— Ага... — Лесник покачал головой. — Стало быть, общая статистика отношения ко мне не имеет. Это тоже кое-что значит.

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что на данный момент я понес потери — и потери весьма ощутимые.

— Конкуренты?

— Исключено, — держа руки за спиной, Лесник принялся мерить комнату шагами. — Это что-то чужое, о чем ни вы, ни я не имеем ни малейшего представления. Сила, с которой я столкнулся, не пускает в ход привычное оружие, не вступает в диалог и делает все, чтобы остаться нераскрытой. На сегодняшний день я имею шестерых пропавших без вести и двух мертвецов.

Грузно приблизившись к столу, Лесник взял длинный деревянный пинцет и, отомкнув ключом, достал пинцетом из ящика толстый пластиковый конверт, в котором просвечивал лист бумаги.

— Как вы полагаете, может ли эта бумажка убить человека? Александр недоуменно сдвинул брови.

— Это что, метафора?

— Нет, не метафора. Обстоятельства таковы, что один из моих помощников взялся разобраться с этой загадочной силой. Двое суток назад он получил свою последнюю почту. Мои люди видели, как он вскрывал конверт. Им показалось, что в него выстрелили. То есть звука выстрела не было, но тело отшвырнуло шагов на пять. Он скончался почти мгновенно. Диагноз — обширное кровоизлияние в мозг.

— Позвольте! — Александр голый рукой взял конверт, отметив, как напрягся при этом Лесник. Внимательно осмотрел со всех сторон. — Бумага несколько странная, но в общем ничего особенного. Такую используют для распечаток на компьютерах. Хотите, чтобы я показал ее нашим химикам?

— Не знаю, — в голосе Лесника прозвучала болезненная усталость. — Делайте что хотите. Навряд ли это что-нибудь даст, но можете попытаться, — чуть помешкав, он присел в кресло.

— Кстати, ваши погибшие зарегистрированы в официальной картотеке?

— Разумеется, нет. Специфика нашей профессии не позволяет афишировать подобные вещи.

— Однако вы обратились к нам.

— И вероятно, напрасно. Потому что вы запутаетесь так же, как и я. Свое собственное следствие мы уже провели, но не продвинулись ни на шаг, если не считать еще двух исчезновений и смерти еще одного моего помощника. А вчера я получил очередной конверт, адресованный уже лично мне.

— Вы вскрыли его?

— Нет, — лицо Лесника исказила гримаса. Казалось, он хочет рассмеяться, но не в состоянии это сделать.

— Скорее всего, вы поступили разумно, хотя... — Александр пожал плечами. — События попахивают откровенной чертовщиной. Письмо я, конечно, заберу, и специалисты изу-

ят его со всей возможной осторожностью, но сказать что-либо заранее не могу. Итак... где письмо?

— Его нет.

— То есть?... Его что, украли?

Лесник кивком указал на вмонтированный в стену сейф, коротко объяснил:

— Еще вчера оно находилось здесь. Сегодня утром я его не нашел.

— Значит, все-таки кража?

— Маловероятно. Это швейцарская система. Ключ только у меня.

— Но с ключа можно изготовить дубликат.

— Этого недостаточно. Здесь два пятизначных кода плюс кое-что еще.

Александр аккуратно уложил конверт из толстого пластика в свой дипломат. Ему вдруг подумалось, что он разговаривает с сумасшедшим. С сумасшедшим или человеком, напуганным до смерти. Возникла нелепая уверенность, что если он встанет и выйдет из комнаты, Лесник примет это как должное. Александр нервно заерзал. Что тут, черт побери, происходит? Неужели два жалких письма довели этого монстра до ручки?.. В помещении неожиданно повеяло сквозняком, и ему почудилось, что из-за спины мафиозо бледной тенью показалась человеческая фигура. Она покачивалась из стороны в сторону, контуры ее расплывались, а необыкновенно толстые руки медленно тянулись к шее сидящего. Александр сморгнул. Тень не пропала, но стало ясно, что она всего лишь фрагмент бросаемых от окна беспокойных отсветов. Гигантские тополя, окружившие дом, лениво кланялись под ветром, рождая самые причудливые теневые орнаменты. Переведя дух, Александр признался самому себе, что сердце у него ушло в пятки. Желая наказать мозг за излишнюю мнительность, посмотрел в окно. Деревья, птицы, небо и более ничего... А вот реакция Лесника ему не понравилась. Мафиозо устремил взор туда же, но шея его противоестественно напряглась, глаза враждебно прищурились. Так оборачиваются в ожидании выстрела или удара.

— Вы что-то заметили, верно? — порывисто поднявшись, он принялся неумело массировать горло. — Черт! Не могу сидеть. Сразу возникает ощущение духоты... Так что вы там разглядели?

Вопрос прозвучал резко, и Александр тотчас разозлился. Теперь он почти не сомневался, что мафиозо немного не в себе.

— Ничего.

— Так-таки ничего?

Он едва сдержался, чтобы не вспылить.

— Я предпочел бы вернуться к прежней теме. А точнее сказать, к фактам. Кажется, вы решили, что столкнулись с некими таинственными силами, и силы эти предприняли по отношению к вам агрессивные шаги. Со всей очевидностью встает вопрос: в чем заключается проблема столкновения?

Пошатавшись, Лесник обошел комнату. Дышал он с характерным астматическим присвистом.

— Не знаю, Александр Евгеньевич. Честное слово, не знаю. Коли уж вы здесь, то вам и карты в руки...

Александр не поверил глазам. В считанные секунды мафиозо сник, понурье плечи и задыхающийся голос превратили его в старика. Картина оказалась столь удручающей, что Александр забыл о своем раздражении. Вероятно, в данном случае требовалась действительно помощь врача-психиатра, но никак не следователя милиции.

— Это перст-фатум, — бормотал мафиозо. — Рок, против которого бесполезно бороться. Еще пару недель назад я был уверен, что раздавлю любого противника, а сейчас я ничего не понимаю. Ровным счетом ничего... Это — как паутина, из которой невозможно выбраться. Она тянется за тобой повсюду, прилипает к рукам, к ногам... — Лесник поднял глаза на гостя. — Поверите ли, никогда не жаловался на здоровье, но за последние дни вдруг узнал, что на свете существует масса неприятных болезней. Таких, как астма и геморрой, ревматические боли и мигрень. Вот уже трое суток у меня ноет сердце. Ей-богу, если так пойдет дальше, я закажу яд своему Лао, — он хрипло засмеялся. — По возможности, мгновенного действия. Например, цианистый калий. Что скажете, а?

— Скажу только то, что вам следует обратиться к врачу.

— К врачу? — Лесник удивился. — Зачем?..

— Но вы же сами признались, что больны.

— Я болен?.. — Лесник оперся рукой о стол, с досадой взглянул на Александра. — Вы, наверное, решили, что я свихнулся? Или я не прав?

— Я этого не говорил.

— Достаточно того, что я вижу, — в голосе Лесника послышалась угроза.

— Давайте обойдемся без эмоций. В конце концов, это ваше желание — задействовать сотрудника МВД. Битых полчаса я сижу здесь, но до сих пор не услышал ничего вразумительного. Или вы считаете, что одного чистого листка достаточно, чтобы броситься по следам вашего недруга-невидимки?

На щеках мафиозо заиграли желваки. И все-таки он сумел с собой справиться. В руке его появилась трубка радиотелефона. Уверенно набрав кодовую комбинацию, он бормотнул невнятное распоряжение и одарил следователя тяжелым взглядом.

— Хорошо, я попробую разъяснить вам ситуацию. Вернее, ее разъяснят мои люди. И они же укажут на человека, который, вероятно, связан с моим противником.

Дверь за их спинами распахнулась, вошел детина в облегающей фуфайке, с руками гимнаста и эффектной кубурой под мышкой.

— Босс, — он говорил со сладкой вкрадчивостью. — Маципура только что подъехал. С ним один из учителей школы, как вы велели.

— Кто именно?

— По-моему, Цой.

— Хорошо, — Лесник украдкой взглянул на Александра. — Проводи гостя к ним. Маципура знает, что делать.

— Кого выделить в сопровождение?

— Никого, — Лесник снова потянулся к горлу. — Они должны быть одни.

Несмотря на грузную комплекцию, двигался Маципура удивительно быстро. Такая нервозная порывистость чаще встречается у худых людей. Потееющее лицо начальник охраны Лесника вытирал огромным цветастым платком. Кореец Цой, занявший водительское место, выглядел рядом с ним настоящим лилипутом, и для Александра было новостью узнать, что кроме вождения в функции этого малыша будет входить и их охрана.

— Не обращайтесь внимания на его габариты, — на лице Маципуры промелькнула горделивая усмешка. — В деле он будет похлеще гранаты.

— Еще один Джекки Чан?

— А кто такой этот Джекки?

Александр коротко объяснил. Начальник охраны не раздумывал ни секунды.

— Цой лучше, — убежденно заявил он. — Уже хотя бы потому, что ни одна кинокамера за ним не уследит. Спорт и кино нашего малыша никогда не интересовали. Его учили драться, а не позировать.

— Чего же Лесник боится, имея таких мастеров?

— Чего? — Маципура прикусил нижнюю губу. Глаза его воровато забегали. Тем временем кореец невозмутимо завел двигатель, и машина двинулась по парковой аллее.

— Лесник обещал, что меня введут в курс дела.

— Да, конечно, — Маципура нервно шевельнул плечами, с видимым усилием проговорил: — Конечно, я расскажу все, что знаю, хотя сразу предупреждаю: звучит это неправдоподобно...

— Ничего, я человек привычный — выслушаю до конца.

Машина миновала чугунные ворота и выскользнула на городские улицы.

— Вероятно, вы представляете себе, что значит контролировать отель? Дело в общем нехитрое, если знаешь специфику...

— Девочки по вызову, левые номера, наводка на богатых клиентов и так далее и тому подобное. О какой гостинице идет речь?

Маципура замялся. В голове у него, видимо, все еще не укладывалось, что воровскими проблемами он должен делиться с сотрудником милиции.

— Это точно, что вы следователь?

— Точнее не бывает, родной. Так что там насчет гостиницы?

— Гостиница «Центральная», — Маципура кашлянул в кулак. — Еще год назад там хозяйничали ребята Подгорного. Но Подгорный загремел, а толкового наследника не оставил.

— Словом, вы воспользовались моментом.

— А почему бы нет? Времечко подвалило подходящее, вот мы и стали навязывать своих людей. То есть не сразу, конечно. Сначала они выплачивали проценты, а уж потом, после открытия казино, согласились на половинную долю. Все шло хорошо, фактически гостиница уже принадлежала нам, и Лесник выставил этим парням ультиматум: либо работать в общей упряжке, либо убираться к чертам.

— И они заартачились...

— Нет, — Маципура удивленно вскинул голову. — Согласились. А что им было еще делать? Они понимали, что сила на нашей стороне.

— И тем не менее, что-то произошло?

— Первое самоубийство... Это был Клоп, он занимался девочками. Почему он так поступил — совершенно неясно. Видите ли... У Клопа всегда все ладилось. И с клиентурой, и с девочками. Он и с гостиничным персоналом сошелся довольно быстро: принял журнальные записи, распределил роли. А через пару дней его нашли в запертой ванной с перерезанными венами.

— Ванная была заперта изнутри?

— Само собой, изнутри. Ребятам пришлось взламывать дверь. Но это было только начало. Чуть позже исчезли двое его подручных. Сначала один, потом другой...

— Они пробовали замещать Клопа?

— Наверное, так.

— А почему не допустить возможность, что ребята Подгорного обиделись на вас? Как ни крути, гостиница принадлежала все-таки им.

— Не думаю, — Маципура покачал головой. — Они были рады уже и тому, что их оставили у дел. Скажем, Мамонт — тот

и церемониться бы с ними не стал, а Лесник — мужик не такой. Ценит профессионалов.

— Значит, говоришь, ценит?.. — Александр задумчиво обернулся к окну. Справа и слева мелькали стриженные под колобок деревья, какой-то прохожий, голосуя, поднял руку, в пальцах его была зажата красная купюра. — Словом, ребят Подгорного вы даже не проверили...

— Почему же? Проверяли. И Мамонт с ними беседовал. Но они клялись, что не знают, чьих это рук дело.

— И вы им поверили?

— Сначала не очень. Но когда на место главного администратора, то самое, которое занимал Клоп, назначили какого-то Чолхана, мы сообразили, что во всех историях замешана третья сторона.

— А Чолхан, стало быть, не ваш человек?

Маципура энергично замотал головой.

— Его вообще никто не знает. Вроде бы он даже приезжий, и сам поселился в этой гостинице. Каким образом и кто его назначил — известно одному дьяволу. Вся документация проходила через наши руки, и все-таки он занял должность.

— Может быть, звонок сверху?

— Кто его знает?.. Может быть, и так. Лесник раскручивал этот вопрос через исполкомы, но так и не сумел ничего выяснить. Все кругом или запуганы, или сами ни в чем не уверены. Стали неожиданно пропадать бумаги, до которых сто лет ни кому не было дела.

— А люди?

— И люди тоже, — Маципура вздохнул. — Кое-кто пытался следить за гостиницей, но нас обскакали и тут. Ребята пропадали в первые же часы. Лесник рвал и метал...

— Минуту! Что значит — пропадали?

— А то и значит, что уходили и не возвращались. Никто о них больше ничего не слышал, хотя мы перерыли весь город.

— А вмешательства спецслужб вы не допускали?

— Наверяд ли... То есть, я думаю, что это не они. Чекисты действуют по-иному, без тумана, а тут... Мы ведь намеревались переговорить с Чолханом, но все получилось так странно...

— Странно?

Маципура в замешательстве провел пальцами по волосам.

— Видите ли... Это уже скорее какой-то гипноз. После того, что произошло с помощником Лесника, мы отправились на переговоры с главным администратором. Я и Поль Старший.

— Кто это?

— Служба безопасности Лесника, — Маципура хмыкнул. — Теперь уже бывшая служба безопасности... Словом, когда надо было поговорить жестко, без метафор, Лесник посылал обычно его.

— Вам было поручено убрать Чолхана?

Побагровев, Маципура полез в карман за платком.

— Предвидеть заранее, как обернется разговор, мы не могли. Все зависело от того, что нам ответят.

— И что же вам ответили?

— Ничего. Абсолютно ничего, хотя беседа и состоялась. Этот тип принял нас радушно, даже угостил пивом и импортными сигарами. Но самое шальное, что мы и словечком не упомянули о деле, с которым пришли. Поль Старший рассказывал о поездках за рубеж, о каких-то пошивных ателье и даже демонстрировал пиджак,

который, по его словам, обошелся ему чуть ли не в две «штуки» долларов.

— А вы?

— Я?.. — Александру показалось, что Маципура что-то лихорадочно старается придумать. — Я, в общем, не особенно боялся. Цоя тогда с нами не отправили, так что мое дело было обеспечивать охрану.

— И все-таки, в конце концов, разговорили и вас, верно?

Маципура не знал, куда деть глаза.

— Так о чем вы там рассказывали?

— О рыбалке, — Маципура захрустел стиснутыми кулаками. Видно было, что ему тягостно вспоминать о той встрече. — Иногда я действительно балуюсь рыбной ловлей. Ну а Чолхан каким-то образом пронохал об этом и начал засыпать вопросами: где и что клюет, какую приманку лучше использовать, ну и так далее.

— Словом, беседа получилась содержательной, — Александр кивнул. — Чем же все завершилось?

— Тем, что мы встали и ушли. То есть перед этим мы, конечно, попрощались, но никто из нас так и не вспомнил о цели визита. Я же говорю! Это был натуральный гипноз!

— Где теперь Поль Старший?

— Не знаю. То ли на Кавказе, то ли в Крыму. После всего этого у него случилось что-то вроде нервного расстройства. Я видел, как он плакал в кабинете у хозяина. Целовал руку Регины, умолял отпустить на пару месяцев.

— Регина — это?..

— Подружка хозяина. Лесник прислушивается к ее советам, и кое-кто предпочитает обращаться прямо к ней.

— Ясно... Ну а что-то удалось узнать об этом Чолхане?

Маципура сдержанно пожал плечами. Как выяснилось, узнать удалось немного. Чолхан Марат Каримович оказался уроженцем города Котласа, преподавал физику и математику. Семья гость из Котласа не имел, по паспорту значился русским, хотя и имя, и внешность говорили несколько об ином. Маципура также сообщил, что учителю сорок девять лет от роду и что в недавнем прошлом он награжден степенью учителя-методиста, а в настоящее время находится в отпуске без содержания и назад его ожидают никак не раньше следующего месяца.

— Не густо, — Александр поджал губы. — Впрочем, справи мы о нем наведем, покажется мне добрым и симпатичным?

— Тем лучше. Тогда следом за вами зайдем мы, и диалог наконец состоится.

— Хорошо. Вы меня убедили.

— И ради бога, ничего не бойтесь, — Маципура усмехнулся.

— Как говаривал Лаврентий Павлович: попытка — не пытка...

Александр не преминул отметить про себя, что ухмылка у начальника охраны вышла какой-то кислой. Его качнуло вперед. Машина притормаживала возле здания гостиницы.

ГЛАВА 3

Фраза, брошенная Маципурой на прощание, вызвала у Александра кривую усмешку.

— Ждем вас не более получаса, после чего поднимаемся следом.

Кивнув, Александр обратил взор к гостинице. Формой здания напоминало распахнутую книгу, ряды окон образовывали строчки, и глаза обегали их в доли секунд, не в силах уцепить-

ся за что-либо существенное, неосознанно подозрительное. Шестнадцать этажей сливались воедино, сюжет раскрытых страниц оставался безликой загадкой. Мраморная крошка, вкрапленная в бетон, не прибавляла зданию шика, в окнах справа отражалась городская площадь с фонтаном, в окнах слева струились машины и спешили пешеходы. Александр зябко повел плечами. Он чувствовал, что в спину ему смотрят Цой с Маципурой. Они словно ждали чего-то, что должно было остановить следователя, и их ожидание невольно передалось ему.

Тусклая медная рукоять размерами с чайное блюдце обожгла пальцы, подобно раскаленному утюгу. Электрический разряд? Солнце?.. Поморщившись, Александр отворил тяжелую дверь и очутился в стеклянном вестибюле.

Раз или два ему случалось забежать сюда по служебным делам. С тех пор изменилось здесь немного. Разве что лампы под потолком расцвели пышными люстрами, а обитые деревом стены запестрели картинами и фотографиями. Единственный обитатель просторного вестибюля сидел за небольшой конторкой и забавлялся тем, что, глядя на себя в зеркало, расчесывал глаза. Растирал он их так яростно, что, казалось, вот-вот выпарапает. Маленький транзисторный приемник, примостившийся возле служащего, наигрывал что-то тягуче восточное, перебиваемое треском и шипением помех. Взглянув на вошедшего покрасневшими глазами, служащий проворно соскочил со стула. Александру стоило немалых усилий, чтобы не выдать своего изумления. В то время, как тело служащего принадлежало крупному, вполне сформировавшемуся мужчине, ножки его оказались кривыми и крохотными. По полу он скорее не шагал, а перекатывался. Впрочем, самого карлика это совсем не смущало. С радушной улыбкой он подсеменял к следователю и, протянув руку, дружелюбно представился:

— Зиновий Громбальд. Для своих просто Зинка. Кому-то это может показаться обидным, но я не обижаюсь. На что, скажите, пожалуйста, можно обижаться в моем положении?.. Кстати, о вас справлились и уже не раз. Правда, Марат Каримович сегодня заняты, но интерес тем не менее проявляли. Сами понимаете, симпозиум, кульминационный момент... Оппоненты посланы во мрак, и наконец-то приступили к мерам секретности по психотронному оружию. Заштопывание вселенских дыр и вечный вопрос единения. Председательствуют сами Марат Каримович, так что, увы, аудиенции пока не выйдет. Но если хотите, можете прогуляться по залам. Ей-богу, у нас неплохая выставка! Имеются работы Манина, Даниленко, Головщикова — если не видели, обязательно взгляните! Есть в них, знаете ли, нечто этакое! — Громбальд восторженно потер подушечками пальцев. — Вдохновляющее на онтогенез, что ли! Согласен, с ними можно спорить, их можно поносить, но именно этим они и прекрасны! Косность — не главная беда, поверьте мне. Куда страшнее апатия. Дурная привычка — читать на стульчаке в коммуналке. Но хуже, если не будут читать вообще! Поиски смысла заходят в тупик не потому, что искомый отсутствует. Смысл невозможно найти там, где его нет. За него надо бороться, как за собственное здоровье. И в том, и в другом случае ленивых ждет неудача, ибо искать — вовсе не значит лицезреть потолок. Поиск подразумевает куда более энергичные процессы. Мазохизм в смысле насилия над душой и мозгом. Хлещите их плетью, и, может быть, выйдет толк. Впрочем, вы следователь, вам это известно не хуже меня...

— Вас кто-то предупредил обо мне? — Александр ровным счетом ничего не понимал. Словоохотливый карлик начинал вызывать у него раздражение.

— Да вы не сердитесь, — странный человечек полуобнял его за талию. — Через недельку-другую страсти поутихнут, и у Марата Каримовича наверняка выберется свободная минутка.

— Но я не могу ждать так долго!

— Это вам только так кажется. Человек от природы наделен терпением. Животное столько не выдерживает, сколько выдерживаем мы, — Громбальд сокрушенно помахал свободной рукой. — Поэтому ходите по коридорам, подышите воздухом искусства, всплакните. Конечно, безобразие, что мы не имеем возможности принимать посетителей, исходя из желаний последних, но таков уж существующий статус. На время проведения симпозиума вводится чрезвычайное положение, и тут я бессилён.

— Если я правильно понял, симпозиум проходит прямо здесь?

— Совершенно верно.

— Это имеет какое-то отношение к съезду мелиораторов?

— О! Самое непосредственное! Вижу, вы читаете прессу и довольно внимательно. Об этом упоминали в ряде зарубежных газет.

— Так... — Александр окончательно был сбит с толку.

— Не мучьте себя, Александр Евгеньевич! На вас больно смотреть! В самом деле, побродите по коридорам, поизучайте репродукции. В них, понятное дело, не та энергия, но кое-что все-таки есть. — Карлик продолжал вести его, отворяя дверь за дверью, показывая на стены, увешанные фотографиями и картинами. — Одна деликатная просьба: не мешайте проведению симпозиума и не отвлекайте постояльцев от диспута. Ну, а на этом я с вами прощаюсь. — С удивительным проворством Зиновий Громбальд юркнул в боковой проход.

— Послушайте! — Александр метнулся было за ним, но ударился головой о притолоку. Под черепом польхнуло искристое пламя, и, обняв гудящее темя, он прислонился к стене. Происходящее по-прежнему не укладывалось в сознании. Ему казалось, что над ним посмеялись. Симпозиум!.. Какой может быть симпозиум в гостинице? И почему главный администратор обязан председательствовать на этом самом симпозиуме?.. Картины, коллажи, фотографии кружились перед глазами. Внезапно он сообразил, что нумерация дверей не соответствует действительности. Семьсот шестьдесят один, семьсот шестьдесят два... Держась за голову, Александр припустил по коридору. Ковровая дорожка куда-то пропала, шаги гулко загрохотали под сводами. Это не могло быть седьмым этажом! Он помнил совершенно отчетливо, что по лестнице он не поднимался и в лифт, конечно же, не входил. Однако числа на латунных дверных табличках говорили об ином. Коридор изогнулся под тупым углом, где-то далеко впереди замаячила служебная лестница. Но где же, черт возьми, вестибюль?!.. В панике он повернул обратно. Под ногами вновь зашуршал ковер, но общая картина не изменилась. Александр машинально перечитывал надписи, сделанные карандашом под трехзначными номерами: Люмперго Авраам Имбрекович, космозоология; Дарьяно Порциус, лебертоман и символист... Как видно, в гостинице имелись свои шутники. Дистанция до лестницы оказалась длиннее, чем он рассчитывал. Почему-то стало вдруг ясно, что он пьян, и только этой особенностью своего состояния можно объяснить все происходящее. Внезапно его качну-

ло. Мягким рассыпчатым снегом с потолка посыпалась извеска. Ветвистые змейки трещин поползли по стенам, пробираясь меж бесчисленных шедевров местного художничества. Тяжело дыша, Александр перешел на шаг и, не сознавая, что делает, постучал в ближайшую дверь. Сверху уже падали куски штукатурки. Не дожидаясь разрешения, он быстро вошел внутрь.

Здесь было гораздо спокойнее. Он сразу это ощутил. Слева возвышался гардероб шипастой конструкции, справа располагалось царство запахов — то бишь ванная, совмещенная с туалетом. Миновав короткую прихожую, Александр раздвинул пыльные кулисы и проник в комнату. Присутствие в комнате жильца одновременно и смутило, и успокоило его. Смуглокожий бронет, похожий на индуса, сидел на соломенном половичке и, полузакрыв глаза, что-то складно бормотал себе под нос.

— Извините за вторжение, но тут в коридоре какая-то свистопляска. И потом, я хотел поинтересоваться этажом. Звучит, разумеется, глупо, но вышло так, что я...

Глаза индуса раскрылись, и Александр смолк. Незнакомец даже не взглянул в его сторону. Только дрогнули тонкие брови, и скрипучий голос прорезал тишину:

— Зинка, иуда, где ты?..

— Кто вам позволил находиться здесь!

От последнего возгласа следовательно, как ошпаренный, подпрыгнул и обернулся. Перед ним стоял все тот же Громбальд, но теперь абсолютно нормального роста. Сменилось и выражение лица служащего. На Александра взирали с яростным прищуром.

— Я же предупреждал вас!..

— Зинка, это ты? — хозяин номера по-прежнему не смотрел на них. — Как он проник сюда?

— Одну минуту, Герберт Мануилович! — Пальцы Зиновия стальной обручем сомкнулись на плече Александра.

— Мне необходимо встретиться с Чолханом! — в отчаянии пролепетал Александр.

— Вы сошли с ума! — Зиновий с силой потянул его из комнаты. — Быстрее уносите ноги!

— Что вы себе позволяете? — Александр попытался вырваться, но хватка служащего оказалась железной. С изумлением он ощутил, что ему самым грубейшим образом выкручивают кисть. Они уже двигались по коридору. Стены и потолок рывками перемещались перед глазами.

— Ведь я предупреждал вас! Самым деликатным образом!.. Теперь пеняйте на себя!..

Впереди распахнулась массивная дверь, и громовой бас коротко приказал:

— Сюда его!

Александра швырнули на каменное ложе, в лицо ударил пронзительный свет.

— Отвечайте быстро, не задумываясь!

Голос напоминал рык тигра, болезненно отзываясь в голове. Из-за ослепительных прожекторов Александр не мог сориентироваться, но ему показалось, что помещение напоминает концертный зал.

— Послушайте! Я сотрудник милиции и сюда пришел по делу... — Некто невидимый стиснул виски следователя. Ледяная ладонь коснулась затылка. И тут же мысли смешались в багровый ком страха, покатались под гору, в черный омут оврага. Его низринули в пустоту, превратили в ничто. Телесная оболочка перебирала ногами, пальцы бессмысленно шевелились.

Подобно двухмесячному ребенку, он пускал пузыри и гыгыкал. Разум отсутствовал. Его изъяли для исследования, как изымают порцию крови для анализа. Кто-то копался пинцетом в его извилинах, ворошил в мыслях, как ворошится медведь в раскуроченном улье. И когда все снова вернулось, Александр почти закричал от радости. Возврат из пучин небытия он воспринял как новое рождение. Жизнь продолжалась обновленная и оцененная вдвойне. Впрочем, времени на осмысление и передышку ему не отвели. Грубым рывком Александра подняли с ложа.

— Хватит с него. Выбрось, и подальше...

— Нус и даноя! — откликнулся голос Громбольда. — Неужели все так плохо?

— Типичное дискурсивно-рассудочное существо. Преобладание программы и прочей сопутствующей дребедени.

— Как с уровнем фрустрации?

— Тащи и не болтай!

И снова Александра Евгеньевича волочили по коридору. В ушах не смолкал злобный шепот Зиновия.

— Теперь, как пить дать, всем попадет. Вы же вмешались в МЫСЛЕОБМЕН! Понимаете?!.. А ведь я к вам со всей душой отнесся. И предупредили тысячу раз, и картины впустили посмотреть... — Коридор беспощадно сужался. Пахло чем-то кислым, багровый ворс ковра явственно шевелился.

— Отпустите меня, — прохрипел следователь.

— Нет уж. Один раз я это сделал, теперь каюсь... Да не трепещите же вы! Гусар, который не убит в тридцать лет — не гусар. По-моему, это слова какого-то маршала. Кстати, вам есть тридцать?

— Я... Я не понимаю вас.

— Очень жаль. Всегда сочувствовал непонятливым. — Громбольд остановился. — Вот мы и пришли.

Он отворил крохотную дверь, и на Александра пахнуло уличным перегаром. Как минус пересиливает плюс, так и смешение благоухания со смрадом не дает ничего, кроме вони. Зыбкие ароматы тополей и парфюмерного магазина потонули в мощной волне машинных выхлопов. Задыхаясь, Александр разглядел далекую автостоянку, разгуливающих по тротуару людей. Это не было ни окном, ни балконом. Просто-напросто дверь открылась на уровне седьмого этажа. Непроизвольно он уцепился за косяк.

— Ну же, Александр Евгеньевич, не будьте трусом!

В спину последовал безжалостный удар, но, извернувшись, следователь успел ухватиться за пиджак Громбольда. Ткань с треском расплзлась, служащий гостиницы опасно качнулся.

— Да пустите же, черт вас возьми! — Громбольд попытался лягнуть Александра. — Что вас смущает? Высота?.. Но это же курам на смех! А может, обилие людей?..

Александр скорее почувствовал, чем увидел, как пространство за его спиной погасло. Словно нажатием кнопки потушили гигантскую лампу. Свет теперь падал только из коридора.

— Все, сейчас вас никто не увидит. — Зиновий Громбольд взялся за надорванный пиджак и с натугой отдрал кусок, за который продолжал цепляться несчастный следователь. — Спокойной ночи, Александр Евгеньевич!

Дверной проем метнулся вверх, стремительно замелькала окна. Александр в ужасе зажмурился. Седьмой этаж, асфальт — стало быть, ни единого шанса... Додумать он не успел. Удар всколыхнул тело, а в следующее мгновение он судорожно заработал руками и ногами. Дышать было нечем. Его

кружило и переворачивало в самой настоящей воде. Вверх! За глотком кислорода!.. Как заправский пловец, он прорывался к далекому воздуху. Он не знал, где верх, где низ, но интуитивно выбрал верное направление. Намокшая одежда замедляла движение, но Александр продолжал бешено грести. Прошла целая вечность, прежде чем он разглядел звездное небо. Еще до того, как вынырнул. Последний рывок, и легкие с сипом заработали. Воздух был сладок и свеж, испытал чудесную метаморфозу. Ни выхлопы транспорта, ни затхлость канализационных люков не могли испортить его. Шумно дыша, следователь огляделся. Плывая по-собачьи, добрался до бетонного бортика, вытянул ноги, ощутил дно.

Фонтан. Куда он упал вопреки всякой логике. Городской фонтан, расположенный в центре площади...

— Как водичка, приятель?

Александр напряженно обернулся. В темноте на противоположном краю бассейна сидела грузная женщина. Огонек сигареты превращал ее лицо в фиолетовую маску.

— Замечательная, — слова давались с трудом. Мышцы сотрясала дрожь, и Александр невольно обнял себя за плечи.

— А ведь ты меня напугал, дорогуля. Прямо, как подкрался!..

Слепо покосившись на часы, Александр выбрался из фонтана. В черной громаде гостиницы не горело ни одно окно, улицы дышали ночной прохладой. Над головой тонко зазвенело, и следователь шмякнул себя по щеке. Комар... Все правильно. Фонтан — место свиданий и комариного разгула. Пожалуй, это было его первой трезвой мыслью. Туман ирреальности улетучивался. Что же с ним все-таки произошло?.. На губу прилепился еще один комар, и Александр зло растер его кулаком. Снова взглянув на остановившиеся часы, медленно побрел по площади.

— Эй! Роднуля! Куда ж ты в таком виде? Может, зайдешь обогреться? Я тут неподалеку живу...

Не оглядываясь, следователь махнул рукой.

— Не сыпь мне соль на ра-а-ну, — дурашливо затянула женщина. Сама себя оборвав, крикнула вдогонку: — Иди, иди, полуночник! Может, под машину попадешь...

Александр промолчал.

— ...Она еще боли-и-ит... Эй, ныряльщик! — женщина кричала, должно быть, сложив руки рупором. — Ночью добрые люди дрыхнут, а не плавают по фонтанам! Не спят только жулье и тараканы...

Ее хриплый раскатистый смех он еще слышал на протяжении нескольких десятков шагов...

Под машину Александру Евгеньевичу попасть не удалось. Добравшись до дома в третьем часу ночи, он открыл ключом дверь и, рухнув на диван, уснул мертвым сном.

ГЛАВА 4

— А вы не думаете, что все наши сведения могут оказаться липой?

— На этот раз источник железный. — Борейко сунул в зубы сигарету, бодро защелкал зажигалкой. — Так что не дрейфь, опер! Парень, считай, у нас на крючке.

— На крючке-то на крючке, да уж больно хлипкая личность.

— Что, не похож на насильника? — Борейко рокочуще рассмеялся. — А вот я все больше склоняюсь к мысли, что именно таких и тянет на маниакальный шиз. С виду — верно — ти-

лони, а внутри гниль. Как болото пучит газами, так и эта гниль — нет-нет, да и прорывается наружу. Или ты хотел поймать его на месте преступления?

— Почему бы и нет? Уговорили бы Галину из химлаборатории, и сидели бы сейчас в засаде. Ей такие дела не впервой проворачивать — дама боевая. Так что риска никакого.

— Риск, Паша, всегда есть. — Борейко выдохнул облако дыма, слезливо прищурился. — Не забывай, этот тихоня уже натворил дел. Пятеро загубленных — не шутка. А насчет улик не беспокойся. Припррем группой крови, пальчиками, да и по психике шараннем. Или тебе этого мало?

Оперативник пожал плечами. Протянув руку, Борейко взял рацию.

— Коля, что у тебя новенького? Этот паршивец еще не заснул?

— Свет горит, товарищ майор.

— «Горит, товарищ майор», — пискляво передразнил Борейко. — Второй час ночи — и все горит... Эдак мы весь завтрашний день себе перепортим, — он швырнул рацию на сиденье. — Не знаю, как вы, братцы, а если я не выплусь, то хоть вешайся.

— Будем брать прямо сейчас? — помощник с готовностью выбрался из машины. Разминаясь, подергал руками и ногами.

— А ты как думал! — Привычным движением Борейко проверил за пазухой пистолет. — Передай Коле, чтобы лез на балкон. Тут невысоко, так что через минуту будет на месте.

— Нам что делать? Изображать почтальонов?

— Зачем? Представимся по всей форме. Окажет сопротивление, ему же хуже. Коляничик подстрахует с улицы.

— А если у него оружие?

Борейко насутился.

— Если бы да кабы... Горазд ты выдумывать глупости. Откуда у него оружие?

— Ну, мало ли...

Борейко решительным шагом направился к подъезду. На ходу обернулся.

— Тогда ты, как самый шустрый и прозорливый, побегеши за подмогой...

Спустя каких-нибудь десять минут Борейко пасьянсом выкладывал перед подозреваемым фотографии погибших женщин. Зачастую подобный трюк срабатывал. Впрочем, данный случай осложнений не обещал. Гарин Петр Иванович, электромонтер, сорока трех лет, в прошлом мелкий ворюшка, в настоящем убийца-маньяк, едва держался на ногах. Его трясло, как в лихорадке, и Борейко моментально сообразил, что клиент на грани признания. Поэтому рядом с фотографиями он предусмотрительно положил авторучку и чистый лист.

— Не будем морочить друг другу головы. Мы знаем, кто вы и что вы. Дело за пустяком — вашим формальным признанием.

— Нет! — голос подозреваемого сорвался на визг. — Клянусь, я не делал этого! Честное благородное слово!..

— Без истерики, Петр Иванович, без истерики, — Борейко поморщился. — И ради бога, не пытайтесь изображать сумасшедшего. Мы не врачи, так что не поверим.

Из соседней комнаты вышел Коля Савченко, отрицательно качнул головой.

— Он действительно один. А это, — Савченко показал шелковую нить, на которой пучками были подвязаны человеческие волосы, — я нашел на трюмо среди женских причудалов.

— Вот так номер! — Борейко стремительно протянул руку, со значением покосился на Пашу Семичастного. — А ты боялся, что улик не хватит... Ну что, Петр Иванович? Расскажем все, как есть?

— Это она, клянусь! — подозреваемый прижал ладонь к груди, робко шагнул к стулу. — Можно, я сяду?

— А как же! Конечно, сядешь, — Борейко плотоядно улыбнулся. — Так что ты нам хотел сообщить?

Заскрипев стулом, Петр Иванович подался вперед, сбивчиво зашептал:

— Я все расскажу! Можете мне поверить... Но только я тут не при чем. Она... Понимаете, ей ничего не стоило...

— Не спешите. Давайте по порядку.

— Да-да, конечно!.. Все началось с той картины. То есть, вообще-то я живописью не интересуюсь, а тут не удержался. Да и как тут удержись... Весь багаж свалили на тротуар, а эти две картины сверху. И все без присмотра — подходи и бери. Скажите, гражданин начальник, разве можно так искушать? Ведь я живой — сами рассудите! Словом, попугал бес,

цапнул ту, что поменьше, и ходу. Я ведь в антиквариате ни бельмеса и на музеи никогда не зарился, а в тот момент будто помешался. Так бежал, что думал, сердце лопнет...

— А ну, стой! Ты что плетешь? Какой багаж, где? На вокзале, что ли?

— На автостанции. Я мимо проходил и увидел. Понимаете, целая гора ковров, чемоданы — все прямо на тротуаре. Подсвечники какие-то старинные, книги — не то кораны, не то библии, и эти самые картины. Меня как потянуло к ним! Честное слово! Может, на багет клюнул, не знаю. А может...

Лицо рассказчика побледнело, он стиснул горло рукой.

— Гражданин майор, да ведь... Это она с самого начала взяла меня в оборот. Как я сразу-то не допер! Не будь ее, стервы, не тронул бы я той треклятой картины! Вот, значит, как... Подманила и заставила взять. А потом уже поздно было, все само собой пошло. — На висках Петра Ивановича выступили капли пота. — Я и пикнуть не мог. Эта ведьма крутила мной, как хотела, а девушки, что на фото, тоже ее затея. И локоны я срезал по ее приказу. Я ж как робот был!..

— Может, безымянное чудище обретет наконец имя? О ком ты толкуешь?

— О ведьме. Той, что на картине. Вообще-то она герцогиня, но по природе своей — самая настоящая ведьма. И замашки такие, что жуть пробирает. Я понимаю, гражданин майор, двадцатый век на дворе и все такое, но вот как на духу! — в первый же день она вышла из картины и чуть меня не придушила...

— Стоп! — Борейко прервал его взмахом руки. — Я же говорил, Петр Иванович, мы не пентюхи и в байки не верим. А ты все-таки решил сыграть в сумасшедствие?

— Да нет же, я...

— Лев Антонович, — Николай из-за спины подозреваемого делал странные знаки. — Картина там в самом деле имеется. И вроде бы старинная. Помните, Петя-Пиво рассказывал про узбека?

— Погоди-погоди!.. Кажется, припоминаю, — Борейко потер ладонью лоб. — Точно, Колянчик, точно. Молодец, что подсказал. Дело ведь Казаренку спихнули, а он знать не знает, как с ним быть. Ну-ка!.. — рывком поднявшись, майор проследовал в смежную комнату.

Спальня. Самая обыкновенная, по-мужски не прибранная. Правда, запах духов... Или Петр Иванович сам увлекается?... У изголовья кровати он заметил троицу черных свечей. Самодельные, что ли?... Прикоснувшись к ним, брезгливо посмотрел на пальцы. Нет, следов не осталось. Переведя взгляд на стену, улыбнулся. Премия Кольчику положена. Именно об этой картине и разорвался узбек. Дама в мехах из горностая на фоне извергающегося вулкана. Везувий какой-нибудь или Авачинская Сопка... Борейко приблизился к картине вплотную. Ни названия, ни фамилии художника. Частная коллекция или опять-таки воровство? Он пригляделся к изображенной на переднем плане женщине. А если этот нытик и впрямь свихнулся? Так сказать, под тлетворным влиянием Ренессанса. Или что у них там было?... Бабочка-то нарисована славная. И фигурка что надо, и личико. Глазки вон даже поблескивают... Борейко вздрогнул. Появилось неожиданное желание притронуться к полотну губами. И даже не к полотну, а к обнаженным ногам чертовой герцогини. Заморгав, он торопливо отошел к дверям, почесав в затылке, вернулся в гостиную.

— Есть такое дело, Колюня. С Казаренка теперь причитается...

— Гражданин майор! — подозреваемый не сводил с него округлившись глаз. — Это живая картина! Это даже не картина, а что-то вроде прохода в потусторонний мир. Да вы сами, наверное, почувствовали.

— Глупости! — Борейко фыркнул. — Обыкновенная картина, масло. Какой-нибудь шестнадцатый или семнадцатый век.

— Вы ошибаетесь, говорю вам! Она по желанию может оставаться там, а может выходить в нашу реальность. Если бы я не видел все собственными глазами...

— Петр Иванович, бросьте выдумывать. Искренне вам советую. Для психоаналитиков эти сказки, возможно, и представляют интерес, но только наши ребята вытряхнут из тебя всю дурь в два счета. — Борейко резко склонился над сидящим и прорычал: — Зачем ты убивал этих женщин?!

— Я... Я... Клянусь! Я ведь уже объяснял... Она вкладывает в мою руку нож, и я бессилён. Это вроде ритуала жертвоприношения. Я даже не понимаю, что делаю. Вот, взгляните! В две недели я поседел. У меня была черная шевелюра!.. А эти

14 женщины, и вообще все женщины — вроде как ее соперницы. Она и в прошлом от них избавлялась, за что ее и сожгли на костре...

Борейко наотмашь хлестнул убийцу по щеке. Голова Петра Ивановича безжизненно мотнулась, из носа хлынула жиденькая кровь. Но повел он себя более чем странно. Вцепившись в сиденье стула, заелозил ногами и завизжал:

— Закройте дверь! Или увезите меня отсюда! Как вы не понимаете, она же сейчас войдет!

— Эдак мы всех соседей перебудим, — пробормотал Савченко и замолчал. Увидев, как изменилось лицо помощника, Борейко стремительно обернулся. В дверях стояла женщина, и он сразу понял, кто она такая. Это была ЖЕНЩИНА ИЗ КАРТИНЫ! Пышные темные волосы, обнаженные ноги в золотых туфельках, волочащиеся по полу меха. Герцогиня Курляндская. Ожившая, ослепительно реальная, с огромными агатовыми глазами.

— Чего-чего, а рукоприкладства от вас я не ожидала, — голос у нее оказался низким, обволакивающим. Он гипнотизировал сам по себе. Ноги Борейко приросли к полу. Савченко с Семичастным тоже не двигались.

— Я же вам говорил... Говорил же я вам...

— Что ж ты, Петя-Петушок, расхныкался? — герцогиня поглядела на сидящего, и Борейко показалось, что глаза ее зажглись рубиновым светом. — Разве мы с тобой не друзья? Ты выручил меня, я выручу тебя.

Судорожным движением майор помассировал горло. Невидимый кляп душил его.

— Вы что-то хотели сказать? — герцогиня участливо склонила голову набок, и язык Борейко немедленно ожил.

— Очень сожалею, сударыня, но этот человек — преступник. Мы вынуждены арестовать его по обвинению в убийстве.

— Что вы говорите! Какая жалость!..

— Это не повод для зубоскальства.

— Ваша правда, — герцогиня обворожительно улыбнулась. — Но у Петечки есть серьезный мотив. Он действовал исключительно по моей просьбе. Петечка — человек мягкий. И он любит меня. Вы собираетесь осудить его за любовь?

— Что за ахинея! — Борейко закипал. — Он убил пятерых, и любовь здесь не при чем.

— Очень даже при чем, — живо возразила она. — Если я попрошу ваших помощников удалиться, разве они не сделают этого? Наверняка сделают, потому что красота, как и любовь, всесильна, а они молоды и, конечно же, не равнодушны к красоте.

— Ни черта они не... — Борейко изумленно обернулся. — Николай! Павел! А ну, назад!..

Оба его орла слепо шагали к дверям. На оклик начальника они даже не оглянулись.

— Не беспокойтесь за них. К мужчинам, тем более молодым, я благосклонна. Они отправятся домой, к семьям, и о сегодняшней ночи больше не вспомнят... А вот и наш Петя-Петюнчик!

Борейко, как ужаленный, отскочил к стене. Петя-Петюнчик успел сходить на кухню и теперь стоял перед ним, сжимая в руке нож. При этом он не переставал хныкать. Кровь перепачкала ему подбородок и неровными полосами стекала по рубашке.

— Вы же видите... Это не я. Я здесь никто...

— Брось нож! — рывкнул Борейко. Натренированным движением выхватил пистолет, сбросил его с предохранителя. —

А вы, дамочка, сядьте, пожалуйста, в уголок. Будет лучше и для вас, и для меня. А насчет гипноза предупреждаю: еще один фокус, и открываю огонь.

— Люблю кровожадных мужчин! — герцогиня причмокнула губами и, томно опустившись в кресло, раскинула в стороны меха. — А вы, майор, любите красивых женщин?.. Только не надо краснеть. Скажите, как есть. И на ноги мои можете смотреть. Или опасаетесь гипноза?

— Прикройтесь, — сдавленно пробормотал Борейко. — На меня это не действует.

— Ой ли? А что ж вы вдруг охрипли? От избытка служебного рвения?.. — герцогиня усмехнулась. — И с каких это пор красивые женские ноги перестали действовать на мужчин?.. Признайтесь, майор, природа берет свое, и я нравлюсь вам, как вы нравитесь мне.

— Я... Я арестую тебя!

— Ага! Вот мы уже и на «ты». А арест — слово красивое, многозначительное. Я бы не отказалась арестовать вас. Петюнчик, как вы уже поняли, излишне мягок и каши с ним не сварить. Его и не пугал никто, а он уже расклеился. С вами, возможно, получится иначе. Небольшая дрессура, толика манер, и из нас выйдет отличная пара. Петечка, думаю, ревновать не будет.

— Я хочу спать, — плаксиво прогундосил Петр Иванович.

— Сегодня вы у меня оба отоспитесь, — грозно пообещал Борейко. — В каталажке.

— Bravo! Он еще и шутит, — герцогиня лениво похлопала в ладоши. — Ну же, голубчик, не упрямитесь. Я сделала предложение, ваше дело — согласиться. Другого выхода все равно нет.

Пистолет в руке майора мерно подрагивал. Металлический ствол вторил биению сердца. Борейко прилагал массу усилий, чтобы не смотреть в сторону обнаженной герцогини.

— Сейчас вы оба встанете, — процедил он, — и медленно пройдете к выходу. Одно неверное движение, и я стреляю.

— Кажется, начинаю понимать, что вам мешает, — герцогиня нахмурила тонкие брови. — Пока эта гадость у вас в руках, вы будете нести одну колесницу за другой. Ничто так не опьяняет людей, как оружие. Петюнчик, забери у него фузею. Или, может быть, маузер... Я так плохо разбираюсь в оружии.

— Стоять на месте! — выкрикнул Борейко, но комната уже разваливалась на куски. Через проломы в стенах океаническими волнами вливалась тьма. Огненные змеи, возникнув ниоткуда, закружились в пестром хороводе. Майор выстрелил в потолок, но пистолет вырвало из рук, едва не покалечив пальцы. Земля содрогнулась, и в тот же миг из дымных туч посыпались пепельные хлопья. Ошеломленный, он озирался и беспомощно стискивал кулаки. Квартира исчезла бесследно. Он стоял посреди черной равнины, и прямо перед ним громадой возвышался грохочущий холм. Лавовые реки текли справа и слева. От них несло гарью и жаркой смертью. Невольно Борейко прикрыл лицо. Почва вновь завибрировала под ногами, майора подбросило вверх, и налетевший ветер хищно подхватил его, закружил в пыльных объятиях...

Не сразу он сообразил, что лежит на холодных камнях в каком-то подвале. Шагах в десяти от него на диковинном троне сидела все та же женщина с картины. Похожий на свернувшегося калачиком пса Петюнчик дремал возле ее ног. И тут же возле трона, выстроенные полукругом, горели гигантские черные свечи. Борейко обратил внимание, что горели они по-особенному: удивительно ровно, не мерцая, заливая подвальный

полумрак холодным голубым светом. В подвале и впрямь было холодно. Выдохнув клуб пара, он машинально прикинул — градусов двадцать, а то и все тридцать. Это и называется — из огня да в полымя... Он заворочался, пытаясь сесть. Каменный пол обжигал спину и ноги.

— Надеюсь, вы чуточку поумнели, — голос герцогини заставил его поднять голову. Толкнувшись от далеких стен, эхо с издевкой повторило фразу.

— Кто вы такая? — с дрожью произнес Борейко.

— По-моему, вам объяснили. Некогда я имела герцогство, сейчас же, увя, все мои владения — в рамках изображенного на холсте вулкана. Я Ногра, дочь герцога Закревского, мага и колдуна семнадцатого столетия. Сомневаюсь, что вы когда-либо слышали эти имена, но кругозор нынешних славян вообще крайне ограничен. Вы и раньше не блистали, а теперь... Забыта не только история, но и вся наша чернокнижная наука. Бедняжку-философию пытаются воссоздать заново, предвзвременно растоптав и уничтожив.

— Но вы... Вы не могли выйти из картины! Это невозможно!

— Сказал один большой мудрец другому... — герцогиня вздохнула. — Как же с вами разговаривать? На каком языке?

— Но это в самом деле невозможно!

— Верно. До поры до времени я не могла выйти. Спасибо Пете-Петушке — выручил.

— Вашего Петушка я все равно рано или поздно упрячу за решетку!

— Будет упрямитесь, — дочь Закревского нетерпеливо постучала по подлокотнику. — Это уже смешно. И потом, в присутствии такой знатной дамы вы могли бы вести себя поделикатнее, — величавым жестом она поднесла к лицу кисть с длинными, сверкающими черным лаком ногтями и по очереди поцеловала каждый палец. — Вы представить себе не можете, до чего противоестественна жизнь меж четырех сколоченных рам. И вечный грохот вулкана за спиной...

— Неправда! — вырвалось у Борейко.

— Что — неправда? — герцогиня ядовито улыбнулась. — То, что вы чувствуете сейчас, или то, что окружало вас раньше? А может, вы усомнились в реальности извержения? Я могла бы сводить вас к самому кратеру.

— Но если все это существует в действительности...

— То?..

— Я привлеку вас к ответственности вместе с вашим Петюнчиком!

— Ох, майор! Мне бы вашу взбалмошную уверенность! Ни меня, ни Петюнчика вы не тронете.

— Но он убийца!

— Он мой спаситель. И не только мой. Не забывайте, на его счету пять спасенных душ. Убиенные, как известно, попадают в рай.

— Я вас уничтожу!

— Бедный вы, бедный... Хотите устроить прецедент? Да ведь вам никто не поверит. Процессы над ведьмами давно канули в Лету, и вас засадят в сумасшедший дом.

— Ты!.. Подлая ведьма!

Герцогиня в раздумье погрызла ноготь большого пальца, достав зеркальце, придирчиво осмотрела себя.

— Пожалуй, придется тебя наказать, майор. «Ведьму» я могла бы простить, но «подлую»...

Борейко сделал попытку подняться, но это оказалось не просто. Он совсем ооченел. Холод сжвал мышцы, заморозил суставы. Презируя себя за слабость, он громко чихнул. Вздрынув, Петюнчик приподнял голову, сонно спросил:

— Он еще жив?

— Жив, Петенька, жив. Но кое-что я для него придумала, — герцогиня зловеще улыбулась. — Во всяком случае, он поймет, какво терпеть вынужденное одиночество. Я провела в затворничестве более двухсот лет. Уверена, ему понадобится меньше. Гораздо меньше...

Майор уже не слышал ее. Сидя на корточках, обняв руками колени, он медленно засыпал. Так засыпают в пургу, снедаемые холодом, заплутавшие и обессилевшие. И он не видел, как, поднявшись, герцогиня зашептала над перевернутым распятием заклинания. Подвал задрожал в жарком мареве, заиндевевшие камни с обрывками ржавых цепей потекли, обращаясь в ничто. С усилием открыв глаза, Борейко без особого удивления обнаружил, что сидит на ступенях родного подъезда. Он был настолько слаб, что даже не нашел в себе сил порадоваться. Двор перед домом сверкал солнцем, кирпичные стены источали сухой жар. Пожалуй, это единственное, что он готов был воспринимать разумом. Тепло... Оно возвращало к жизни! Оттаивая, Борейко постепенно приходил в себя.

ГЛАВА 5

Длинные, скребущие душу звонки пиявками проникли в сознание. Айсберги снов дрогнули, пошли трещинами, заваливаясь и рассыпаясь. Какое-то время он еще пробовал бороться, но явь наступала гогочущей конницей, обкладывая со всех сторон. Сначала он почувствовал, что в комнате чересчур жарко, потом от души ругнул неумолкающий телефон. Запоздало пришла мысль, что спал он на животе, и левая рука, оказавшаяся под грудью, наверняка затекла, превратившись в нечто чужое, невосприимчиво инородное. Со стоном перевернувшись на спину, Александр попытался онемевшей рукой дотянуться до лица. Как и следовало ожидать, ничего не вышло. Начиная от локтевого сгиба, бедная конечность совершенно не подчинялась. А чертов телефон не умолкал ни на минуту. Шаркая по полу, Александр прошел в прихожую и поднял трубку.

— Куда вы запропали?! Мои люди не знают, что и думать. Неужели так трудно было предупредить их? Или что-то все-таки произошло?

— Не все сразу, — Александр раздраженно потрянул неповинующейся кистью, с трудом пошевелил пальцами. — Кое-что действительно произошло.

— Вы добрались до Чолхана?

— Увы, мое путешествие прервало падение с седьмого этажа.

— Вы шутите?

— Послушайте! — Александр, морщась, взглянул на оживающую руку. Кровь пульсировала в пальцах, миллионными иголочек покалывала кожу изнутри. — Вы же знали все наперед! И насчет фонтана, и насчет этажей, расположенных не там, где следует. Зачем же изображать удивление?

— Вы ошибаетесь, — выпадает следователя ничуть не рассердили Лесника. — Я знал немногим больше вашего. А следовательно, не мог и предупредить.

— Но разве вам не хотелось, чтобы я на собственной шкуре удостоверился, насколько все серьезно?

— Да, но предсказать, что именно произойдет, я не мог. В какой-то степени многое зависело от вас самих, а вернее, от степени вашей настойчивости. Так или иначе, важно другое: теперь вы созрели для настоящей беседы.

— То, что созрел, это точно.

— Вы можете подъехать минут через двадцать?

— На чем? На велосипеде? И потом, я только что проснулся, а единственный мой костюм, как я уже сказал, побывал вместе со мной в фонтане.

— Я вышлю за вами машину. Немедленно.

— Секундочку! У меня тут возникла идея, так что будет лучше, если машина подъедет ко мне на работу, скажем, часика через два.

— А пораньше нельзя?

— По-моему, это в ваших интересах. Кое-что я успел бы проверить.

— Хорошо... — Лесник шепнул что-то в сторону. Через минутную паузу заговорил вновь. — Александр Евгеньевич, вы меня слышите? Так вот, через два часа машина будет у вас. Постарайтесь не опаздывать.

Что-то пробурчав, следователь положил трубку. С брезгливой grimасой погладил на груди непросохший пиджак. Неужели он так и спал во всем этом?

— Горюшко-пловец!..

С ехидством разглядывая себя в зеркале, он торопливо разделся. Облечившись в сухое, Александр обхватил голову руками. О чем, собственно, размышлять? Разве прошедшие события не доказывают существование самых фантастических вариантов? Или здесь замешан гипноз? Чертовски соблазнительная версия! Мало что объясняющая и тем не менее соблазнительная... Снова задрезжал телефон. Чертыхаясь, Александр схватил трубку.

— Как дела, Сашок? Завяз в мафиозной рутине?

— Дмитрий? Привет. — Александр поскреб в затылке. — Да как тебе сказать... Скорее, не завяз, а влип. Как говорится,

по уши, по самую маковку.

— Может, нужна помощь?

— Пока обойдусь.

— Ну и ладушки. А у нас новость: Борейко пропал. Ищем по всему городу. Ребята из оперативного клянутся, что не видели его со вчерашнего дня.

— Может, наш майор загулял? Чего вы так взгоношились?

— Да, Сашок, видно, ты и в самом деле влип. Или не выскался?

— Почему ты так решил?

— Да потому, что не мог он загулять! На эту ночь он самолично назначил проведение операции, понимаешь? И пропал... Митрофанушка рвет и мечет. Он ведь успел наверх доложить, а сейф у Борейко пуст. Исчезли практически все материалы. И ребятам своим он ничего не сообщил.

— Дома у него были?

— Само собой. Нет там никого.

— Странно...

— Еще как странно! В общем, каша заваривается серьезная. Ты-то подъедешь?

— Попозже.

— Тогда бывай!

Вернувшись к столу, Александр открыл дипломат и посмотрел на пластиковый пакет. В лаборатории он все-таки забежит. Мало ли что. И перед Лесником легче будет отчет держать, и перед Митрофанушкой...

Уже в прихожей он вспомнил вдруг о завтраке. Поразмыслив, махнул рукой. В самом деле! Если уж завертелась такая карусель, то плавать на завтраки с обедами.

В лаборатории у Иннокентия работали исключительно зрудиты. Об этом приходилось вспоминать всякий раз, попадая в царство реторт и электролизных агрегатов. Здесь говорили о Фрейде и Шопенгаузере, толковали о преимуществах люизита перед ипритом; рассуждая о талантах Иисуса Навина, не забывали и о центурии Нострадамуса, а цитируя фразы из Лопе де Веги, поминали всю французскую гвардию максималистов. Интеллект живет языком, и в интеллектуальных голосах звучала интеллектуальная снисходительность, провидческая усмешка не покидала лиц, а глаза поблескивали пониманием или чем-то весьма на него похожим. Всякого гостя встречали и поддевали от души, опрокидывая шахматной акробатикой слов, добывая семизначными числами, оглушая хохотом гениальных глоток. Иннокентий, начальник криминалистической лаборатории, зубоскальство поощрял, именно по этой причине заглядывать к «эрудитам» решался далеко не каждый. Вот почему, протягивая Кеше злополучный пластиковый пакет, Александр заранее морщился, ожидая насмешливых замечаний. И последние незамедлительно последовали.

— Странная бумажка... Интересно знать, где она побывала? В каком таком удивительном месте? Ты действительно хочешь проверить ее?

— Да, и желательно поскорее.

— Результаты могут оказаться шокирующими, — предупредил Кеша. Кто-то из лаборантов прыснул.

— Сегодня на шутки отвечаю выстрелами, — Александр ожесточенно растер переносицу. — Дело серьезное. Замешан Лесник и вся его команда.

— Ого! — Кеша изобразил смешливое удивление. Подобными сентенциями его было не пронять. — Ты хочешь, чтобы мы прониклись?

— Вот именно. Это не просто листочек, а загадка номер один, с которой, собственно, все и началось.

— Ясненько! — Кеша пинцетом вытянул лист из пакета. — Бьюсь об заклад, на нем что-то написано. Или было написано.

— Молоком, — съехидничал девичий голосок.

— Девичьим!..

Александр покосился на лаборантов. Силы, конечно, не равные. Если навалятся все разом, ему даже не перекричать их.

— Один из помощников Лесника, — внушительно начал он, — отбросил копыта, подержав эту бумажку в руках. Ваша задача — сообразить, почему. И на всякий пожарный довожу до сведения, что информация секретная и разглашению не подлежит.

— Будь спок, Александр Евгеньевич! Люди здесь сидят вдумчивые и сосредоточенные.

— Именно поэтому я упомянул про секретность.

— Обижает, гражданин начальник.

— Не обижаю, а предупреждаю. Самым деликатным образом. — Александр шагнул к выходу.

— И ты не попьешь с нами чайку, не поделишься подробностями?

— Извини, Кеша, в другой раз и в другом настроении...

В отделе ему снова поведали о Борейко. Майор исчез, и исчез бесследно. Периодически звонили родственникам, за-

17) прашивали городской morg и травматологические отделения. Как намекнул Челентано, начальство вибрировало, и тому имелись веские основания. Исчезновение из сейфа документов, пропажа одного из сотрудников накануне важнейшей операции могли выбить из колеи и человека покрепче Митрофанушки. Димка Губин, Паша Семичастный и Коля Савченко рыскали по городу, проверяя все возможные адреса. Митрофанушка всерьез подумывал о том, чтобы объявить всеобщий розыск. Сотрудники считали это лишним, а кое-кто даже полагал, что через день-два майор сам вернется, притащив кипу криминальных новостей или связанного по рукам и ногам насильника.

В разгар беседы Александр услышал под окнами шум мотора. Подъехала машина Лесника.

На этот раз Маципура приветствовал его, как старого знакомого, Цой сдержанно кивнул. А через десять минут они уже въезжали в знакомую аллею. Побарабанив пальцами по колесу, Маципура загадочно обронил

— Сегодня вы познакомитесь с новыми людьми.

— Весьма рад, — пробормотал Александр.

Крякнув, Маципура дождался, когда автомобиль остановится, и открыл дверцу.

«Новых» людей оказалось двое. В углу комнаты, нога на ногу, сидел Мамонт, первый зам Лесника, фигура не менее известная и по колориту безусловно превосходящая шефа. Впрочем, все условно. Серый, изящного покроя костюм, галстук с алмазной булавкой и зеркальные очки наверняка сразили бы Димку Губина, но Александр остался равнодушен. Более того, изучив внешность уважаемого зама, он решил, что Лесник куда как симпатичнее, несмотря на все свои минусы. Лицо и поза человека номер два дышали опасной самоуверенностью. Такие не любят выслушивать, слагая мнение в считанные секунды, и переубедить их — целая проблема. Второй новостью дня явилась подружка Лесника, та самая Регина. Александр заметил, что Маципура избегает взглядов в ее сторону. Легкий румянец играл на щеках здоровяка, и неожиданно для себя Александр ощутил, что его тоже охватывает подозрительное волнение. Регину нельзя было назвать красавицей в общепринятом смысле, но то, как она себя держала, с каким выражением глядела на собравшихся, поневоле привлекало к ней внимание. Арсенал женщин воистину безграничен. Регина владела электричеством, которое завораживало. В ней угадывалась внутренняя сила, способная очаровывать и подавлять. Высокая, лишь на пару сантиметров ниже самого Александра, она обладала юношеской фигурой. Решительная линия подбородка, чуть вздернутый нос, короткая стрижка и брови, которые могли бы украсить любое лицо. «Атаманша», — мысленно определил он. Теперь, по крайней мере, понятно, что это такое... На мгновение они встретились глазами, и, сморгнув, Александр в точности последовал примеру Маципуры, уставившись в стену с лиловыми обоями.

— Кажется, все в сборе. Это и есть тот следователь, о котором я говорил. — Не поднимаясь из-за стола, Лесник кивнул в сторону Регины с Мамонтом: — Знакомьтесь, мои ближайшие сподвижники: Регина и ммм... некоторым образом, Анатолий Валерьевич.

Александр кивнул. Типа, замершего слева от Мамонта, он не стал принимать в расчет. Коли его не представили, стало быть, так и надо. Шестерка. Или максимум — телохранитель.

— А теперь коротко о том, что с вами произошло.

Лесник обращался к гостю. Прежде чем заговорить, Александр еще раз осмотрел комнату. Взгляд его задержался на схеме, развернутой на столе. В ней без труда угадывался план гостиничного здания. В ряде точек стояли жирные кресты, пунктиром были помечены лестничные марши. Здесь же в вазочке покоилась все та же усохшая растительность. Не укрылось от внимания следователя и то, что Леснику явно нездоровится. В руке мафиози держал аэрозольный баллончик, и было видно, что он уже по привычке к нему.

— В сущности, ничего особенного не произошло. Я попытался отыскать Чолхана, мне этого не позволили. Однако того, что я видел, достаточно, чтобы понять причину ваших волнений. Люди, которые обосновались в гостинице, не просто рядовые гипнотизеры. Я мало что понимаю в подобных вещах, но случившееся со мной не очень-то похоже на галлюцинацию. По крайней мере, одежда вымокла вполне реально, да и все прочие ощущения...

— Чуть! — Мамонт обернулся к Леснику. — Сначала сказки плели твои недоумки, а теперь еще этот?..

— Тебе придется его выслушать! — голос Лесника прозвучал жестко. — Тем более, что ты не сталкивался с НИМИ воочию.

— И очень жаль, — процедил Мамонт. — Случись эта встреча, не было бы нынешнего маразма. Что скажут твои друзья, Лесник? Подумать только! — ты обратился за помощью в органы!..

Судя по всему, чувствовал себя Мамонт уверенно. Возможно, он примерялся к мантии обличителя, но так или иначе, разговор происходил практически на равных. И это Александр очень не понравилось.

— Я давно тебе предлагал собрать ребятешек покрепче, — продолжал Мамонт, — и навестись к твоему чудо-администратору. Можно вкручивать мозги корейцу или Маципуре, но только не десятку вооруженных молодцев. Убери из комнаты лягавого, и мы решим дельце в пять минут.

— Трепло! — Регина даже не взглянула на того, к кому обращалось данное замечание.

— Что она сказала? — Мамонт привстал. Длинная его рука потянулась к девушке. — Лесник! Пусть твоя подруга придержит язык! Или я сумею укоротить его сам!..

Насколько он на это способен, он показать не успел. Потому что его опередили. Шагнув к нему, Регина наотмашь ударила Мамонта по лицу.

— Ша! — Лесник громыхнул кулаком по столу. — Регина, присядь!

— Она мне за это ответит, — прошипел первый зам. Левая щека у него стремительно разгоралась. — Таких вещей я не забываю...

— Все на свете забывается, дорогой мой. И оплеухи в том числе, — Александр улыбнулся Регине. — Во всяком случае, во вкусе вам не откажешь. Я хочу сказать, что объект для пощечин вы избрали удачный. Я бы и сам с удовольствием ему врезал, но чертово воспитание... Вы не поверите, но у меня было две гувернантки! Я и сейчас помню кое-что на французском, могу и стишок прочитать...

— Что вы несете?

Он разглядел, как смешливо сморщилось ее лицо. Пульсирующие капельки туши. И только сейчас заметил, что на девушке совершенно нет украшений. Ни колец, ни брошек,

ничего. Возможно, в этом заключался ее стиль, и он с горечью вынужден был признать, что во вкусе нельзя отказать и Леснику... Девушка настолько заняла его мысли, что фразу Мамонта он расслышал лишь частично.

— Что вы сказали? — он вежливо обернулся.

— Ты мой, — отчетливо повторил Мамонт. — Мой!.. Понял, лягаш?

Александр покосился на типа возле стены.

— Временами я становлюсь рассеянным, это точно. Но ты ошибаешься, думая, что ругань до меня не доходит. Ты знаешь, что бывает за оскорбление при исполнении?

— Ну же, напугай, — Мамонт осклабился. — В жизни не сидился на пятнадцать суток.

— А кто здесь говорит о пятнадцати сутках? — Александр резко выбросил правую руку, ударив Мамонта по кадыку. Теплохранитель тотчас отлип от стены, но следователь уже ждал его. Нырнув под встречный удар, он с силой боднул противника в грудь. Бедолага с хрипом отлетел к столу. Впрочем, хрипел не он один. Те же самые звуки издавал Мамонт. Александр потер лоб. Голова гудела. — Прошу прощения, — он посмотрел на Лесника. — Думаю, инцидент исчерпан?

— Тебе это только кажется, лягаш, — сипло выдохнул Мамонт.

Александр присел возле него на корточки.

— Какой же ты ненасытный, дружок. Или ты из этих... из мазохистов?

— Все, хватит! — Лесник со скрипом выдвинул ящик стола и достал газовый пистолет. — Кто-то хочет испытать на себе?

— Только не я, — Александр миролюбиво поднял руки. — В конце концов, я работаю на вас, разве не так?

— А я ужоу, — Мамонт неуклюже поднялся, оправляя на себе костюм. — По крайней мере, мое мнение известно. Что бы вы там ни решили насчет гостиницы, мне на это чихать. Как говорят чокнутые: каждый строит свой дурдом.

— Ты совершаешь ошибку, Мамонт!

Не отвечая, человек номер два кивнул своему телохранителю и решительно направился к выходу. Маципура загородил было дорогу, но тут же смущенно отступил. Некоторое время оставшиеся прислушивались к удаляющимся шагам.

— А может, так оно и лучше?

Это предположила Регина. Вынув изящного вида портсигар, она покрутила его в пальцах и со вздохом спрятала обратно в сумочку. Видимо, вспомнила о легких Лесника.

— Во всяком случае, теперь мы можем спокойно поговорить.

— Так или иначе, но все мы теперь причастны к событиям, происходящим в гостинице, — Лесник только что вдохнул порцию аэрозоли, и голос его звучал тверже. — Задача наша — не из простых. Мы должны определиться с позицией. Это во-первых...

— И во-вторых, и в-третьих, — оборвала его Регина. — Позиция определяет все, и если мы согласимся, что обстоятельство сильнее нас, то дело автоматически прекращается. Я, например, голосую за это. Нужно отозвать от гостиницы наблюдателей и попытаться успокоить Мамонта.

— Словом, ты предлагаешь отступить.

— Да. Я считаю это разумным. Кто бы ОНИ ни были, они сотрут нас в порошок.

— Женская интуиция? — Александр хмыкнул.

— Это уж как хотите!

— Но кто они, черт подери?! Мы ничего не знаем о них!

— На некоторые из ваших вопросов я мог бы ответить прямо сейчас, — Лесник неспешно поднялся из-за стола. — Всю гостиничную документацию мне прислали еще вчера. Кое-что я успел уже посмотреть.

— Вы храните документы в сейфе?

— Да, в соседней комнате. Прошу немного обождать, — Лесник скрылся за дверью.

Оставшиеся за столом прислушались к лязгу отпираемого сейфа. Зазвенели ключи, что-то зашуршало, будто на пол уронили стопку бумаг. А потом Александр озадаченно уставился на Маципуру. Ему показалось, что из комнаты донесся сдавленный хрип. Регина привстала с места.

— Сережа! — неуверенно позвала она — У тебя все в порядке?

Задушенный стон повторился. Опрокидывая стулья, они бросились к дверям. Александр вбежал в комнату следом за Маципурой и замер, словно налетев на невидимую стену. Возле распахнутого сейфа с багровым напряженным лицом корчился Лесник. Тело мафиози конвульсивно изгибалось, кулаки били в пустоту по незримому. Впрочем... Кое-что они все же разглядели. Огромная серая тень склонилась над упавшим, полупрозрачные массивные руки смыкались на горле жертвы. Мгновение, и голова Лесника неестественно дернулась. Мышцы хрустального призрака чудовищно вспучились. Секундой позже начальник охраны поднял пистолет. Регина пронзительно вскрикнула. Полупрозрачная тень оборачивалась к ним. Лицо ее оказалось таким же распльвачтым, как и тело, глаза походили на рваные отверстия.

— Госюди! — Маципура со стоном нажал спуск. Гром выстрелов слился воедино. Фигура убийцы стремительно метнулась к стене, а оттуда, взмахнув руками, словно крыльями, бросилась на Маципуру. Александру почудилось, что в комнате стало темнее. Серое, похожее на привидение существо было вполне материальным. Пистолет вылетел из пальцев телохранителя, массивная ладонь описала чудовищный полукруг, коснувшись лица Маципуры. Из рассеченной щеки брызнула кровь.

— Сучий потрох! — телохранитель уцепился за ударившую его кисть, и Александр с ужасом увидел, как тело Маципуры задергалось над полом. Пытаясь освободиться, полупрозрачный великан тряс здоровяка, как погремушку. Согнувшись, Александр в тигрином прыжке ринулся вперед. Он бы не удивился, если бы пронзил призрака насквозь, но на этот раз голова столкнулась с препятствием действительно несокрушимым. С таким же успехом можно было биться лбом в стену. Из глаз посыпались искры, шею свело от боли. Позади снова послышались выстрелы. Серое чудовище отшатнулось и разом уменьшилось вполовину. Еще пара шагов, и оно уже не превышало размеров человеческого кулака. Александр слепло потянулся к нему, но, подобно мокрому лягушонку, существо выскользнуло из пальцев и пропало.

— Босс... — понунив голову, Маципура стоял над телом Лесника. Клетчатым платком он зажимал кровоточащую щеку. — Этот дьявол свернул ему шею.

Регина судорожно всхлипнула.

Только сейчас до Александра дошло, что в комнате дымно, а сам он стоит на коленях.

— Документы?..

— Я уже посмотрел. Кругом одна зола — и в сейфе, и на полу. Это чудовище успело все сжечь. Прямо у нас на глазах.

Тонкая рука Регины коснулась лба Александра, и он невольно вздрогнул.

— Вам необходим компресс, — голос девушки звучал безжизненно. Александр взглянул на нее, ожидая увидеть слезы, но ошибся. Регина уже справилась с собой и на тело Лесника смотрела суровым потемневшим взором. Вид ее говорил о том, что ни слез, ни истерики не ожидается.

— Но теперь-то вы согласитесь со мной? Бороться с НИМИ — безумие.

— Ничего, переживу... — чувствуя боль в темени, Александр поднялся на ноги.

— Давайте лучше помолчим, — Александр нахмурился. Снаружи постукивала в стекло открытой форточки тополиная ветка. Шумливый шелест листы вторил дыханию ветра. Солнце мерцало сквозь кроны, облака стаей, по-птичьи, тянулись к югу. Мир не заметил того, что только что произошло. И ни на йоту не изменился...

ГЛАВА 6

...Из дневника майора милиции Борейко Льва Антоновича.

День 6-й.

Не знаю, нужно ли, нет, но, вероятно, нужно. Если уж начал. Я говорю об этом дневнике... Вот уже шесть дней, как я здесь. Никогда бы не подумал, что шесть дней — это так много. Особенно здесь. Потому что место, в которое я попал, не имеет названия. Здесь всегда светло и нет ни утра, ни вечера. Солнце торчит на одном и том же месте, и город абсолютно пуст. Даже нейтронное оружие оставило бы после себе больше жизни, нежели осталось после чертовой колдуньи. Я беспрепятственно завожу часы. Свои и чужие. Создаю иллюзию жизни, имитирую время. Смешно... Но ведь прошло только шесть дней! А я уже волком готов выть. Сколь мало, оказывается, надо, чтобы дойти до точки. Страшная эта вещь — одиночество. То есть, наверное, мы и там одиноки, но здесь одиночество носит характер особенный. Ни птиц, ни зверей, ни единого зеленого листочка. Голая земля, посреди которой мой город. Да что пти-

цы! Здесь нет даже насекомых! Все живое присутствует в одном-единственном числе. Я последний обитатель этого места...

Как такое могло случиться? Каким образом?.. Мысли путаются, и ничего не могу придумать. Петя-Петюнчик, превращенный в маньяка, всемогущая герцогиня, сошедшая с картины — бред!.. Или правда все то, о чем писано в сказках? Про леших, домовых, упырей?.. Кажется, она упоминала о заточении в двести лет. Молю бога, чтобы она передумала. Мне хватило и этих немногих дней. В сущности она знала, что делала. Если вначале я опасался, что они явятся за мной, то теперь мне уже все равно. Недели через три может получиться и так, что я сам буду искать встречи с ними.

Проклятая курва! Кто она, черт возьми, такая? И что это за место, в которое меня упекли? То есть, на первый взгляд это действительно мой город. Мой... И одновременно не мой. Кое о чем я уже поведал: здесь нет ничего живого. Абсолютно ничего! А время остановлено. Какая-то чудовищная дыра проглотила кусок моего мира. Дома, улицы, железнодорожные составы на путях — все обездвижено. Лишь пару дней назад видел проплывающую по реке баржу. Она скрежетала днищем о дно, виляла от берега к берегу. Пытался осматриваться с крыш и чувствовал внутренний трепет. Неужели заморожена вся страна? Или вся планета?.. Чуть какая-то! Не может такого быть, и все тут!

Очень плохо сплю. Слишком уж тихо кругом. Не спасает и тиканье часов. Все чаще начинаю размышлять вслух. Ладно, что пришла идея дневника. Пишу — и вроде бы легче. Все равно как разговариваю с кем-то, пусть даже с самим собой.

День 7-й.

Об умерших говорят: безвременно ушедший. Обо мне можно сказать: в безвременье ушедший. Забавно...

Решил, что стоит описывать свои злключения подробнее. Пока пишу, возможно, в чем-нибудь разберусь. Хотя, сознаюсь честно, веселого тут мало. Брожу по городу, разъезжаю на чужих машинах, вытворяю то, за что еще неделю назад привлекал бы других к ответственности. Словом, скука... Сегодня, к примеру, катался с утра на трамвае. Долго пытался сообразить, почему не пропало до сих пор электричество. Если нет жизни, нет обслуживающего персонала, то откуда взяться электроэнергии? Или все до поры до времени? Текут же реки, дуют откуда-то ветра — значит и турбины вращаются. Или чего-то я не понимаю?..

Как-то так получается, что постепенно вооружаюсь. Начал с сейфа в родном отделении, и теперь в моем распоряжении четырнадцать пистолетов «Макаров» и тысячи две патронов. А сегодня наведалься в охотничий магазин и часа два провозился над внешней решеткой. На голосащую сирену не обращал внимания. В результате обзавелся двуствольной бескурковой двенадцатого калибра и двумя коробками капсюлей «Жевелло». Теперь буду гадать, что с ними делать. Вся моя возня оказалась напрасной — в магазине огромные стальные шкафы, к которым не подступиться. Порох, патроны — все, по-видимому, там. Да и на кой ляд мне охотничьи дробовики, если разобраться?

День 8-й.

Сегодня покуражился вволю. Как перепивший гусар. В таких случаях говорят — слетел с резьбы. Разбил витрину винного, употребил пару бутылок каких-то «чернил». После этого

и началось веселье. Ходил по улицам с мегафоном, кричал всякую блажь, по пути расстреливал из пистолета фонари. Помоему, заходил в филармонию, барабанил на органе, бренчал на арфе. Хорошая штука — музыка. Жаль, не умею играть. Но душеньку все же отвел... Да! Забыл упомянуть. Превратился в настоящего виртуоза по части взламывания замков. Увы, бродить по квартирам и магазинам — мое единственное развлечение. А что тут еще делать? На диване валяться?.. Между прочим, подобные экскурсии похлеще иных музеев и галерей. Знакомлюсь с чужой жизнью, воображаю людей, которых никогда прежде не видел. По вещам, по гардеробу, по семейным альбомам... Часто и с удовольствием слушаю магнитофонные записи. Приемники и телевизоры молчат, поэтому кассеты и пластинки — единственное, что способно усладить мой слух. Усладить... Отличное словцо! Просто шикарное!..

День 9-й.

Дважды ночевал в чужих квартирах. Превращаюсь в какого-то бродяжку. Правда, бродяжку довольно щеголеватого. Ничего не стираю, но одеваюсь, как фон-барон — в самое-самое. Да и зачем мне постоянная хата? Весь город в моем распоряжении! Весь этот город, волк его задерил... Один-одинешенек плаваю в бассейнах, греюсь в саунах, в магазинах сам себе отпускаю любой товар. Иногда возвращаться домой просто не хочется. Для чего? Все мое с собой: зубная щетка (в нагрудном кармане), дневник (за поясом), оружие (в кобуре или опять же за поясом). Все прочее всегда можно найти на месте.

Потихоньку приобщаюсь к песням. Все-таки это лучше, чем думать вслух. Пою все, что знаю — от «Дубинушки» до «Все могут короли». Голосина у меня ничего. А что не вытаскиваю, то пропускаю. Пробовал записываться на студии, но что-то там перепутал, чего-то подпалил. Певец я, может быть, еще туда-сюда, но электронщик хлипкий.

А под вечер, то бишь, это я так полагаю, что под вечер, — устроил немислимую погоню. Накатило что-то. Или еще не поправился после вчерашнего. Примерещилось, будто кто-то от меня убегает. Разумеется, начал преследование. По всем правилам Голливуда. Сначала на белой «Волге», стреляя по скатам стоящих машин, потом на джипе-иномарке. Утихомирился, только когда джип ударил в ограду моста и полетел в воду. На деле познал, каков он, хлебушек каскадера. Умудрился выпрыгнуть из машины в воздухе. Ободрал плечо и колено, но уцелел.

День 11-й (или 12-й, не уверен).

Сверялся с часами, прикидывал, не перепутал ли чего. Я ведь уже говорил, ночей здесь нет, и сбиться во времени проще простого. Особенно, если пить. Подозреваю, что сбой уже произошел. Страшно это или нет, не знаю. В сущности, какая разница, пятница или четверг, среда или суббота?

А режим в самом деле пошел вразнос. Ночами не сплю, шляюсь по улицам. Да и какие, к дьяволу, ночи! Светло, жарко... Хоть бы что-то дрогнуло в этом застывшем царстве! Чертова ведьма! Пусть только появится. Уж я знаю, что с ней сделаю!

День 12-й.

На улице Чапаева рос тополь. Старый, огромный, метров тридцать в высоту. Листвы на нем нет, но дерево продолжает стоять. Зачем?.. Вооружился бензопилой и битый час провозился с этой машиной. Повалил прямо на проезжую часть. Вер-

хушкой тополь успел выхлестнуть окна в Здании Контор. Стоял над ним и соображал, какого черта я все это сделал?..

День 13-й.

В одной из квартир обнаружил книгу Дефо. Приключения Робинзона Крузо. Принялся листать и неожиданно увлекся. Самое подходящее чтение в моем положении! Даже забыл о дневнике. Читал весь день и часть тутошней ночи. Прекратил, только когда глаза покраснели, как у кролика. Замечательная книга! Я бы сказал — обстоятельная. В чем-то отчасти утешающая. Единственная разница между Робинзоном и мной в том, что он хотел выжить и добраться до материка, я же своей задачи не знаю. Мне не надо ни созидать, ни бороться. Дикарей здесь нет, непогоды тоже. Я хозяин целого города! Если Робинзон трясся над каждой вещью, то я в состоянии разбрасывать их направо и налево. Правда, у него водилась живность, — я этим похвастать не могу. Да и все мои надежды какие-то блеклые. Я даже не знаю, в каком мире я проживаю. Возможно, это вообще чужая планета... Робинзон тешил себя тем, что строил лодку. В моей ситуации лодка не выручит. Разве что космический корабль. Или машина времени.

День 14-й.

Может быть, я спятил? Скажем, от страха?.. А что? Вполне возможно! Стоило раньше над этим задуматься. Тогда весь город — не что иное, как плод моего воображения. Как знать, может, все сумасшедшие бродят по своим собственным городам? И все, что требуется от врачей, это взять их за руку и привести в себя, в привычный мир, населенный людьми и животными. Непростая, должно быть, задачка. Все здесь настолько явственно, прямо не знаю... Можно защипать себя до полусмерти — не поможет.

С утра опять читал. Правда, уже не Робинзона, а Чехова. Бог мой! Почему я зевал от него в школе? Дураком, вероятно, был... Словом, посмеялся от души. И окончательно решил, что с книгами одиночество переносится легче. Если так, у меня серьезный козырь! Тут уж я дам товарищу Крузо сто очков вперед. В моем распоряжении целые библиотеки. И частные, и государственные.

Между прочим, сегодня моя вооруженность достигла пика. Пробрался в танковую часть и, основательно переплачавшись, ухитрился завести одну из самоходок. Ох и вертлявая же техника! Крепко помучился, прежде чем научился ездить более-менее прямо. Это вам не велосипед! Приходится смотреть в оба, чтобы не натворить дел... Здесь же, на складе, прихватил пару автоматов. Перетащил на танк ящик с магазинами. Набрал противогазов, дымовых шашек, прочего барахла. Боюсь, что стал подражать хозяйственному Робинзону. Хочется брать больше и больше, хотя сознаю, что это мне не нужно.

Ближе к вечеру случилось неприятное событие. Пожар в доме, в который заскочил на минуту. Честно признаюсь, перепугался до колик. Должно быть, оставил что-то невыключенным. Рванул туда на случайном «Жигуленке». Успел вовремя, хотя и пришлось основательно попотеть. Достал ведра, песок. Огонь кое-как затушил, но видок у квартиры такой, что прямо хоть плачь. Со стыда натащил на это пепелище всего, что только попало под руку: одежду, магнитофоны, деньги из сберкассы. Свалил все в кучу. Хотел даже оставить записку, но вовремя одумался.

Впредь решил быть внимательнее. Уходя, гасите свет, и все такое...

Кстати! У меня произрастает довольно-таки солидная борода. Жаль, некому показать. С ней я другой человек. Абсолютно другой.

День 16-й.

Случай с пожаром не прошел бесследно. Начинаю играть в престранные игры. Собираю в прицеп самый различный скарб и развожу по квартирам в качестве подарков. Распределяю, так сказать. Мебель, тряпье, аппаратуру, игрушки... Соседке по лестничной площадке привез рояль. Вспомнил, что у нее дочка, решил, что пригодится. А потом долго гадал, каким макаром затасить эту громаду в квартиру. Так и оставил на улице.

Преподнес подарок и самому себе. Излазил близлежащие дома, с помощью реле времени задействовал несколько магнитофонов. В определенное время устроился в кресле и стал ждать. Когда запело и заиграло, сорвался с места, будто улицы и впрямь ожили. Так обманывает себя рыбак, представляя, что у него клюет.

Когда музыка прекратилась, расстроился. В мрачном настроении залез в танк и двинул к зданию исполкома. Есть там такие фигурные башенки по углам. Вернее, были. Расстрелял по ним бог знает сколько лент. Выпустил и пару снарядов. Оглох страшно. Спать завалился там же, под раскидистой акацией.

ГЛАВА 7

На этот раз лаборанты встретили его без всегдашнего зубоскальства. Усадив на шаткий стул, вежливо попросили обожать. Подозрительно, хотя и приятно. Мило, пусть и непривычно. Скупко поблагодарив, Александр с покорностью сложил руки на коленях. Подобное положение дел ему было знакомо. Иннокентий Павлович любил потомить просителей. Печальный факт бюрократии, бороться с которым было абсолютно бесполезно. Лаборанты были нужны органам. Их мнением дорожили, от скорости и качества их работы зависело порой слишком многое.

Александр повернулся к окну. Здесь, как и прежде, хозяйничал ветер. Посланик августа не нуждался в отдыхе. Наделенный гибким телом змеи-невидимки, он кружил возле домов, ероша кусты и деревья, драконьим хвостом бил по жестяному надорванному краю крыши, заставлял парусить сохнущее во дворах белье. В подворотне туповато потягивала дворняга. Кто-то лениво швырял в нее камешки.

— Давно ждете?

Он повернул голову. Это был Кеша. Собственной персоной. Они деловито обменялись рукопожатиями.

— Терпимо, — Александр вздохнул. — Ты уже понял, за чем я пришел?

— Разумеется, — спрятав руки в карманы халата, начальник лаборатории озадаченно шевельнул бровью. — Даже не знаю, что тебе сказать, Сашок.

— Валяй, как есть. Надеюсь, улика не потеряна?

— Да нет. Дело в другом... — мохнатые брови Иннокентия Павловича снова пришли в смутное движение. Когда он не шутил, видок у него был мрачноватый. — Видишь ли, произошла забавная штука. Хочешь, верь, хочешь, не верь, но этот твой листок спалил итальянский интравизор. То есть, возможно, это и не он, но есть и другие странности.

— Меня это не удивляет.
 — Не удивляет? — Иннокентий Павлович прищурил глаз.
 — В таком случае, может, поделишься? Мои ребята на грани умственного вывиха.
 — Чем делиться, Кеш?
 — Ну, во-первых, откуда этот листок взялся?
 — Длинная история, — Александр погладил начальника лаборатории по груди. — И, увы, она ничем тебе не поможет.
 — Но ты отдал эту вещичку на экспертизу, значит тебя интересует результат. Если бы ты хотя бы намекнул...
 — Стоп! — Александр поднял ладонь. — Листок я забираю обратно.
 — Что за чушь? Мы ведь только начали работу!
 — Главное вы уже выяснили. Это НЕ ПРОСТАЯ бумажка, а большего мне и не надо.
 — Это уже свинство, Сашок! Втривить нас в такую бодягу и ничего не объяснить! Интравизор-то денег стоит. И немалых. Неужели не стыдно?
 — Ни вот на столечко, — Александр показал двумя пальцами. — Кстати, можешь помочь вторично, если подскажешь адрес какого-нибудь захудалого экстрасенса.
 — Так... Огоршил... — Иннокентий Павлович потер лоб и задумался. — Вон, стало быть, какие пироги пекутся! С начинкой... МВД, уфология и мистика. Кто кого и кто раньше...
 — Тепло, — признался Александр. — Но смотри, не обожгись.
 — Да уж постараюсь, — оглянувшись на дверь, начальник лаборатории доверительно взял приятеля под руку. — Ладно, Сашок. Считаю, мы поняли друг друга. Хотя, честно скажу, голова кругом идет. Если бы не видел того листочка, не поверил бы.
 — Ну так что там с экстрасенсом? Или таких уже не водится?
 — Почему же?... Нельзя сказать, что в изобилии, но есть еще самородки. Только об этом надо спрашивать не меня, а кого-нибудь в уфоцентре. А есть еще комиссия по аномальным явлениям. Можно сходить к ним.
 — Комиссия по аномальным явлениям? Впервые слышу.
 — Мы о многом слышим впервые. Такова уж особенность человеческого восприятия. Мда... А центр, насколько я знаю, существует уже года три-четыре. Основной контингент — глуповатые фанаты и просветленные энтузиасты...
 — Ага, понимаю, из тех, что визжат, завидев падающую звезду, и первыми начинают отплясывать на сеансах гипноза. Ты хочешь порекомендовать мне этих психов?
 — Ну, не такие они психи, уверяю тебя. И потом, других ты не найдешь. Плохо ли, хорошо, но они собирают были и небылицы, проверяют информацию на достоверность, проводят хоть какую-то систематизацию всего ненаучного.
 — А при чем здесь экстрасенсы?
 — А при том, дружок, что если таковые имеются в нашем захолустье, то все они на учете у наших аномальщиков. В общем, телефончик я тебе запишу, а там действуй по обстоятельствам. — Иннокентий Павлович похлопал себя по карманам. — Как всегда, ни бумаги, ни ручки. Сделай милость, обожди, хорошо?
 — И листочек мой прихвати, — напомнил Александр.
 Уходя, Иннокентий не прикрыл дверь, позволяя Александру слышать препирательства молодых лаборантов, сидящих в соседней комнате. Лаборанты на мелочи не разменивались. Говорили о Прусте, о работах Канта и Хайдеггера. Вскользь помянули и неуловимого маньяка.

(22)

Мягкой тяжестью на плечо следователя опустилась гигантская ладонь. Вздогнув, он ощутил, как искристым водопадом по телу поползли мурашки. Реальность нереального била под дых. Голоса лаборантов по-прежнему неслись из соседней комнаты, и он смотрел на приоткрытую дверь, не решаясь обернуться. Он знал, КТО стоит позади него. Вернее, догадывался. Мелькнула мысль позвать на помощь, но он благоразумно от нее отказался. Пальцы, лежавшие на плече, ожили, извиваясь злыми пиявками, потянулись к груди и шее. Нечто подобное, вероятно, ощущал в свои последние дни Лесник. Только бедолага принимал это за астму...

Дверь распахнулась. Иннокентий Павлович нес в руках пластиковый пакет.

— Вот тебе твоя бомба. А вот и пара телефонных номеров. Один из них наверняка записан правильно. Эй! Ты слышишь меня?

— Да, конечно... — Александр перевел дух. Незримая рука оставила плечо в покое, унеслась ввысь. Предупреждение было сделано.

— Ты вроде как с лица спал. Или мне показалось?

— Показалось, — Александр выдал из себя ухмылку. — Значит, говоришь, что один из них записан неверно?

— Нет, — Иннокентий хитровато улыбнулся. — Я хочу сказать, что один из них записан правильно.

— Между этими двумя фразами есть разница?

— И весьма существенная!

— Не согласен, но пусть будет по-твоему, — Александр забрал конверт. Обернувшись, окинул взглядом углы и стены. Пусто. Конечно же, пусто... А чего ты ожидал, дружок?... Черных следов, луж крови? Чего вообще от НИХ можно ожидать?..

Человечек был кругл телом, мягок в манерах, картав и витиеват в фразах. Как ни странно, картавость ему шла, делая человека милым и добрым. Хотя вполне возможно, так оно и было на самом деле. Представился он как Сан-Саньч, и Александр сразу понял, что напрягать память не потребуется. Подобные имена и подобные образы запоминаются на всю жизнь. Есть люди блеклые, сливающиеся с мирским ландшафтом. Сан-Саньч к этой категории не принадлежал. Беседа длилась уже второй час, и, поерзывая в старом креслице, председатель Центра аномальных явлений с увлечением вещал о спиритизме и инопланетянах, о возможности телепортирования и телекинезе, о сглазах и старинных обрядах.

— В целом Иннокентий Павлович охарактеризовал нашу деятельность верно. Мы, конечно же, не ученые. Пожалуй, настоящих ученых в этой области пока нет. Техническая наука с завидным упорством отвергала чудеса в прошлом, отвергает и сейчас. Что поделаешь? Так им, вероятно, легче. И потому мы абсолютно лишены поддержки. Энтузиазм — та самая сила, которая заставляет нас объединяться. Но, наверное, все на Земле начиналось именно с него. То есть, с энтузиазма.

— С вами трудно не согласиться.

— О! Если бы это было действительно так! Но, увы, со мной спорят. Да еще с какой страстью! Напористо, криливо... — Злобно?..

— Вот-вот! Злобно. Вопрос согласия и несогласия вообще один из самых неразрешимых. Возможно, его решит век тридцатый, но уж никак не наш с вами

— Видимо, надо покаяться. Так сказать, для душевного равновесия. Я ведь тоже кое-кого из вас называл психами. Честное благородное! К счастью, все в прошлом... Скажите, вы занимаетесь еще чем-нибудь помимо ваших аномалий?

— Конечно! На что бы я покупал хлебушек и молоко? Инженер по турбинам, ближайший друг резинки и карандаша. А все это, — Сан-Саньч обвел руками бедно обставленный кабинетик, — можно сказать, хобби. В свободное от работы время.

— Значит проводите какие-то опыты? Интересно...

— Опытами это, пожалуй, не назовешь! Сами видите, какая у нас аппаратура. Да и не в ней дело!.. Американцы вооружены во сто крат сильнее, а толку нет. Телепатия, телекинез и все прочее для них такая же загадка, как и для нас. — Сан-Саньч улыбнулся. — Вы знаете, каким образом мы изгоняем недобрых домовых? Приглашаем знакомого священника из церкви и одалживаем с десяток икон. И знаете, иногда помогает.

— Забавно.

— Вот именно — забавно. А ведь это свое, земное! На космос мы даже не замахиваемся. Разве что поглядываем на НЛО да коллекционируем необъяснимые фотографии.

Выложив на стол локти, Александр задумчиво посмотрел на сидящего перед ним человека.

— Хорошо, Сан-Саньч, не буду ходить вокруг да около. Я пришел к вам за консультацией.

Лицо председателя Центра аномальных явлений продолжало излучать доброжелательное спокойствие.

— Скажу сразу, я не знаю, о чем идет речь. О сатанизме, о вампирах или гастролерах-экстрасенсах. Суть в том, что они перешли все дозволенные границы, и возникла непосредственная угроза жизни людей. Словом, вы меня понимаете... По долгу службы я вынужден вмешаться, но область эта такая, что... В общем, мы нуждаемся в помощи, и главный мой вопрос таков: чем с НИМИ можно бороться?

Сан-Саньч вновь причмокнул губами. Высокий лоб его покрыли бороздки озабоченности.

— Если вы объясните подробнее, с кем имеете дело...

— Я уже сказал, не знаю. Здесь намешано самое разное, и я просто затрудняюсь описать их действия. Возможно, они могут все: убивать, становиться невидимыми, влиять на время и пространство.

Сан-Саньч ласково улыбнулся и успокаивающе положил свою руку поверх руки следователя.

— Как вы уже поняли, к числу непробиваемых скептиков я не отношусь, — промурлыкал он. — За свою жизнь я повидал немало сильных энергетиков. Кто-то из них читал мысли и передвигал спички, кто-то умел останавливать часы и вызывать головную боль. Однако все это было в обозримых пределах, и то, о чем вы говорите, представляется абсолютно невозможным. Даже появившись такой энергетик в городе, мои экстрасенсы давно бы его учуяли. Живые существа не способны капсулировать энергию. Они излучают ее, как радиоактивные металлы.

— Увы, на этот раз ваши экстрасенсы дали маху. Случай, о котором я вам толкую, выпадает из общего ряда. Это не местный полтергейст и не два-три сбрендивших иллюзиониста. Тут нечто более значимое. Думаю, вам следует знать, что уже несколько человек погибло, кое-кто пропал без

вести. Причем обстоятельства случившегося указывают на то, что обычной уголовщиной здесь не пахнет. Не пахнет здесь и гипнозом. А потому повторяю вопрос. Допустите существование загадочных сил. Добавлю — сил, враждебных человеку. И попытайтесь ответить: можно ли с НИМИ реально бороться? Скажу сразу, стрелковое оружие себя не оправдало. Иного же в нашем арсенале не имеется, но как насчет вашего?

На секунду-другую Сан-Саньч склонил лобастую голову, словно бычок, намеревающийся ринуться в атаку.

— Переговоры, — с медлительной напевностью произнес он. — Самый разумный из вариантов. Попытайтесь вступить с оппонентами в дружеский контакт.

— Они в этом не нуждаются. По-моему, все и началось как раз с того, что некто возжелал переговорить с ними.

— И этот некто жестоко пострадал, — тихо закончил Сан-Саньч.

— Верно. А затем последовали другие жертвы, хотя, надо признать, действия наших противников совершенно непредсказуемы. Иногда это смертельный исход, иногда — легкое предупреждение.

Поднявшись, он прошел по комнате взад-вперед, нехотая подумал, что точно так же делает Митрофанушка. В минуты душевного трепета и озноба. Александр раздраженно похрустел пальцами. Настроение испортилось. Собственно говоря, оно и раньше было не ахти каким, но сейчас ко всему прочему добавилось скверное ощущение обреченности.

— Пожалуй, я зря впутываю вас в эту историю, — пробормотал он.

— Отчего же? Меня она уже заинтересовала. Хотя я не знаю подробностей.

— Вы их и не узнаете, — следователь остро взглянул на Сан-Саньча.

— Значит помощь вам уже не нужна?

Александр прикусил губу.

— Наверное, об одной малости я все-таки вас попрошу...

— Смелее, товарищ следователь! Как ни крути, вы пришли по верному адресу.

— Хорошо... — Александр колебался недолго. — Вы рассказывали, что в вашем штате имеются довольно сильные экстрасенсы. Это в самом деле так?

— Можете мне верить, — Сан-Саньч развел руками. — Вы хотите подбросить им задачу?

— Да. Не очень сложную. Попросите кого-нибудь из ваших ребят прогуляться вокруг гостиницы «Центральная». Возможно, этого окажется достаточно. Заходить внутрь не рекомендую. Да и снаружи пусть проявляют максимальную осторожность. И никакой ответной агрессии, потому что... — Александр споткнулся. — Словом, как только что-нибудь почувствуют, свяжитесь со мной. Буду благодарен даже за самую малость.

Милый и уютный председатель Центра аномальных явлений проводил его до двери. На пороге они долго трясли друг другу руки. Искренность для Сан-Саньча являлась естественной вещью, и, может быть, потому следователю особенно тяжело было глядеть в его добрые, часто мигающие глаза. Людей вроде Сан-Саньча грешно звать на драку. А он взял и позвал..

Из дневника Льва Антоновича Борейко.

29 день.

Подумать только! Еще сутки, и за плечами месяц моего одиночества! Я уже давно с бородой и усами. Похожу на купца николаевских времен. Где ни появлюсь, пою. Дважды в неделю посещаю баню. Пицца... О ней, пожалуй, не стоит. В этом смысле обеспечен на долгие-долгие десятилетия. Открытие удивительного свойства — здесь ничего не портится. Хлеб не сохнет, мясо не тухнет, молоко не скисает. Порчусь, если можно так выразиться, только я сам. Для всего прочего — времени в этом городе не существует.

По-прежнему брожу по квартирам. Стал специалистом не только по замкам, но и по альпинистским кульбитам. Обзавелся соответствующим снаряжением. Временами прихожу в ужас от той легкости, с которой овладеваю профессией домовщика. Замки, двери из стали — все ни к чему, если имеются балконы и окна. Даже жутко становится, до чего все мы беззащитны. Впрочем, почему мы? О множественных местоимениях следует забыть. В этом городе, в этом времени и под этим солнцем я — ОДИН! Гулкая мысль. Какая-то абстрактная и немая. Может, оттого и не могу избавиться от своих игр с псевдопартнерами. Стреляю в собственную тень, записываю на магнитофоны отрывистые монологи и сам с собой спорю. Иногда пытаюсь достать из танковой пушки здание химкомбината. Оно за рекой, почти у горизонта. Дымливый крематорий, который всегда вызывал у меня раздражение. Что-то там иногда вспыхивает и горит — значит попадаю.

Да! Еще одно событие! Потихоньку пробую писать стихи. Как-то так получилось само собой. Сначала только пел, а затем перешел на декламацию. Чудно! Раньше я стихи называл рифмовочками, а теперь не только читаю, но и пишу. Завел для них особую тетрадь, толстую, с коленкоровым переплетом. А началось все с того, что набрел в одной запущенной квартирке на библиотечку поэзии. Сперва, понятно, и смотреть не стал, но скука — вещь когтистая. Полистал, полистал и втянулся. В точности, как с Робинзоном и его приключениями. Должно быть, литература — вирус зубастый. Стоит только пообщаться — и порядок! — болезнь гарантирована. Сначала, разумеется, взялся за Есенина и Лебедева-Кумача. Там ведь песни голимые. И узнаваемо все. Ну а после пошло-поехало: Цветаева, Визбор, Пастернак, Ахматова, Евтушенко — все имена, которые когда-либо слышал. Самое смешное, что каждый третий стих про одиночество. То есть про меня. Даже не передать, как зацепила ссыльного майора вся эта стихотворщина. В первую же ночь вдруг приснилась поэзия. Строгий шрифт строка за строкой проплывал мимо, а голос за кадром читал вслух. И, черт возьми, я отлично понимал, что автором был не кто иной, как я сам! Слушал и восхищался. Такой складный и ровный шел стих. Даже вроде бы всплакнул от умиления. Вот ведь смех!.. Обычно сны у меня забываются, а тут иначе получилось. Спросонья успел-таки выцепить четверостишие. Поднатужившись, вытянул еще парочку. Тут же и записал. Первые свои стихи!..

С того самого утра сознание и дрогнуло. Стала потеть голова, а на карандаши набрасываюсь, как заправский бобр. Заодно и ногтям достается. Крючусь за столом, пока спина позволяет, а потом лежу, перечитываю. Кто его знает, хорошо это или плохо. Но ведь пишется! Само пишется! Разумеется, с размером и прочими премудростями полный пас, но чувств-

(24)

во вроде бы есть. Или нет?.. Дать бы прочесть Димке Губину или Сашке. Они о таких вещах любили поболтать. Может, что путное и присоветовали бы.

Решил кое-что выписывать в дневник. Так сказать, на всякий случай. Две тетради все-таки надежнее. Тем более, что речь идет уже о настоящих стихах. То есть я таковыми их еще не считаю, но если я ошибаюсь? Если по своей отсталости я знать не знаю собственного таланта?.. В общем, записываю.

Все то, что возле, — чепуха,
Во всяком случае пока,
А завтра буду гопака
Бить каблуками.
Сойду, наверное, с ума,
Моя судьба — моя тюрьма,
И пакостная Колыма
Не испугает.
Кладут у стенки дураков
И простаков. Я не таков.
Но в этом городе оков,
Увы, не нужно.
Засилье бесконечных стен
И лабиринт из улиц-вен,
Он плох уже лишь только тем,
Что в нем есть я!

Перечитал и покраснел. По-моему, наши болтуны, то бишь Сая с Димкой, подняли бы меня на смех. Может, заменить восклицательный знак в конце на многоточие? Надо бы подумать.
33-й день.

Все вчерашние сутки жутко болела голова. Наглотался каких-то таблеток, залив коньяком, пытался уснуть. Состояние такое, что не пожелаешь и врагу. Уснуть так и не уснул. Должно быть, таблетки оказались левыми. Стало только хуже. Заговоривался, крушил мебель. Выйдя на балкон, высадил по заводской трубе несколько магазинов. Всерьез хотел развалить ее к дьяволу, перерезать пополам. Разумеется, ничего не вышло. Эта кирпичная дурында торчит и по сию пору... Что-то происходило еще. Всего не упомнить. В памяти провал за провалом. Вероятно, от тех idiotских таблеток. Кажется, впервые молился. То есть не то, чтобы молился, но обращался к кому-то там, на небесах. Орал в мегафон всякую несусветицу и снова стрелял по химкомбинату.

Успокоился только к вечеру. Что-то даже пробовал сочинять, но выходила одна нецензурщина. Посжигал все к едреной матери. Как Гоголь.

И еще кое-что. Событие, каким не хвастают. В одном из своих провалов забрел в ванную и полоснул бритвой по венам. Наотмашь, жестом отчаявшегося художника. Абсолютно ничего не соображал, однако брызнуло таким алым, таким живым, что вмиг очухался и перепугался. Скрутил на плече жгут, а кисть обмотал тряпьем. Долгих полчаса баюкал руку, с напряжением ожидая, что вот-вот истекет кровью. Понял, что умирать не хочу. Это уж в крайнем случае, когда станет совсем невозможно. А мой случай, по-видимому, не крайний. Можно еще терпеть и надеяться. Да и что, в сущности, терпеть? Холод, издевательства, каторжный труд? Ничего ж этого нет! Тогда по какому поводу весь этот стон? Чего ради мы создаем внутри себя маленькие бухенвальды? Мы, члены недоношенного человечества! Тоскующего, брюзжащего и ненасытного. Стыдно, товарищ майор! Крайне стыдно! И никогда впредь не делайте подобных глупостей. Вы меня поняли? Никогда!

Продолжение в следующем номере.

Андрей СМОЛИН

(адрес в редакции)

ФОЛКО УМНИК БУДЕТ ЖИТЬ

Уважаемая редакция!

Поскольку «Уральский следопыт» иногда печатает на своих страницах письма любителей трилогии Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец», хотелось бы, как давнему читателю и журнала, и книги, внести свой вклад в развитие российской толкинистики.

Как ни самоуверенно это звучит, после неоднократного прочтения сказочной эпопеи не покидает ощущение, что Толкин описал меньше того, что задумывал. Вероятно, грандиозный масштаб повествования сам по себе отсекал излишнюю усложненность сюжета. Но по некоторым признакам осмеливаюсь предполагать, что писатель в набросках, или просто в мыслях, намечал большее количество сюжетных линий. Что-то было отброшено уже в процессе написания, но следы переделки сохранились; что-то могло просочиться на бумагу из полусознанных фантазий даже помимо воли Писателя; а что-то мне просто показалось, как всякому последователю, взявшемуся толковать учение подлинного Творца. Как бы то ни было, именно о нереализованных, на мой взгляд, сюжетных возможностях «Властелина Колец» и хочется поговорить.

Прежде всего, с самого начала повествования удивляет исчезновение из ткани эпопеи половины друзей главного героя, Фродо. Автор этих строк имеет на руках два перевода «Колец» — В. Муравьева (пролог, книга первая), А. Кистяковского (книга вторая и все стихи), выпущенного московским издательством «Радуга» в 1988 году, и перевод Н. Григорьевой, В. Грушецкого (текст) и И. Гриншпун (стихи), выпущенного петербургским издательством «Северо-Запад» в 1991 году. Несмотря на большую стилистическую оригинальность московского варианта, петербургское издание выглядит более полным и проработанным. К тому же «Радуга», по-моему, не завершила трилогию. Поэтому впредь стоит основываться на издании «Северо-Запада», привлекая первый перевод лишь для сравнения. Но вернемся к друзьям Фродо.

В обоих переводах, кроме слуги Сэма, упоминаются четверо друзей Фродо: Фредегар Боббер, Фолко Булкинс, Перегрин Крол, Мерри Брендизайк в московском издании и те же, только с другими фамилиями — Пузикс, Умникс, Тук и Брендискок — в петербургском. И там, и там Пин и Мерри являются более близкими друзьями Фродо, что и предопределяет именно их участие в Путешествии. Но если Толстик (московский вариант), или Фэтти (петербургский вариант), хоть как-то участвует в подготовке

ухода друзей из Хоббитании-Шира (последнее название, видимо, верней), то Фолко в день ухода Фродо из дома навсегда исчезает из повествования. О нем не упоминается даже после возвращения хоббитов домой, хотя для Фредегара место находится из тюрмы, устроенной слугами Сарумана. «Лучше бы ты с нами пошел, Бедолага!» — пожалел Пиппин, вынося его на ружу. Действительно, а почему бы и нет?

Смею предположить, что Толкин посадил несчастного толстяка в тюрьму потому, что в конце эпопеи надо было заканчивать все начатые сюжетные линии. Раз Фредегар помогал в начале Путешествия, просто необходимо было сказать о нем хоть несколько слов в конце. Но полная забывчивость по отношению к Фолко наводит на мысль, что сделано это было довольно искусственно, второпях, возможно, под давлением сроков, данных издателем.

Но вот зачем надо было вводить в сюжет практически «лишний» персонаж с такой многообещающей (в петербургском издании) фамилией, как Умникс? Почему друг Фродо никак не определяет свое отношение к заговору, составленному тремя остальными его друзьями, кроме простой помощи при сборах? О причинах отказа трусоватого Фредегара ехать за пределы Шира сказано достаточно. Чем же хуже Фолко Умникс?

Это напоминает полусознанную заготовку, когда еще нет уверенности, что она пригодится, но предчувствуются ее возможности. Однако образ остался невоплощенным. Говоря языком мистики, дух Фолко летал над визионером Толкиным, на него не хватало сил. Еще бы, при 600-х персонажах!

Преклоняясь перед титанической работой Мастера, все же хочу сказать, что по своим сюжетобразующим возможностям

эта пара — Фолко Умникс и Фредегар Пузикс — далеко не проходные персонажи трилогии. Во-первых, это именно пара — они как бы отделены от более близких главному герою Пина и Мерри, а значит — они ближе между собой. Во-вторых, Умникс и Пузикс, это те же Тонкий (Умный) и Толстый (Глупый), Дон Кихот и Санчо Панса, Пат и Паташон, Гаргантюа и Пантагрюэль, наконец, Штепсель и Таралунька, которыми переполнена мировая культура. Возможно, аналогия — плод ошибки переводчиков (в московском варианте — Булкинс и Боббер), но и без привязки к фамилиям эта пара таит в себе многое. Фредегар в любом случае смешной и трусоватый толстяк, что же касается Фолко... Давайте считать так: там, где есть толстяк, просто напрашивается худой и энергичный друг. Кто умней и смелей, собственно, не важно. Главное — такая пара представляет собой внутренне законченную группу, которую можно вставлять в любой сюжет. В этом смысле они неисчерпаемы. Примерно на такие же группы в конце концов разбиваются и четверо хоббитов — Мерри и Пин, Фродо и Сэм. И ничего, сюжет раздваивается вслед за ними. Так почему бы ему и не разстроиться?

В признании оборванности, недоговоренности этого потенциально третьего по важности сюжетобразующего источника кроется основной посыл моей идеи. На нее накладывается общая неудовлетворенность чисто пространственным охватом эпопеи.

Кого из истинных любителей Толкина не охватывало любопытство при взгляде на карту Среднеземья? Запад, Центр и Юг достаточно полно охвачены повествованием. Но что там, на Севере, где находится древняя столица Арнора? Что на Востоке, где за чем-то нарисовано море Рон? Да, собственно говоря, сплошные белые пятна окружают и Шир — неведомые земли дунгар на юго-востоке, часто упоминаемый, но не менее таинственный Линдон на Западе. О Полуночных землях и Полуденных странах лучше вообще молчать — даже на карте они практически только намечены.

Если еще вспомнить пропавших жен энтов, ушедших на Восток магов, неведомый подземный народ, рывший землю еще до гномов, непонятное происхождение жены Тома Бомбадила, скороговорку в описании войн на Севере, неотчетливых пиратов Умбара, харадримов, вастаков, — то становится понятно, что Толкин при желании мог бы вытаскивать из эпопеи, как из волшебной шкасточки, все новые и новые сюжеты. Как известно, на все предложения написать

продолжение трилогии он только посмеивался. И это возвышает его как Писателя еще больше — добавлять к истинному содержанию эпоса действительно больше нечего.

Как филолог по образованию и склонностям, книголюб с детства, я и сам всегда с подозрением относился ко всякого рода последователям, ради корысти или славы вздумавшим продолжать произведения классиков. Но однажды, перечитывая «Властелина Колец» и вполне естественно додумывая, а как бы оно могло быть, если бы... я взял да и придумал дополнительный сюжетный ход, вводящий в действие незаслуженно забытого Фолко. Ну, придумал — и придумал, так фантазирует, наверное, каждый, читавший Толкина. К тому же ход требовал поправок в нескольких абзацах из глав первой книги, что для последователей почитателей Толкина даже звучит кощунственно. Но потом, потихоньку, дополнительный сюжет стал соединять собой упоминавшиеся незавершенности романа, нанизывая их на себя, как нитка кольца, или, точнее, определяясь ими, как заранее расставленными флажками...

Однако подождите считать меня очередным неудовлетворенным графоманом. Я предлагаю не то, что вы подумали.

А именно: почему бы не отвлечься хоть на пять минут от не ко всем благосклонной нынешней жизни ради совместного творчества по продолжению любимого многими романа? Если взрослые люди во всем мире играют в Арагорнов и Гэндальфов в соответствующих фэн-клубах, то и такое предложение вполне допустимо. «Уральский следопыт» мог бы взять на себя роль координатора.

Мечтать о публикации того, что получится, конечно, не стоит. Давайте пока просто поиграем!

Итак, начнем с того, что предположим, будто в третьей главе «Втроем веселее» книги первой, там, где Фолко Умникс после завтрака отправляется домой, чтобы навсегда исчезнуть из романа, текст выглядит несколько иным образом. Например, так:

« — Не спите по дороге, — крикнул Мерри, выезжая за ворота, — тогда послезавтра встретимся. А я, уж так и быть, согрею дом к вашему приходу.

Фолко после завтрака отправился домой, в Перегорки, помогать отцу по хозяйству — тот и так постоянно во-

рчал на его частые отлучки в Засумки, мол, платят тебе там, что ли? Хотелось Фолко пойти вместе с друзьями, но теперь он мог освободиться только дня через три. В усадьбе с хозяином остался один Пиппин. Фродо, не находивший себе места, все ждал Гэндальфа...»

Спустя две главы, в главе пятой «Заговорщики», хочешь-не хочешь, надо устраивать странное молчание четверых друзей об отсутствующем пятом друге, который не мог не знать о замыслах Пина, Мерри и Фэтти помочь Фродо. Раз так, у него должно быть к этому свое отношение, которое заговорщики не могли не вспомнить, когда открылись Фродо. Если бы Фолко не хотел идти с друзьями, то упомянуть об этом можно было бы и в конце разговора, там, где объясняется отказ участвовать в Путешествии Фредегара Пузикса. Но если хотел, — а иначе бы не стоило и затевать этот разговор (тогда Фолко действительно лишний), — то место, где об этом в разговоре должны вспомнить друзья, определяется совершенно однозначно:

« — Э-э, ты не понял, — остановил его Пиппин. — Надо тебе идти — значит надо. Ну а мы — с тобой. Вот я и Мерри. Фолко тоже хотел, да теперь, видно, не успеет. Сэм — отличный парень, он за тебя дракону в пасть прыгнет, но одного мало. Дорога-то опасная».

Несколько дальше выясняется, что уже и шесть пони готовы. А почему, собственно, шесть? Едут-то четверо. Западного пони с поклажей хватило бы и одного. Не собирался ли Толкин отправить в дорогу еще одного хоббита (если не двух), да забыл уменьшить число пони после того, как планы изменились? Если мы принимаем предпосылку о том, что собирался, то друзья должны упомянуть и это:

« — Так уж и никто, — усомнился Мерри. — Брендискоки ходят, если приходится. И тропинка у нас там знакомая есть. Фродо ходил когда-то. И я был, даже несколько раз. Днем, правда, когда деревья сонные и спокойные. Жаль вот только, Фолко не дождемся. Он в лучшем случае завтра к вечеру придет, если его старик не придумал ему еще какую-нибудь работенку. Мы ему и пони подготовили, да, видно, зря. Кто ж знал, что за Фродо Всадники погонятся! А одному в Древлепущу советаться, конечно, не стоит, пусть лучше Фэтти компанию составит».

Подождите несостоявшееся участие Фолко в Путешествии опять-таки просто обязан главный его виновник, Фродо. После того, как объясняется, почему не идет Пузикс, он делает выводы:

« — Отлично, — одобрил Фродо, когда выслушал все соображения. — Не письмо же Гэндальфу оставлять. Они ведь могут дом обыскать. А раз Фредегар взялся держать оборону, мы хоть будем уверены, что Гэндальф знает, куда и как мы пошли. Пони Фолко берем с собой — ему он уже не понадобится, а Фредегар за нас извинится. Не судьба, видно, Умниксам принять участие в этом Приключении. Все. На рассвете уходим через Древлепущу».

И напоследок, в следующей, шестой главе «Древлепуща», на весь роман прощаясь с Фредегаром, Фродо не может не передать привет и Фолко — а иначе какие же они, черт возьми, друзья? Хоббиты — народ вежливый и ценящий дружбу — это не я, это Толкин придумал.

« — Хотел бы я, чтобы Древлепуща оказалась самым серьезным нашим препятствием, — сказал Фродо. — Ладно. Скажи Гэндальфу, пусть догоняет нас по Западной Дороге, мы скоро выйдем на нее и уж останавливаться не будем. Привет Фолко — или, правильной, прощай? Пусть не обижается, ждать мы не можем. Зато вместе вам веселей будет, дом-то все же на высылках, вокруг никого. Ну, разве что Гэндальф захочет взять его с собой. Хотя он вряд ли обрадуется, что столько народу знает о наших с ним секретах. Лучше и не говорить ничего. Живите здесь и вспоминайте нас почаще — может, тогда и встретимся».

Она распрощались и один за другим скрылись в тумане».

Если честно, то где-нибудь в следующих главах, во время пути через Древлепущу или Упокоища, для развития нашей идеи хоббитам не мешало бы вспомнить оставленных друзей, хотя бы Фэтти, а мы бы уж вставили туда и Фолко, чтобы хоть немного прояснить его характер. Но до самого Брыля Толкин ведет всю четверку так плотно, что на рассуждения и воспоминания места не остается. Я, по крайней мере, такого не нашел.

Ну, а в главе «Клинок во тьме», где совершаются одновременные нападения на гостиницу в Брыле и дом в Засколье, собственно, и должно завязаться еще одно, параллельное Путешествие оставшихся в Шире друзей Фродо. Как сделать это так, чтобы не менять текст Автора (и переводчика), а только дополнять — наша общая задача.

Ведущий рубрики
Максим ШИШКИН

ПСИХЕЯ-90

«Я пришла узнать, здорова или больна каким-нибудь психическим заболеванием?» Так началось удивительное повествование пациентки екатеринбургского врача-психотерапевта Сергея Андреевича Гребнева. Назовем ее здесь — Наташа. Ее рассказ публикуется с ее согласия и с согласия врача.

«Уже шесть лет я встречаюсь с инопланетянином. Да, не удивляйтесь. Это именно так.

Он появился внезапно, ночью. Я проснулась и с ужасом увидела стоящего передо мной человека с красивыми чертами лица, смутлого, с короткой черной шапкой волос на голове. Несмотря на утонченность и красоту лица, смотреть на него было ужасно. Подбородок был достаточно мощным, густые брови сидели на выступающих надбровных дугах, и пронзительным взглядом исподлобья он смотрел на меня, словно удав на кролика. По крайней мере, именно такое ощущение возникло у меня всякий раз при наших встречах. Одет он был всегда в один и тот же облегающий серебристо-темный мягкого тона костюм. Я не могла ни пошевелиться, ни крикнуть. Меня охватил необъяснимый ужас. Кто Он такой, откуда взялся и что Ему надо? Мы смотрели друг на друга молча некоторое время, а затем я внезапно заснула, словно меня кто-то отключил. А утром меня охватило недоумение: было это в действительности или это сон? Но если сон, то почему он похож на реальность? Каждый раз, когда появлялся Он, а это было всегда ночью, от 0 до 4 часов утра, я холодела от ужаса, и не хотелось верить в реальность существующего.

Первое время наши встречи носили ознакомительный харак-

тер. Мы молчали и привыкали друг к другу, точнее — я привыкала к Его существованию, если это можно назвать привыканием. Ибо мое тело всегда было непослушно мне. Я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, ни крикнуть, ни позвать на помощь. Мои глаза были открыты, а мозг воспринимал действительность так реально, как не делал этого никогда.

Постепенно у нас начались разговоры. Говорил Он, не раскрывая рта. Все Его мысли проносились довольно четко и ясно, но холодно, с одним тембром. Я пыталась выяснить, для чего и с какой целью Он появился здесь и что Ему надо от меня. На все вопросы пришелец отвечал уклончиво, либо отмалчивался.

Его визиты стали регулярными. Появлялся Он в период с декабря по март-апрель. Затем исчезал на полгода.

В доме Его видела только я одна. Муж, как правило, спал, ничего не видел и долгое время не подозревал о Его существовании. Часто пришелец появлялся, когда муж бывал в командировках. Только однажды пятилетний сын как-то утром спросил меня: «Мама, а что за дядя был у нас ночью?» Так продолжалось довольно долго.

В одну из ночей Он явился так же внезапно и неожиданно. Я проснулась, как обычно, от Его взгляда и в этот раз от легкого прикосновения. Он лежал рядом со мной обнаженный и ласкал меня. Сделалось как-то жутко и не по себе, но поделать ничего не могла. Его тело по форме ничем

не отличалось от тела обычного человека: те же размеры, чуть сглаженные формы, те же выпуклости и принадлежности, какие должны быть у каждого земного мужчины.

Отличие было в упругости его тела. Оно казалось без костей и напоминало на ощупь упругую резину.

Так у нас появились первые сексуальные контакты, которые бывали не часто и всегда заканчивались необычно приятным удовольствием, а затем мгновенным глубоким сном. Я никогда не видела, как Он одевается в свой блестящий костюм и уходит. Всего этого никогда не видел мой муж, хотя порой и находился рядом.

Пришелец пользуется удивительным свойством: отключать мозг человека без каких-либо последствий. Именно поэтому я многое не помню из наших разговоров. Вспоминаю название планеты, с которой Он прилетел — это планета Тоя. Помню разговор о том, что Они часто бывают среди нас, людей, на улицах. А когда Он предлагал побывать у них, то обещал возвращение только через полгода.

Однажды мы с ним поссорились. Это произошло после того, как я забеременела от него, а затем прервала эту беременность. Ссора оказалась столь эмоциональной, что Он даже укусил меня. На что я ответила тем же и запретила Ему бывать у меня, по крайней мере показываться на глаза...»

После ссоры Наташа не видела Его, но периодически ощущала его появления в комнате. Как-то раз повесила на стену календарь, а тот на следующий день нашелся свернутым в углу. Никто из семьи не мог понять, как он там оказался. «Странности» в квартире были разнообразными. В другой раз сидели в комнате

вместе с подружкой и собакой. Сказала Ему: «Если ты здесь — займи этого пса», и тут вдруг пес побежал под кровать за покотившимся туда мячиком.

Никаких доказательств Наташа, естественно, не привела: ведь она пришла лишь сделать обследование...

Есть такие тесты: многофакторный метод исследования личности (адаптированный и ревалидизированный вариант американского ММРІ), проективный тест Сонди, цветовой Люшера, а также — клиническое наблюдение. Всеми ими можно выявить явные психические расстройства. У Наташи их не оказалось...

Сделали электроэнцефаллограмму мозга — выявились лишь незначительные вегетативные изменения. Пациентка обследо-

валась двумя психотерапевтами: ее случай вызвал множество серьезных вопросов. На неделю пациентку отправили на обследование к профессору мединститута Б.А.Трифонову — получили заключение, что Наташа нормальный, здоровый человек.

Реакции человека на те или иные тесты говорят о том, что происходит в его душе. Здесь все было в норме. Попытались провести сеансы гипноза с целью восполнить то, что Наташа не помнила из контактов с неизвестным существом. Было уточнено, что этот инопланетянин — с планеты Тоя из созвездия Ориона. Цели и задачи явлений его к Наташе, да и вообще присутствия среди нас, понять не смогли. Но выяснилось, что Наташа однажды была с ним в космическом корабле, помнит свои ощу-

щения там, окружающих ее существ, похожих на людей, мягкое кресло, в котором она сидела, ощущение полета...

Наташу наблюдали в течение двух лет. В это время контакта с существом, как такового, не было. Как контакт повлиял на нее? В жизни и здоровье ничего не изменилось. Позже рассказала все своему мужу: он ей доверяет, т.к. те странные явления, которые творились в доме, происходили и на его глазах.

Чем же привлекла Наташа внимание инопланетянина? Спокойная, уравновешенная, средней красоты, роста среднего, смуглая. Или пришельцам просто нравятся земные женщины? Пока это остается загадкой, на которую сможет ответить лишь тот, кто являлся Наташе шесть лет...

А Н О Н С

Добравшись до деревни, именуемой Молебка, вы перейдете реку (вброд или на лодке - это уж как Бог велит - и окажетесь лицом к лицу с первой «аномалией»: ведь отсюда, по слухам, начинается «Зона»... Вы стоите на дороге, которая размыта да до такой степени, что вы по колено будете утопать в грязи. Пройдя по такой дороге около трех километров, вы окажетесь перед длинным подъемом, который величается очень просто: «тягун-гора». Протопав по ней примерно еще один километр, с вывалившимся языком, добавляющим приличный вес к вашему тяжелому рюкзаку, проклинающая и «Зону», и людей, которые надоумили Вас ехать сюда, вы все же пойдете дальше, направо, и вскоре, еще через один километр, окажетесь на «Поле чудес»...

Справка. «Поле чудес», оно же «Большая (Центральная) Поляна», «Поле Вачурина», славится якобы происходившими там чудесами: люди рассказывали, что их знакомые, знакомые их знакомых и т.д., видели там светящиеся шары (так называемые «кокетки», отличительное свойство - маленький «хвостик», по словам некоторых мистиков-парапсихологов, когда «кокетки» летают

группами, - «хвостики» у всех направлены всегда в одну сторону. Когда пытливые люди старались дойти до первоисточников такой информации, оказывалось, что «очевидцы» либо ничего не видели, либо видели «боковым зрением», либо взахлеб начинали рассказывать про «астрал» и т.п., что пытливые умы бежали от них без оглядки... Некоторые же оставались и старательно помогали тем вешать себе «лапшу на уши».

Раньше на «Поле чудес» можно было встретить около десятка палаток, сейчас - одну-две.

Идем дальше. До очередного пункта, где можно остановиться лагерем - около одного километра, а именуется он... «Долиной ужасов»...

Справка. «Долина ужасов», она же - «Долина скорби». Расположена на левом берегу реки Сылвы. Знаменита «черной» славой: то видят там «чертей» по ночам, то светящихся «призраков» с ужасными лицами. Кто-то даже установил здесь несколько крестов, про которые ходили легенды вплоть до той, что, мол, эти кресты с насыпями земли - «могилы инопланетян», потерпевших

здесь катастрофу. «Долина ужасов», считается так называемым «базовым лагерем» как людей, так и «пришельцев».

Здесь вы всегда найдете хоть одно живое существо, с бородой или без - это уже воля случая: некоторые живут здесь месяцами. Сначала вы уловите их подозрительный взгляд. Затем, через полчаса, к вам придет познакомиться разведчик. Есть вероятность, что деловито прошагает мимо, якобы не замечая, но уж если подойдет, то обязательно удостоверится, что вы либо «экстрасенс», либо «контактер», «парапсихолог» и т.д. И если вы не обманули его ожидания, - он ваш гид на все время пребывания здесь. Только успевайте слушать, развесив уши, да смотреть во все глаза. До сумасшествия... Ведь вы, по сути дела, уже в «Зоне»...

Очерк редактора отдела фантастики «УС», председателя екатеринбургской группы по изучению НЛО «Поиск», члена Уфологического Союза России Максима Шишкина «Тарелки» в «Треугольнике» читайте в № 2 «Уральского следопыта».

Начало на стр. 9

Дед быстро оценил потенциальную опасность, исходящую от впавшего в истерику узника — его уже не уговорить, не запутать расправой, не остановить надолго угрозой боли. Взорвавшиеся эмоции не воспринимают ни логику, ни угрозу. Истерику нужно либо убить, либо надлежно изолировать. Убийство накануне операции, где мне было отведено определенное место, не входило в планы бандита. И, значит, меня надо было изолировать.

— Заткните ему рот и оттащите в ванную,— приказал Дед.

Рот мне профессионально заткнул Бугай. После короткого удара ребром ладони по горлу я не мог без боли не то что крикнуть, но даже слотнуть слюну. Но главная цель, ради которой я затеял весь этот спектакль, была достигнута. Слово куль с картошкой меня бросили на цементный пол ванной и закрыли дверь на задвижку.

— Если еще захочешь поплакать — зови меня,— предложил услуги Бугай,— я помогу. Наконец я оказался предоставлен самому себе. Новая тюрьма не столько изолировала меня, сколько защищала от назойливого общества соглядатаев. Впервые за много дней я мог расслабиться и позволить себе быть таким, каков я есть, а не каким надлежит казаться в данную минуту. Я сидел в полумраке ванной комнаты и наслаждался покоем. Оказывается, я очень устал от своей «спокойной» жизни.

Но долго расслабляться я себе позволить не мог. Вечером я начал работу. Отодвинув большое зеркало, висящее рядом с умывальником, я провел разметку, пробуравив тонким гвоздем в штукатурке несколько пробных «шурфов» — тонких, почти не видимых глазу отверстий. Наткнулся на растровый шов, двинулся по нему вправо и влево, постепенно обрисовывая прямоугольник кирпича. С него мне и надлежало начинать. Если вытащить один кирпич, с остальными будет справиться гораздо легче.

Затем я подготовил рабочее место: с помощью тонкой нити, вынутой из одежды, закрепил в косом положении зеркало, расстелил на полу раскрытый полиэтиленовый мешок, предназначенный для сбора отработанной породы, из случайной тряпки и куска картона сделал импровизированные метелку и совок. Несколько раз отрепетировал свои действия на случай опасности. На то, чтобы подойти к ванной, раскрыть щеколду и распахнуть дверь любому, даже самому быстрому человеку, потребуется не меньше пяти секунд. Одна секунда резерв. Ее задействовать нельзя. Остается четыре. За четыре секунды я должен успеть убрать все следы своей работы и принять привычный глазу моих охранников вид. При всем при этом сделать это я должен совершенно бесшумно!

Попробуем. Раз — сдвинуть головой зеркало, порвать фиксирующую нить, придержать качнувшееся зеркало правым плечом. Два — одновременно с этим свернуть полиэтиленовый мешок, сунуть его в рукав, сдуть случайную штукатурную пыль. Три — развернуться, навалиться спиной на покачивающееся зеркало. Четыре — расслабить мышцы лица, изображая заспанного «тюфяка», кое-

го и ожидает увидеть входящий в ванную охранник. Десять раз я повторил свои действия, пока смог уложиться в отведенные собой же нормативы. Раз-два-три-четыре и, как говорится, дело в шляпе — пол чистый, узник спит!

Глубокой ночью, прислушиваясь к тишине в квартире, нарушаемой лишь храпом дверного сторожа, я начал скоблить стену импровизированным инструментом. Работал наощупь, по заранее намеченным отверстиям. Вперед-назад, вперед-назад вытаскивая крупинки штукатурки, выбрасывая отработанную породу (и чтоб пылинки не уронить!) в сливное отверстие раковины. В перерывах между «скоблежкой» я качал мышцы. Теперь, как никогда, мне нужно было поддерживать спортивную форму. Многодневная пассивная лежка не прошла даром — появилась мускульная вялость, уменьшилась мышечная реакция. Я отжимался от пола, нагружал пресс, поочередно напрягая и ослабляя другие группы мышц. До усталости, до пота, но тихо, словно не работал, а спал.

К утру, когда слабый свет стал просачиваться сквозь небольшое окно, соединяющее кухню с ванной, кирпич уже «дышал». Когда обитатели конспиративной квартиры стали пробуждаться, я уже крепко спал.

— Ленив ты, братец! Спишь больше меня, а работать не работаешь,— ворчал Бугай, отодвигая меня ногой в сторону от умывальника.

Бугай чистил зубы, брился, рассматривал себя в зеркало, за которым, в двадцати сантиметрах от его носа, было начало спасительного хода.

— Ну будь, доходяга,— прощался Бугай, на выходе «случайно», зацепляя меня ногой.

Потом приходил Дед, внимательно осматривал ванну, меня и тоже мылся-брился, глядя в зеркало. И отделяло его от великой моей тайны всего два миллиметра посеребренного стекла!

— Претензии к режиму есть? — лениво спрашивал Дед — Еда,— жаловался я.

Кормили меня отвратительно, отбросами с «барского» стола. Когда они были.

— Не дом отдыха,— рассудительно объяснял Дед, зевал и, собрав в тряпицу весь мусор до последней ломаной зубочистки, уходил.

Я вздыхал облегченно. Для реализуемой мною операции Дед представлял наибольшую угрозу. В отличие от остальных, он умел замечать детали. Любой его взгляд, зацепившийся за случайный огрызок штукатурки, мог привести к провалу.

Переждав всех, я снова погружался в дремоту, готовясь к очередной бессонной ночи.

К следующему утру я вытаскил первый кирпич и наполовину высвободил второй. Третья ночь добавила еще три. Кирпичи внутренней кладки я выточил наполовину с тем, чтобы соседи за стеной ничего не заметили. Единственное, что я себе позволил — три тонких, игольных, сквозных отверстия. Днем, быстро поднырнув под зеркало и сложив ладони «рупором», я заглянул в темноту. Тонкие, почти микроскопические отверстия сочились светом. Отлично! Значит, с той стороны нет стальных шка-

фов и декоративных панелей. Путь свободен. До возможного побега осталось от силы две-три ночи!

Пора было продумать детали побега. Итак: ночью аккуратно вынуть кирпичи, пролезть в соседскую ванну, открыть дверь, бесшумно, чтобы не разбудить спящих жильцов, пройти по коридору, тихо отпереть замки. Если дверь в ванной закрыта на защелку, ее придется выбить и по коридору уже не красться, а быстро бежать, опережая поднимающуюся панику. Ничего сложного. План почти на сто процентов гарантировал успех.

Но что-то меня останавливало от такого ухода. Что-то заставляло тянуть время. Что? Характер моих вынужденных приятелей! Хладнокровная изобретательность Деда, абсолютная подчиняемость Бутая, возрастная истеричность Пацана, болезненное самолюбие Шрама и... два ствола. Два ствола, которые непременно выстрелят. В людей. В том, что Дед не оставит своих замыслов я не сомневался. Более того, мой побег подтолкнет его к действиям. И чем меньше они будут подготовлены, тем больше будет крови. Я стану косвенным виновником лишних жертв. Стану соучастником преступления!

Чувствуя, что делаю что-то не то, я закрепил кирпичи с помощью деревянных клиньшков выструганных из рейки, оторванной с задней стороны зеркала, замазал щели раствором, смешанным из штукатурной пыли, зубной пасты и собственного, извините, продукта пищеварения. Теперь при беглом осмотре «подкоп» обнаружить сложно.

Я нарушил все писанные учебкой правила! Согласно ее заповедям я должен был решать только и исключительно поставленную передо мной задачу. Все остальное не имело значения и, фактически, являлось прямым нарушением приказа, со всеми вытекающими... Нас учили не обращать внимания на попутные преступления ни свои, ни чужие. Но, наверное, я был плохим учеником. Я решил на запретное — вмешаться в готовящееся преступление. Я слишком хорошо узнал этих людей, чтобы просто «умыть руки».

Неясно было только, как это сделать. Что может предпринять закрытый в глухой ванной комнате пленник со связанными руками? Один против пяти вооруженных мужиков? Нет, без помощи извне мне обойтись невозможно. Но столь же невозможно навести на квартиру, пребывая в этом каменном мешке. Как подать сигнал? Как сообщить, что в этой, на первый взгляд обычной квартире, скрываются бандиты? Выступать сообщение азбукой Морзе в стену или батарею? Но, даже если мои надзиратели ничего не услышат, где гарантия, что в доме обитает радист-профессионал, способный в наборе бессмысленных стуков разобрать здравую мысль? Прибегут раздраженные соседи, спросят: «Какого черта! Кто стучит ночами, не дает заслуженного покоя жильцам!» — и все, прощай свобода, если не сама жизнь.

Как еще можно подать сигнал? Бросить на улицу записку? На кухне постоянно открыта форточка, но до нее не добраться. Да и где гарантия, что кто-то обратит внимание на клочок бумажки, валяющийся на асфальте?

Кстати, не далее чем до первого выхода дворника. А дворник читать мусор не приучен, он его метет.

Значит надо сделать так, чтобы эту бумажку миновать было нельзя. А мимо какой бумажки человек не пройдет равнодушно? Точно, мимо денежной бумажки с водяными знаками! Значит одна проблема решается. Как решить другую — выбросить ее на улицу? Приколоть на манер репья к пиджаку часто выходящего на улицу хозяина квартиры? Подбросить в мусорное ведро? Все не то. Не то! Скатать в шарик и бросить в форточку? Не добросить? И не попасть? И кто опознает в плотном комке бумаги денежную купюру? Нет, ни добросить, ни попасть, ни опознать!

Добросить нельзя, а дострелить можно, — подсказала детская память решение. Вспомни, как лихо летали по классу бумажные пульки, как метко находили они чужие уши. Пожалуй, это выход!

Достать подходящую купюру труда не составило. В первый же визит хозяина квартиры (для досье просто Хозяин) в ванну, а наличные деньги были только у него и Деда: я, лежа под раковиной, вытянул у него из кармана четвертной. Поперек билета найденным раньше карандашом написал — «Срочно сообщите в милицию! В квартире на четвертом этаже скрываются преступники, бежавшие из КПЗ жд вокзала!!!». Деньги я скатал в плотную трубочку, постаравшись, чтобы самые узнаваемые элементы рисунка оказались снаружи. Трубочку переломил пополам, получив отличную «пульку». Резину я вытянул из белья, на концах ее сделал петельки под пальцы. Теперь оставалось попасть в кухню и в форточку. В очередной банный день, когда меня выставляли в коридор, я, на мгновение задержавшись в проеме кухонной двери, вытянул рогатку, зажав пульку в зубах и, возможно шире разведя указательные пальцы связанных рук, прицелился и выстрелил. Пулька, прожужжав, ушла в распахнутую форточку. Сидящий ко мне спиной Шрам приподнял голову, услышав странный звук, но ничего не понял. Я тихо шагнул в сумерки коридора. Первая записка ушла.

Но должна, обязательно должна была быть вторая. Слишком мало шансов, что пулька попадет на пешеходную дорожку, а не, например, в траву, что ее заметят и что, наконец, ее примут всерьез. Конечно, можно было запустить десять или двадцать записок, но такую интенсивную стрельбу дензнаками вряд ли выдержит хозяйский кошелек. Надо было искать другой путь.

Запустить через вентиляционное отверстие столб дыма? Вдруг доблестные пожарники приедут и разгонят своими брандспойтами осиное гнездо! Закоротить электропроводку? Нет, все не то! Залить нижних соседей? Засорить канализацию? Стоп! В этом что-то есть! Допустим, колтун забивает канализационную трубу, на нижних этажах вода хлещет через край, вызывают слесарей, те чистят трубы и... обнаруживают записку! Отлично! Но как добиться, чтобы слесари не пропустили в куче самих отходов золотую крупинку информации? А вот и ответ — она должна быть зо-ло-той! Золотых колец, бриллиан-

товых подвесок, серебряных портсигаров у меня нет. Деньги не подходят — размокнули. Что еще может привлечь внимание алчного человека? Монеты? Ключи? Часы? Часы! Блестящие, не растворяющиеся в воде часы! Вот что мне нужно. А взять я их смогу у...

Я стал наблюдать за руками бандитов. Пацан был пуст. Хозяин имел большие карманные. Дед — слишком опасно. Пожалуй Шрам. В очередной поход Шрама в ванную я попросил его помочь мне подняться. В повороте я очень сознательно и очень болезненно наступил ему на ногу, отвлек тем внимание и быстро расстегнув ремешок, снял часы. Спасибо, Михалыч, за науку!

Обидевшийся Шрам болезненным толчком отбросил меня к стене и, вырвавшись, вышел из ванной.

Ночью из куска половой тряпки и подклада собственного пиджака я соорудил замечательную канализационную пробку. К ней прочной веревкой, сплетенной из распоротого лезвием носка, привязал часы, к ним, в свою очередь, записку, засунутую в полиэтиленовый мешок. Снасть получилась отличная: пробка-грузило, веревка-леска, часы-блесна. Не могли слесари не клюнуть на такую наживку! Осталось закинуть удочку и ждать улов.

Днем, ссылаясь на немочь живота, я пробрался в туалет, засучил зубами рукава, как можно глубже затолкнул пробку внутрь, к сливу, протолкнул проволокой, отломанной от ванного заземления и три раза слил воду.

— Жрать не жрет, а с горшка не слазит! — удивился Пацан. — Камень что ли грызет?

— Грызу! — честно признался я.

К вечеру Шрам хватился часов.

— Странно, куда они могли деться? — удивлялся он, осматривая квартиру, ощупывая карманы и подкладку пиджака.

— Когда ты их в последний раз видел? — спрашивал Дед.

— Утром. Или в обед? Нет, утром. Точно!

— Не нравится мне все это, — мрачнел Дед, — четвертной пропал, как в воду канул, теперь часы. Что-то здесь не то! Вспоминай!

— Утром проснулся, покурил, в туалет сходил, в ванную, поел... Черт, не представляю!

— Всем собраться на кухне! — приказал Дед. — Вот что, родные, — начал он. — Я не люблю случайностей, особенно повторяющихся два раза подряд! Ладно, четвертной отнесем за счет игры фортуны. Но часы? Это не тоюсенькая бумажка, которую выронить и не заметить не мудрено. Боюсь, кто-то здесь играет в паре с нечистым. И играет краплеными картами! Если сейчас не предпринять энергичных мер, начнут пропадать револьверы

— Ты подозреваешь кого-то из нас? — вскипел Шрам.

— Я подозреваю всех, кроме себя, — ответил Дед, — значит так, ребята, сейчас мы, не откладывая и не покидая по одному это помещение, проведем грандиозный шмон. Потом осмотрим квартиру. И если, не дай бог, у кого-то отыщем пропавшую или найдем тайник!..

Сидя в ванной и слыша практически весь разговор, я покрылся холодной испариной испуга. Вначале они быстро обшарят квартиру, потом придут в ванную, приподнимут зеркало и увидят следы моего пролома. А ведь есть еще тайник с гвоздями! Доигрался миротворец! Делу не помог и себя подставил! Нет, шмона в ванной быть не должно! Нельзя этого допустить! Ни в коем случае!

Я стал лихорадочно думать, что предпринять. На кухне в это время шел личный досмотр. Бандиты, хоть и были недовольны, подчинились. Авторитет Деда был непререкаем, а вещи действительно пропали. Куда?

Обыск, благодаря частому пребыванию квартирантов в определенном рода местах, шел на высоком профессиональном уровне. Как с ними, так и они. Одежда, кухонная мебель, комнаты... Постепенно очередь добиралась до ванны. Весь напрягаясь я ждал, когда распахнется дверь. Вот оно! Звякнула защелка, просунулась голова Пацана. За ним стоял хозяин квартиры. Похоже, обыск вели по двое, чтобы контролировать друг друга. Мудро!

— Этого смотреть? — спросил Пацан.

— Это-то дерьмо со связанными руками при чем? — донесся голос Шрама, — он целыми днями в ванной сидит.

— Я сам гляну. А ты пока помещение осмотри, — крикнул Дед.

Наверняка он шел следом и перепроверял результаты осмотра. Мелко чесала Дедова гребенка!

Пожалуй, пора! Я вытащил из разреза пиджака обломок бритвенного лезвия. Пацан под присмотром Хозяина нагнулся, заглянул, засунул руки под ванную, по сантиметру ощупал пол, оглядел краны, простучал наклеенную на стенку плитку, перешел к раковине, взглянул на зеркало, прикидывая как его сподручнее внимать, потянулся рукой.

Все, дольше тянуть нельзя!

Я слабо застонал, пошевелился. Пацан повернулся, заметил ползущую из-под меня черную струйку крови, ахнул, отдернул руку от зеркала (слава богу!), бросился в коридор.

— Придурок вены вскрыл!

Почти сразу же в ванную вбежал Дед.

— Что же ты сделал, родной? Что ж натворил?! Сволочь такая! — причитал дед, разворачивая меня лицом вверх, закатывая рукава, осматривая рану.

Порез был пустяковый, но кровавый. Дед перетянул мне ремнем руку выше раны, намотал бинт.

— Что ж ты торопишься умереть раньше времени? Ну-ка, приглашите ему валерьянки!

— Нет у меня валерьянки, — ответил Хозяин.

— Тогда водки! Быстрее!

Дед сразу же нашел оставленное мною на видном месте лезвие.

— Где взял, гаденыш? — и, не дожидаясь моего ответа, заорал, — Я же сто раз предупреждал — все убирать после бритья. Все! Один ублюдок потерял, другой нашел!

Принесли водку. Дед насильно влил в меня два стакана и, увидев, как у меня поплыли глаза, оставил меня в покое.

— Вы ванну хоть осмотрели? — спросил он.

Пацан и Хозяин ожесточенно закивали головами.

— Смотрите, проверю, — пригрозил пальцем Дед.

Я вздохнул свободно. Шмон был закончен. Новое, более чрезвычайное событие — попытка самоубийства, закрыло прежнее.

— Кончить бы этого неврастеника и все дела. Чего мы чикаемся, водку переводим. Зачем он нам нужен?

— Значит нужен. Тебя не спросили!

Слышал я бубнящие голоса из кухни, прерываемые бульканьем разливаемой водки.

— Кончить не сложно — чик и готово. А куда труп девать? В мусорное ведро? Куда от вони деться?

— Пора вылезать из берлоги. Пора! Пока с ума не походили...

Говорили еще долго и о разном. Но окончательную точку поставил Дед.

— Часы мы, увы не нашли. Будем надеяться, что это была досадная случайность. А если нет, злоумышленник, думаю, все понял. Операцию форсируем, далее откладывать нельзя, а то мы тут все перегрыземся. С самоубийцы впредь глаз не спускать. Дверь в ванную не запирать. Оружие будет храниться у меня и у Вольного. Сегодняшнее застолье было первым и последним. Все!

Утром следующего дня отключили воду.

— Прорвало канализацию, затопило первый этаж, — объяснил Хозяин, поговорив с соседями по подъезду. — Воду включают не раньше завтрашнего утра.

— Вот суки! — возмутился Шрам, отходя с пустой кружкой от сухого крана. — А на заборах пишут — «все для человека, все во имя человека!» А тому человеку от сушняка хоть даvisь!

Сидя в ванной под присмотром Бугая, я изводился догадками. Сработало или нет? Нашли записку или просмотрели? В любом случае надо быть готовым к неожиданностям. Вдруг сантехники оказались болтунами и скоро по дому пойдет слухок — мол, выгнали, а там часы с запиской — «Пишу с бандитской малины. Спасите! А то убьют!» А малина-то в нашем доме! Вот такие дела...

Что бы ни было, нарыв, похоже, созрел! Куда он прорвется, внутрь или наружу, можно только гадать. Но что прорвется в самое ближайшее время, сомнений не вызывает!

День, при всей его внешней похожести на предыдущие, прошел напряженно. Я, востря уши, слушал улицу, прокручивал свои действия во всех возможных и невозможных случаях, усыплял внимание охранника своей безразличной пассивностью.

Словно что-то чувствуя, ходил по квартире, часто заглядывая в ванну, Дед. Он явно нервничал, но, как видно, не мог вычислить причину своей тревоги. Она была за пределами прямой логики. Он просто ощущал опасность, как волк, как медведь в обложенной берлоге, хотя самой угрозы еще не видел.

Днем в квартиру кто-то позвонил. Я напрягся, зата-

ил дыхание. Похоже, началось! Бандиты, приготовив оружие, бесшумно пробежали в коридор, за ними потянулись Бугай. Я встал на колени приготовившись к действию.

Мимо! Кто-то перепутал номер квартиры. Я расслабился, осел на пол.

— Ты где должен быть? — недовольно спрашивал Дед Бугая.

— В ванной.

— Какого же рожна ты торчишь здесь?

— Так ведь...

— Так ведь... — передразнил Дед, — знай свое место и лишнего не рывайся. Надо будет — позовут!

Снова повисло напряженное ожидание.

К полудню следующего дня во дворе загудели машины

— Опять аварийная, — сказал Хозяин, выглянув в окно, — две машины.

— Поганая у тебя хата. Сплошные аварии! — сказал Шрам.

Снова позвонили в дверь.

— Кто там? — спросил Хозяин.

— Сантехник. Откройте. Мне смеситель сменить надо.

— Не нравится мне этот сантехник, — прошептал Дед. — Не открывай!

— Я никого не вызывал. Уходите! — крикнул через дверь Хозяин.

— Откройте! — настаивал сантехник, — у меня наряд! — и сильно забарабанил в дверь.

— Какого хрена смеситель, когда вентиля не перекрыты, — ахнул Дед. — Мусора это! — и, выхватив наган, рванулся к окну. — Аварийщики?! Кретин! Когда это аварийщики приезжали на двух машинах? И зачем они вообще приехали, если вода из кранов идет? Всем по местам!

— Открывайте, милиция! — крикнули из-за двери.

— Козлы поганые! — истерично закричал Шрам и побежал из кухни зажимая в руке большой столовый нож.

Бугай секунду стоял в замешательстве, потом потащил из-за пояса обрез.

Этот так просто себя не сдаст! Прихватит с собой одну-две милицейские жизни.

Бугай передернул затвор, дослал в ствол патрон.

И снова, подчиняясь минутной эмоции, я нарушил все возможные инструкции.

— Не уйдешь, сволочь! — произнес я вслух какую-то совершенно идиотскую, совершенно кинематографическую фразу.

— Чего? — автоматически спросил Бугай и повернулся ко мне корпусом.

— Сзади! — резко крикнул я, не давая ему опомниться.

Бугай резко повернул голову и тут же получил удар ногой в пах. Другой ногой я мгновенно ударил снизу по руке удерживая обрез. Винтовка оглушительно бухнула, пуля ударила в стену, осыпая меня осколками керамической плитки.

— Ты?! — удивился Бугай, держась за низ живота. — Гад!!! — и стал медленно выпрямляться.

Но я уже стоял на ногах. Следующим ударом я выбил Бугая в коридор, сыпанул в лицо горсть сухого табаку, собранного из найденных окурков сигарет, быстро

отошел, закрыл, запер на щеколду дверь. Пока Бугай очу-
хается, пока протрет глаза, пока поднимется, пока от-
кроет дверь в ванную, пройдет не меньше полминуты. К
тому времени милиция высадит входную дверь, тем или
иным способом утихомирят бандитов и, двигаясь по ко-
ридору, наткнется на Бугая. На него у них уйдет опять-
таки не меньше 25—30 секунд, парень он здоровый и
запросто его не скрутишь, придется повозиться. Таким
образом, получается, что мне обеспечена минута спокой-
ной жизни. Милиция нейтрализует угрозу, исходящую
от Бугая. Пока последний вскрывает ванную дверь, пока
сообразят что к чему, пройдет еще несколько секунд.

На все эти математические укладки у меня ушло ровно
столько времени, сколько потребовалось на то, чтобы
сорвать со стены зеркало. Я отступил к двери, сделал
шаг, прыгнул и с лету, двумя ногами ударил в распах-
нутую стену. Кирпичи с грохотом вывалились наружу.
Еще одним сильным ударом я расчистил образовавшееся
отверстие. Сзади часто загрохотали выстрелы — глу-
хие милицейских «макаровых» и лающие дедовского на-
гана. Не раздумывая дальше, я вытянул руки и рыбкой
нырнул в пролом.

В соседской ванной под душем, от изумления выпу-
чив глаза и раскрыв рот, стоял голый мужчина. Широ-
ко и дружески улыбаясь, чтобы он не успел испугаться
и приготовиться к защите, я поднялся, сказал «С лег-
ким паром!» и, связанными руками, не очень сильно, но
так, чтобы выключить его на несколько минут, ударил в
солнечное сплетение. Мужчина, так и не успев понять
что произошло и откуда объявился этот улыбчивый граж-
данин, охнул, сел в ванную под струю горячей воды. При-
хватив с полки безопасную бритву я открыл щеколду,
выскочил в коридор и сразу наткнулся на удивленные
глаза высунувшейся из комнаты женщины. Теперь очень
важно было не дать ей закричать, не позволить навлечь
на меня милицию. Следовало незамедлительно придум-
ать ей какое-то занятие. Человек, у которого появилась
работа, обычно молчит.

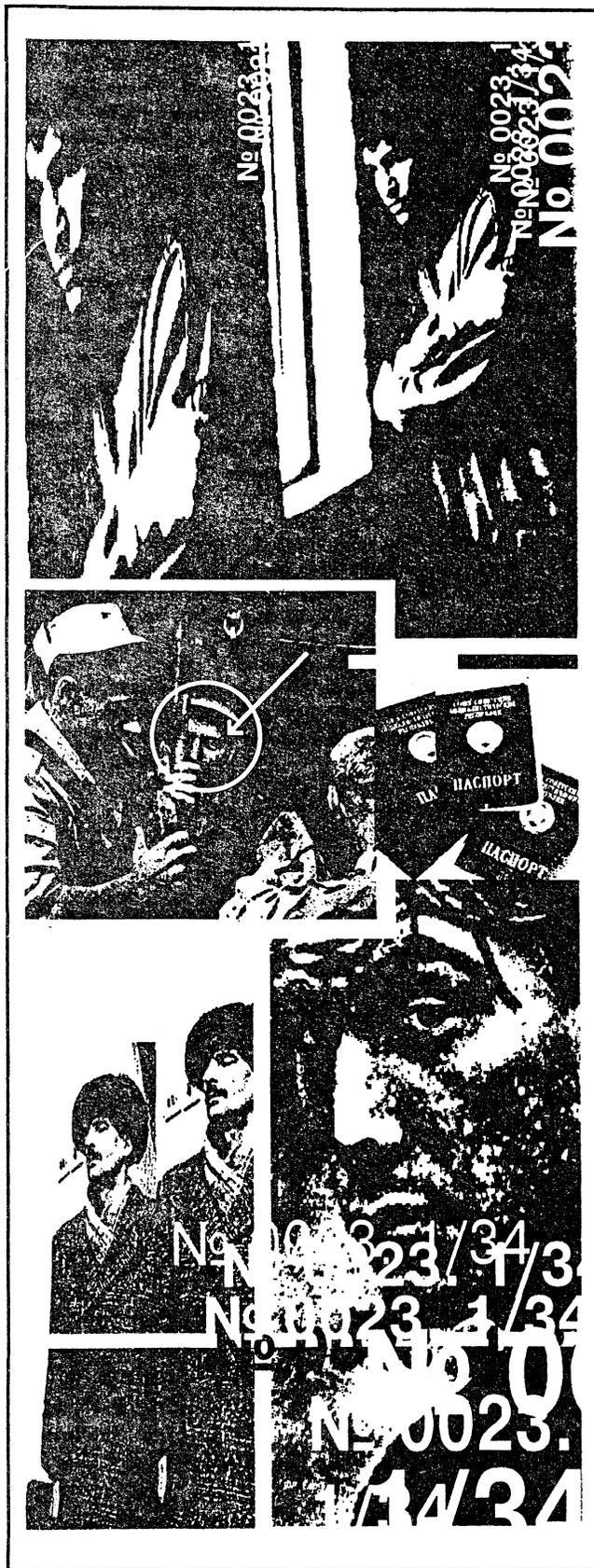
— Скорее, — крикнул я. — Вашему мужу плохо! Ну
же! Быстрее!

Словно замороженная женщина повернулась к откры-
той двери в ванную комнату. В ванной она пусть кри-
чит, причитает и зовет на помощь сколько угодно. На
улице ее уже слышно не будет. А за мною, имея на ру-
ках раненого супруга, она не побежит. Две, а то и три
минуты супруги будут заняты только собой, еще мину-
ту активной и потому бестолковой помощью работникам
милиции, появившимся в проломе. Этого времени мне хват-
ит за глаза, чтобы навеки покинуть эту квартиру, этот
дом и даже улицу.

Быстро пройдя в коридор я на ходу сорвал с вешал-
ки хозяйский плащ, набросил его на руки, чтобы скрыть
веревки, открыл дверь и спешно, но без излишней то-
ропливости, спустился по лестнице.

— Что там происходит? — поинтересовалась на треть-
ем этаже какая-то пожилая женщина.

— Кино снимают, — ответил я первое что взбрело в

голову.

— Да вы что! — всплеснула руками женщина, — а я ничего не знаю!

На улицу я вышел очень спокойно. Возле соседнего подъезда, вплотную к выходу, стояли автомобили аварийной службы с распахнутыми дверями, чуть дальше замерли милицейские бобики. С верхнего этажа неслись крики, ударило несколько выстрелов.

— Вы куда? Сюда нельзя! — выставил руки мне на встречу молодой сержантик. — Проходите, не задерживайтесь!

Любопытно оглядываясь, что делал бы на моем месте любой случайный прохожий, я отступил вглубь двора и с большим удовольствием выполнил просьбу сержанта, то есть не стал задерживаться и прошел мимо. Обойдя дом, я прошагал несколько кварталов, зашел в первый же подъезд, где с помощью прихваченной из супружеской ванной бритвы, срезал веревки на руках. Все. Я стал свободен.

Накинув плащ, я походкой скучающего человека, дошел до остановки, сел на трамвай и поехал, не важно куда, главное подальше от места своего почти двухнедельного заточения.

Теперь мне нужно было уходить из города. Немедленно! Сейчас же! Но уходить без надежных документов было чрезвычайно опасно. После такой отчаянной стрельбы, устроенной бандитами, после двух моих побегов из отделения и с разгромленной «малины», моей личностью заинтересуются всерьез. Естественно вокзалы, аэропорт, дороги будут перекрыты усиленными нарядами. А фотопортрет мой у них имеется. Проскочить будет очень непросто. Нет, без документов, а лучше нескольких документов на разные фамилии, не обойтись. И чем раньше я их раздобуду, тем лучше. Время работает против меня. Каждую новую минуту щели из города будут затягиваться все плотнее. Надо действовать, пока органы еще не очухались.

Снова толкаться в почтовых отделениях или кассах было опасно, к тому же там можно выудить паспорт, а мне желательны были и другие документы. Пожалуй, стоит рискнуть.

— Бабушка, где здесь военкомат? — спросил я первую попавшуюся на пути прохожую, — спасибо, бабуля. Дай бог тебе здоровья.

А мне удача, — это я уже подумал про себя. Без удачи в задуманной мною операции было нельзя!

В военкомате в коридорах, на лестницах, у дверей кабинетов толпами ходили молодые ребята-допризывники. Легко затерявшись в этом бедламе, я обошел военкомат, намечая тактику действия, привязываясь к местности. Конечно план мой был чистой воды авантюрой, но в случае успеха обещал хорошие дивиденды. А провала после того, как полмесяца походил под бандинскими дулами, я уже не боялся. Хуже уже не будет.

В туалете, запервшись в кабинке, я, как мог, привел в порядок одежду, побрился все той же, прихваченной из ванной бритвой. Выйдя, оглядел себя в зеркало,

подвигался, поиграл мимикой. Не самый лучший вариант, ну да ничего, авось проскочим. В конце концов районный военкомат не МХАТ, ценителей актерского мастерства здесь не так густо.

Из туалета очень уверенным шагом я прошел по коридору. Мои деловая целеустремленная походка, спокойное лицо выгодно должны были выделяться на фоне общей неразберихи и нервозно-растерянного ожидания.

— Уберите ноги из прохода! — строго велел я, проходя мимо развалившегося на стуле призывника.

Тот недоуменно подтянул колени. — Подумаешь.

Не замедляя движения, я прошествовал в конец коридора, открыл первую попавшуюся дверь. В мгновение пока дверь крутилась на петлях я, прикрывший ее непроницаемой броней, стер с лица уверенно-надменное выражение и нарисовал растерянно-искательное.

— Простите пожалуйста, — извинился я, — у вас не отыщется чистого листа бумаги? — обратился я к женщине, сидящей за ближайшим столом. — А еще один? Очень надо.

— Кто вам позволил войти сюда без вызова? — гаркнул немолодой майор, сидящий в глубине комнаты. — А ну, кру-гом!

— Простите, извините, — забормотал я, пятясь к выходу. И вновь, пока петли вертели свой полукруг, я сменил выражение лица на уверенно-хозяйское.

— И передайте ему, пусть ждет, — крикнул я в приоткрытую дверь, в последний момент увидав, как удивленно полезли вверх брови женщины, снабдившей меня бумагой.

Хлопнув дверью и перебирая, словно наскоро прочитывая вообще-то совершенно чистые листы, я прошел по коридору обратно.

— Вы не подскажете, где здесь 12 кабинет? — спросил меня робкого вида парень, клянувший на мои хозяйские манеры и уверенный вид.

— Дайте вашу повестку, — строго и громко, чтобы меня услышало возможно большее число призывников, попросил я. — Вы должны были явиться к 11 часам. А сейчас?

— Я не успел. Я хотел. Там трамваи не ходили, — начал, пряча глаза, оправдываться парень.

— В последний раз! — предупредил я. — А теперь поднимитесь на второй этаж и пройдите в конец коридора.

Я хорошо запомнил расположение и нумерацию кабинетов и теперь, не без пользы для разыгрываемого образа, использовал полученную информацию.

Еще два или три раза, играя на публику, я прошел по коридору без разбора заглядывая в двери. Скоро я добился того, что все меня принимали за (и не из последних) работника военкомата. Ко мне подходили с вопросами «А где я буду служить?», «Можно ли уже идти домой?», «Как попасть в морскую пехоту?» и т.п., на которые я с совершенно умным видом отвечал всякую чушь. Наконец, посчитав, что подготовительный этап завершен, что почва достаточно удобрена и пора разбрасывать зерна, я перешел к делу.

Из всего многообразия призывников я выбрал пять подходящих кандидатур: двух полных, с оттопыренны-

ми щеками и трех похожих на меня молодых ребят.

— Ваша фамилия? — строго одного за другим спрашивал я их, записывая что-то на листке бумаги. — Ваша? Ваша? Как? Повторите. Никуда не уходите. Ожидайте вызова.

Выждав пятнадцать минут, я ввалился в коридор и, глядя в несуществующий список, зачитал фамилии пяти намеченных кандидатов и пять или шесть взятых наобум — Иванов, Петров, Попов. Расчет был верен, последние фамилии были из наиболее распространенных и среди призывников нашлись их обладатели. Ивановых оказалось даже двое.

— Имя? Отчество? — уточнил я. — Вы оставайтесь. Вас вызовут отдельно. Остальным через пять минут собраться на втором этаже возле седьмого кабинета! Ясно?

— Ясно, — нестройно ответили призывники.

Возле седьмого кабинета, который, как я заранее проверил, был закрыт, я провел переключку.

— Иванов А.С.?

— Я!

— Уваров В.Б.?

— Здесь!

— Симоненко...

— Прошу внимания! Я старший инструктор по учету и распределению военных кадров и специалистов! Сейчас, — я указал пальцем на настенные часы, — 14 часов 10 минут. Через две минуты вы отправитесь по домам, а спустя еще два часа, то есть в 16.12 принесете сюда паспорта, комсомольские билеты, дипломы об окончании учебных заведений и курсов, трудовые книжки, у кого есть — права. Опоздавшим, то есть не явившимся в 16.12 сегодняшний день на работе будет засчитан прогулом. Вопросы есть?

— А у меня трудовая книжка на работе, — сказал кто-то.

— Зайдите в отдел кадров и попробуйте убедить выдать ее вам до завтрашнего утра. Конечно, это не положево, но крайне желательно. От этого, возможно, будет зависеть род войск, в который вы попадете, — добавил я личной заинтересованности. — Если вы не справитесь, то завтра мы выйдем на ваши организации с официальным письмом. Но лучше бы вы решили этот вопрос самостоятельно. Действуйте. Докажите вашу сметливость! — я даже улыбнулся ободряюще, на мгновение сняв маску официальности. Черт его знает, вдруг проскочит, в отделах кадров тоже ротозеи случаются.

— Иванов! — снова перешел я на строгий тон.

— Здесь!

Вы на сегодня назначаетесь старшим группы! Соберите у призывников повестки и передайте мне. Все! Сдавшие документы свободны до 16.12.

До указанного срока я тихо, стараясь не бросаться в глаза, просидел на стуле, приставленном у мало посещаемого кабинета. Жизнь в военкомате текла своим чередом — ходили военные, туда-сюда сновали гражданские женщины с пайками, выкликали фамилии, писали не явившихся призывников, в том числе и моих, отправленных за дополнительными документами. Конечно, я мог

эти два часа погулять по улицам, но во-первых, здесь было гораздо безопасней (ну кому придет в голову искать меня в военкомате?), во-вторых, мне надо было быть в курсе происходящих событий.

Ровно в 16.12 я из дальнего коридора врезался в толпу ожидавших меня призывников.

— Иванов!

— Я!

— Доложите отсутствие!

Из моих кандидатов не пришел только один.

— Прошу сдать документы старшему, — распорядился я и доверчивые юноши понесли на алтарь моей беспризорности свои настоящие с натуральными печатями и штампами «ксивы».

— На сегодня все свободны, — сказал я, забрав увесистую стопку документов, — завтра в 14.00 явитесь в 39 кабинет (такого в военкомате в помине не было, отчет заканчивался на цифре 30). Спросите лично меня.

— А повестки?

Повестки отметим завтра сразу за два дня. Все свободны. Старшему группы выражаю благодарность!

Старший Иванов, только что обобравший своих товарищей, зарделся от гордости.

— Больше никого не задерживаю.

Таким образом я разом получил несколько комплектов (то есть все желаемые документы вплоть до трудовых книжек и комсомольских билетов!) первоклассных бумаг, удостоверяющих мою личность. Я снова обрел статус гражданина страны, со всеми вытекающими из действующей конституции правами. Ни в очередях толкаться не пришлось, ни в чужие карманы лазить! Желаемое принесли мне прямо в руки — возьмите пожалуйста!

В кабинке туалета я тщательно рассортировал документы. Более всего мне подходили три фамилии. Остальные документы я, сложив в полиэтиленовый мешок, обязал какого-то призывника передать дежурному по военкомату. Не стоило доставлять людям неприятностей больше, чем это было необходимо. И так их завтра ждал трудный день: поиск несуществующего 39 кабинета, какого-то инструктора по учету и распределению и, наконец, осознание того, что их просто-напросто балаганно одурачили.

Следующим необходимым номером моей, довольно-таки эксцентрической программы, было изменение внешнего вида. Роскошь мелькать по вокзалам своей, уже приметной для органов физиономией я себе позволить не мог, имея даже самые надежные документы. Вспоминая уроки грима, я начал перерисовывать свое лицо под облюбованного еще раньше толстячка. Щеки я приподнял, засунув в рот, за коренные зубы, хорошо пережеванную бумагу, нос расплющил с помощью того же нехитрого приема — затолкав бумагу в ноздри. Неприятно, конечно, но что поделать, безопасность важнее удобства, тем более красоты.

Теперь моя физиономия значительно приблизилась к оригиналу на паспортном фото и практически ничем не напоминала портрет своего истинного хозяина. А уж

по словесному описанию — лицо худое, вытянутое.. меня не смог бы распознать и сам преподаватель «опознанный». В довершение всего я, зайдя в парикмахерскую, укоротил шевелюру до пределов, надлежащих иметь собравшемуся в армию призывнику.

Вот такой я удалец-молодец! А если смотреть в зеркало, то вовсе даже и не я. А если смотреть в документ, то уж совершенно не я, а какой-то Филимонов Петр Ефремович!

И ходить мне в этом толстеньком обличии, постоянно обновля бумажные набивки, дня два-три, пока не унесет меня поезд подальше от этого города, доставившего мне столько неприятных минут. Адью городок моего невезения!

Обеспечив известным манером себе денежную наличность, гардероб и необходимые в дороге вещи, я отбыл на вокзал. И, видно в наказание за мою чрезмерную самовлюбленность — опять расхвастался, распелся как новобрачный кенар перед своей пернатой подружкой — и раннюю зйфорию, судьба отвесила мне напоследок небольшую отрезвляющую оплеуху.

Нос к носу меня вынесло на.. да, да, вы угадали, моего старого знакомого-сержанта. Он стоял все под тем же фонарем и внимательно наблюдал проходящую мимо толпу. Он искал меня! Конечно меня! Не мог он простить себе случившейся полмесяца назад промашки и теперь мечтал отловить меня второй раз. Буквально в двух шагах от него застыл я в полной растерянности. На мгновение пережитый на этом месте страх вернулся ко мне, отнял конечности, лишил дара речи. Это ж надо! То же место, те же обстоятельства, те же лица! Хотя нет, одно лицо другое. Совсем другое — овал полный, черты размазанные, стрижка короткая. Не узнаешь ты меня, сержант. Смотришь в упор и не замечаешь!

— Вы что стоите, гражданин? — спросил сержант, глядя мимо меня.—Проходите, не мешайте людям.

Ах как подмывало меня подойти вплотную, заговорить, спросить с какой платформы уходит поезд, выслушать ответ, хлопнуть его по плечу, сказать «Стоишь, сержант?». Как хотелось удало, красиво гарценуть перед, собственно говоря, своим одногодком и почти коллегой. Вот, мол, как я тебя красиво сделал!

Но вдруг я понял, что не удаль во мне играет молодецкая, а как раз наоборот, сопливое детство. Ведь не хвастовства ради попал я сюда и ухожу отсюда. Не при-

ключения ради словно хомяк набил щеки бумагой. А все это: и надутые щеки и нос, и чужие, лихо позаимствованные документы в кармане, и побег из бандитской малины, и ожидающий меня поезд, идущий в никуда — не игра в казаки-разбойники, а просто моя работа. Нервная, иногда рискованная, иногда скучная работа. Обычная — как у станка.

Я стоял и думал: нет, сержант, не подойду я к тебе, не хлопну по плечу и не спрошу, где здесь платформы. Ничего я тебе не скажу. И никому никогда не расскажу ни о себе, ни об этом, в общем-то симпатичном городке, где чуть не провалил я свое первое задание, ни о своих героических приключениях, ни о своей завидной изобретательности. Не могу я ничего никому рассказать, кроме своих учителей. А им мои побасенки без интереса. Им интересен результат, которого все еще нет!

— Прощай, милиция! — сказал я про себя и, развернувшись, зашагал к перрону, где ждал меня поезд, потом дорога, потом неизвестный город, работа, жилье, новые друзья и недруги, то есть все то, что образует понятие натурализация и за что мне очень серьезные экзаменаторы будут ставить или не ставить зачеты.

Я шел по перрону и еще не понимал, что мгновение назад сделал выбор. Не тогда, когда попал в учебку, и не тогда, когда получил экзаменационное задание, и не когда бежал из отделения, и даже не когда решал кроссворд с Дедом и прочими четырьмя неизвестными, а сейчас, когда просто сказал сержанту — «Прощай, милиция!»

Прощай прошлое! Прощай юность! Мой поезд уходит. Через 15 минут!

Потом был поезд. Я стоял у запотевшего вагонного окна, смотрел в темноту, слушал перестук колес. Мне было легко, потому что никуда не надо было бежать, ни от кого не надо было отбиваться, ничего не надо было добывать, все это было впереди. И мне было грустно, потому что я был один. Один-одинешенек! Вокруг были люди, но никого из них я не мог допустить в свою тайну. И ею, этой тайной, я был отгорожен от окружающих прочнее, чем самым высоким забором. В этом поле я был единственным воином. И мне, в опровержение известной пословицы, надлежало выиграть! Только выиграть!

Я вздохнул, оторвался от окна, сказал себе — «Держись, парень! Пора начинать все с начала!» и, осветив лицо обворожительной улыбкой, открыл дверь в купе:

— Здравствуйте! Вы куда? Давайте знакомиться!

Конец первой части

Продолжение в следующем номере.

Из всех видов умственных игр, из множества забав со словом сегодня популярны, пожалуй, одни кроссворды. А все остальное — ребусы, шарады, примыкающие к шарадам акrostихи, метаграммы, арифмоиды — подзабыто. Мы решили напомнить о них...

Выбирать филологические «головоломки» будем из старых периодических изданий, ведь все эти невинные игры — зеркало истории. Пусть маленькое, карманное, но зеркало, отражающее дух времени, его неповторимые приметы. Чтобы отгадать даже самую простенькую задачу, современному читателю придется охотиться в ту, например, эпоху, когда дамы в турнирах и господа в цилиндрах дивились чуду кинематографа, называли велосипед «бициклом» и самым волнующим событием современности считали англо-бурскую войну. Попади мы на вечеринку, где эти дамы и господа салонно играли в шарады, мы вряд ли показались бы им всезнающими. Большая часть головоломок крепко озадачила бы нас... Ведь некоторые из загадываемых слов мы просто утерли.

Иные слова ушли вслед за явлениями, их породившими. Кто например, помнит, что «малоросс, занимающийся

извозом» — это чумак. Другие слова просто уступили дороге более точным и современным. Кто распознает нынешний «автомобиль» в такой шараде: «первое мое — пшют и гуляка, а второе мое — гвалт». Лишь тот, кто вспомнит, что раньше «автомобиль» назывался «мотором».

Когда не стало турниров и цилиндров, пшютов и бициклов, зеркальце ребусов, кроссвордов, шарад отразило новые веяния в новых же словах. В тридцатые годы классовая борьба прочно внедрилась даже в самые мирные интеллектуальные игры.. Идеологические головоломки тех лет мы непременно представим нашим читателям вместе с возможностью примерить на себя, как прадедову шинель, забытый стиль мышления.

А интересно; какие модные явления, а следовательно, термины привлекают нынешних авторов филологических игр? «Словоборье» не обойдет и этот вопрос...

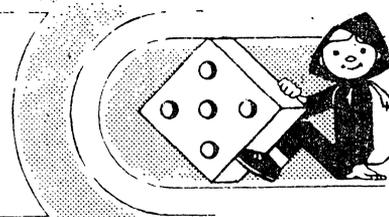
Итак, настройтесь на салонно-семейный вечер и запаситесь терпением.

Сегодня мы познакомим вас с ШАРАДОЙ и ее забавными родственниками, которые мы взяли из журнала «Родник» (1888, 1902 г.г.).

Рубрику ведет Мария КОНОВАЛОВА

ОЗАДАЧИМСЯ ПРОШЛЫМ?

Словоборье

ШАРАДЫ, МЕТАГРАММЫ, ЛОГОГРИФЫ

Шарады

1. Первое — оторочка; второе — мѣстоименіе; цѣлое — городъ в Китаѣ.
2. Первое — извлекается изъ животныхъ; второе — союзъ; третье — нота; цѣлое — животное.
3. Первое — болезнь; второе — мѣстоименіе; цѣлое — ветеръ.
4. Первое — отрицаніе; второе — предлогъ; третье — карульня; цѣлое — цветокъ.
5. Первое — то союзъ, то восклицаніе; второе — названіе буквы; третье — употребляется въ бильярдной игрѣ; целое — мужское имя.

Метаграммы

1. Съ А на концѣ — наказаніе; съ П — то рыба, то мужское имя; съ С — городъ на Кавказѣ; съ Л — мужское имя.

2. Съ Д — добровольный отказъ въ пользу другого лица; съ П — машины двигает; съ Ж — противоположность колоду; съ Ш — безъ начала, безъ конца

3. Съ Й на концѣ — месяцъ въ году, съ Г — волхвъ; съ К — растеніе.

Логогрифы

1. Задуманное слово — защита; безъ первой буквы — скрѣпленный бревна; безъ двухъ — мѣра въ са; безъ трехъ — предлог.

2. Съ одной головой — рыба, съ другой — большое страданіе.

3. Съ одной головой — орган; перемѣните голову — то, безъ чего нельзя испечь хлѣбъ.

4. Слово означаетъ малоросса, занимающагося извозомъ; безъ послѣдней буквы — болѣзнь; безъ двухъ — въ чемъ жить нѣкоторые инородцы; еще отбросивъ букву — получите восклицаніе.

Ответы на головоломки "Словоборья" на стр. 69

Алексей РЕШЕТОВ

«Я ВЕРЮ — БЕССМЕРТНА РОССИЯ»

Я слышал растерянный лепет.
Что, дескать, Россия больна,
И, как умирающий лебедь,
Не сможет воспрянуть она.
Близка, неизбежна кончина.
Вот-вот свою песнь допоет.
Вот-вот догорит, как лучина.
И мы потеряем ее...
Не верю породе крысиной,
Сбегающей прочь с корабля!
Я верю — бессмертна Россия,
И небо ее, и земля!
Россия не лебедь плаксивый.
Россия преславный сраел,
Который великие силы
Не раз в испытаньях обрел.
И те, кто действительно любят
Ее и во время невзгод,
Те истинно русские люди
С надеждою смотрят вперед.

Отрадная ранняя осень.
На утрених лужах ледок.
Но все еще пчелы и осы.
Собирают цветочный медок.
Деревья — одни пожелтели.
Другие — еще зелены.
И птицы — одни улетели,
Другие — отчизне верны.

«Мы с тобой на кухне
посидим...»
О. Мандельштам.

Я души в тебе не чаю.
Что ж ты хмуришься, жена?
Завари-ка лучше чаю,
Раз уж нет теперь вина.
Хорошо у нас на кухне
У печного огонька.
Вот и жить бы влюбле, вкупе
До последнего звонка.
Не журись, что мы стареем,
Что проходят жар и хмель.
Мы не раз еще согреем
Нашу грешную постель.
Может быть, Господь и чадо
Нам пошлет, чтоб жить втроем.
А пока давай-ка чаю,
Как путевые, попьем.

Дерево возле пивного ларька,
Ты мне любимой моей показалось.

Я любовался тобою, пока
Пивом канистра моя наполнялась.
Той же прически осенняя медь.
Те же движенья и та же осанка.
Множество милых совпавших примет.
Даже недавно зажившая ранка...
Дерево возле пивного ларька,
Я не решился к тебе прикоснуться
Слабой, дрожащей рукой старика.
Только глядел. И боялся очнуться.

ДУША

Как будто под каменным грузом,
Сидел я над белым листом.
И тут появилась не Муза,
А мышка с облезлым хвостом.
Схвативши столетнюю корку,
Лежавшую возле стола.
Она унесла ее в норку,
Где свора детишек ждала.
Но вдруг она вновь появилась
Уже совершенно иной:
Лицо ее дивно светилось,
И крылья росли за спиной.
И вот, что сказала норушка:
— Ты думал — я не хороша?
Сначала ты видел наружность.
Теперь пред тобою душа.
И ты не брани свою внешность.
И в зеркало так не смотри.
Авось, и за нею, за грешной
Есть что-то святое внутри.

Когда я во Храме стою у порога,
И колокол душу мою бередит,
Единственный Сын Человека и Бога
Глядит на меня испытующе строго,
А Дева Мария печально глядит.

Живом, постоянно вздыхая.
Вселенная нам — каземат.
За нами, как два вертухая,
Пространство и Время следят.

Замечали: летним днем
Красный мак горит огнем.
Но рассеять ночи мрак
Он не может, красный мак.

Звенят снегири на опушке.
Завязли в сугробах дома.
Замерзла водица в кадлушке.
Забава. Забота. Зима.

Герману Иванову
Зачем, поэт, словарь толковый
Такой большой тебе иметь?
Нужны всего четыре слова:
Земля и небо, жизнь и смерть.

ГОЛУБЫЕ ЦВЕТЫ

Недалеко от пермской тюрьги,
Где, надеюсь, не сиживал ты,
В прикладбищенском тихом овраге
Расцвели голубые цветы.
И сжимается сердце в обиде:
Я один этим венчикам рад.
Ни острожники их не увидят.
Ни усопшие их не узрят.
Для чего же старалась природа
Создавать образцы красоты,
Если жизнь, и любовь, и свобода —
Лишь синонимы жалкой тщеты?
Для чего же весь мир этот создан,
Где цветы так чисты и нежны,
Но для тех недоступны, как звезды,
А для этих уже не нужны.

ГЕТЕ

Мне снится, что в каменном гроте
Я скрылся и к щелчке приник.
И ходит по берегу Гете,
Прекрасный, как Боги, старик.
Он воздухом вечности дышит
И тростью, захатой в руке.
Легенду о Фаусте пишет
На небе, на млечном песке.
Он ходит, бессмертный и старый.
Один на вселенском ветру.
И нет ему ровни и пары:
Я скоро проснусь — и умру.

В 1926 году пензенские чекисты в своем родном городе напали на след злостного преступника — бывшего белогвардейца, который, по их подозрению, имел непосредственное отношение к гибели прославленного военачальника, героя Гражданской войны Василия Ивановича Чапаева.

Преступника арестовали и бросили в тюрьму. Против него было возбуждено следственное дело. Три столичных газеты — «Правда», «Известия» и «Красная звезда» — опубликовали экстренное сообщение: «Пенза, 5 февраля (РосТа). Местным ГПУ арестован колчаковский офицер Трофимов-Мирский, убивший в 1919 году попавшего в плен пользовавшегося легендарной славой начальника дивизии тов. Чапаева. Мирский служил счетоводом в артели инвалидов в Пензе».

Сенсационное сообщение не на шутку всполошило читателей. Верить или не верить газетам? Если верить, то как же тогда быть с романом писателя Дмитрия Фурманова «Чапаев»? Выходит, что начдив вовсе не утонул в реке Урал, а был взят в плен и затем застрелен колчаковским офицером с двойной фамилией?..

Однако, никакого продолжения этой темы не последовало, и люди постепенно стали забывать о сенсации.

Вероятно, результаты того судебного разбирательства так бы и остались неизвестными, если бы не дошность московского историка-чапаевода Михаила Александровича Жохова. Вот уже почти полвека этот неутомимый следопыт изучает жизнь и боевую деятельность В.И. Чапаева. Он выпустил несколько книг, в газетах постоянно публикуются его статьи в защиту легендарного начдива от клеветы и напраслины.

Он-то и обратился в управление КГБ Пензенской области. И вскоре из Пензы ему пришло письмо — официальное сообщение об итогах суда

Владимир РАЗУМНЕВИЧ АКТЕР МИРСКИЙ И НАЧДИВ ЧАПАЕВ

над Трофимовым-Мирским. Вот оно: «Трофимов-Мирский Н.М. действительно в 1926 году арестовывался Пензенским губотделом ОГПУ по обвинению в том, что он в 1918-1920 годах, будучи командиром отряда белой армии, участвовал в карательных действиях по уничтожению пленных красноармейцев, в том числе и Чапаевской дивизии. В ходе следствия Трофимов-Мирский в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал. В июле 1926 г. следственное дело в отношении него было прекращено, а он из-под стражи освобожден».

Как же сложилась дальнейшая судьба Трофимова-Мирского?

Получив письмо из Пензы, М.А. Жохов не счел поиск законченным и снова обратился в управление Комитета госбезопасности с просьбой, ознакомить его со следственными материалами по делу Трофимова-Мирского. Оказалось, что все документы переданы из Пензы в Москву. Вскоре их предоставили исследователю.

Вот что узнал Михаил Александрович из личного дела подсудимого. Казак Николай Михайлович Трофимов-Мирский родился в Уральске в 1896 году. По традиции казачества в свой срок был определен на военную службу. Чтобы стать офицером, прошел юнкерское обучение. Со слов опрашиваемого зафиксировано: с марта 1917 по январь 1918 года был командиром казачьей сотни. Начавшиеся весной 1918 года боевые дей-

ствия закончились в январе 1920 разгромом белоказачьей армии. Скрываясь в бухарской степи, в военных действиях не участвовал...

Оказалось, что пензенский суд не был для него первым. В марте 1922 года он уже побывал на скамье подсудимых в городе Архангельске. Его обвинили в том, что был командиром казачьей сотни. Определили пятилетний лагерный срок. Но не прошло и полгода, как отпустили на свободу.

Кем же был на самом деле этот Трофимов-Мирский, дважды угодивший в тюрьму?

Историку помогла заметка под названием «Человек-зверь», опубликованная в пензенской газете «Трудовая правда» во время суда. В ряду многих фактических искажений и несуразиц в ней было мимолетное упоминание о «принадлежности Трофимова-Мирского к профсоюзу работников искусств и о его актерской профессии». И М.А. Жохов задался целью найти актерский след уральского казака, пензенского счетовода Николая Михайловича Трофимова-Мирского.

Это оказалось непросто, ибо он, спасаясь от бдительных чекистов, вынужден был в двадцатые и тридцатые годы то и дело менять места жительства, переезжать из города в город, из одного театра в другой. За ним всюду вели бдительную слежку.

Наконец, сотрудница архангельской библиотеки им. Добролюбова Ольга Соловьева обнаружила в «Известиях Архгубисполкома» за 2 и 10 июля 1922 года несколько рецензий на спектакли местного драмтеатра, в которых выделено исполнение артистом Мирским заглавной роли в пьесе А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» и роли князя Мышкина в инсценировке романа Ф.М. Достоевского «Идиот»... Приоткрылась лишь одна страница биографии казачьего сотника — провинциального актера. Поиск продолжается. Похоже, что уральский казак был не приверженцем воинственного Марса,

а поклонником мирной Мельпомены, и вторая его фамилия — это сценический псевдоним. А упоминание о работе счетоводом... Что ж, всякое бывает в жизни. Не исключено, что некий «доброжелатель» сообщил куда следует о первой

лагерной отсидке, и «белогвардейца» выжили из театра. А потом последовал и второй арест, не случайно в следственном деле говорится, что поводом для него явились «поступившие сведения», то есть элементарный донос.

Так потерпела фиаско еще одна версия гибели Чапаева, но последний путь легендарного начдива до сих пор овеян таинственностью..

г. Москва

В центре Нижнего Тагила, по содействию с драмтеатром им. Мамина-Сибиряка, на холме высится старинное здание с шестиколонным портиком. Здание — памятник русской архитектуры XIX века, творение крепостного архитектора А.П. Чеботарева, сооруженное в 1829 году. Ныне здесь размещается поликлиника второй городской больницы.

Перед входом в здание, на большой цветочной клумбе установлена бронзовая скульптура женщины сидящей на пьедестале, с поднятой рукой.

Это Андромаха. В греческой мифологии жена Гектора, сына царя Трои. В поэме «Илиада» она воплощает идеал преданной и любящей жены.

Но откуда взялась скульптура в Тагиле и какова ее связь с лечебным учреждением? Оказывается, и старинное здание, и скульптура Андромахи — страницы истории тагильских заводчиков Демидовых. Здание в стиле русского классицизма возве-

Константин ЛЯПЦЕВ ТАГИЛЬСКАЯ АНДРОМАХА

дено по распоряжению владельца заводов Николая Никитича Демидова, жившего тогда в Италии. Строилось здание специально для заводской больницы и аптеки.

Умирая во Флоренции, Николай Никитич завещал похоронить его в Нижнем Тагиле. По приказу его старшего сына — Павла Николаевича — здесь была построена Выйско-Никольская церковь стала, усыпальницей рода уральских заводчиков.

В 1885 году там же, в Италии, умер внук Н.Н. Демидова — Павел Павлович Демидов князь Сан-Дonato. Как и деда, его похоронили в родовом склепе.

Супругой Павла Павловича была Елена Григорьевна Трубецкая, внуч-

ка декабриста С.П. Трубецкого. Ее бабушка — Екатерина Ивановна — первая из жен декабристов последовала на тридцатилетнюю каторгу и ссылку за осужденным мужем.

По желанию княгини Е.Г. Демидовой и была изготовлена и установлена на надгробии ее скульптура Андромахи, а рядом на обелиске выбита надпись: «Возлюбленному Павлу — Елена».

В 1964 году Выйско-Никольская церковь была разрушена. На ее месте воздвигнут Дворец культуры «Юбилейный». А скульптура Андромахи, тоже представляющая историческую ценность, по просьбе тагильских краеведов извлечена из демидовского склепа и установлена на клумбе перед входом в городскую поликлинику. Она взята на государственный учет Нижнетагильским музеем-заповедником горнозаводского дела на Среднем Урале.

г. Нижний Тагил

Если образно назвать вятский край старообрядческим «морем», а экспедицию сотрудников БАН (Библиотека Академии наук) из Санкт-Петербурга — «неводом», то можно сказать, что недельный июльский «улов» прошлого года был удачным. «Выловлен», например, прекрасно сохранившийся экземпляр «Скитского покаяния», напечатанный в типографии Л.А. Гребнева и прежде встречавшийся только в виде фрагментов.

Уже полтора десятилетия археографы БАН изучают историю народной культуры и современное состояние духовной жизни на материале вятского края. На этот раз маршрут экспедиции пролегал от Верхнекамского района на севере до Вятскополянского — на юге, а в фокусе поисков

Владимир СЕМИБРАТОВ «УЛОВ» УЧЕНЫХ- АРХЕОГРАФОВ

был старообрядческий самородок-просветитель Лука Арефьевич Гребнев. Для готовящейся книги о нем были записаны устные рассказы знавших его старожиллов. По ним можно судить, как воспринимали личность и труды писателя, типографа, иконописца, библиофила его современники.

Обрадовала ученых и другая находка — рукописный сборник духовных стихов, распетых по крюкам. Он

найден был в г. Омутнинске у старообрядцев австрийского согласия. Наряду с известными текстами, в нем оказалось и довольно много редких. Это позволит внести поправки в первую книгу многотомного свода русских духовных стихов, практически подготовленную к выходу в свет. Она будет полностью «вятской». Если найдутся деньги на бумагу и типографские расходы, взятое у вятчан с благодарностью вернется к ним уже в будущем году.

В Омутнинске же археографы приобрили иллюстрированный список жития византийского подвижника Василия Нового, сделанный на рубеже XVIII-XIX веков. Это излюбленное в среде православных произведение много раз издавалось, но вот с «картинками» встречается весьма редко.

По мнению руководителя экспедиции доктора исторических наук А.А. Амосова, в нынешних условиях быстрого исчезновения традиционных ценностей рекомендации ученых по их сохранению и возрождению могут быть весьма полезны.

Впервые в составе экспедиции было два профессионала-реставра-

тора, получивших подготовку в отделе консервации книги БАН. Руководители ряда старообрядческих общин обогатились советами по профилактической обработке старинных изданий. Были частично отреставрированы книги в одной из церковных библиотек. Подобная практика будет продолжена и впредь.

— Порадовало нас то, — говорит Александр Александрович, — что наши давние знакомые сохранили свой оптимизм и веру в то, что трудности наших дней — преходящи.

в. Киров

Со школьной скамьи помню о голоде в Поволжье в 1921 году. Но от нашей местности — бывшего Красноуфимского уезда — Поволжье сравнительно далеко — значит, у нас благополучно было?

Листаю сборник «Из истории Свердловской области. 1917 - 1975 г.г.» (Свердловск, 1982 г.) и нахожу, что 31 октября 1921 года Екатеринбургским губком РКП(б), губисполком и губэкономсовет делают представление в Совет Труда и Оборону:

«...2. Признать уезды Каменский, Красноуфимский и Екатеринбургский пострадавшими от неурожая и применить к ним все вытекающие меры, относящиеся к голодным местностям.

3... б) Снять приписку по оказанию помощи голодающим Уфимской губернии и организовать внутригубернскую помощь голодающим трех уездов...»

Выходит, что и Красноуфимский уезд — тоже голодная местность!

Изучаю документы в местном филиале Госархива Свердловской области. В фонде Р-6, первой описи, нахожу дело под сотым номером: «Отчетные доклады Уисполкома о работе отделов и комитетов за 1921 год.»

Александр ТРОФИМОВ В ГОЛОДНОМ 1921-м...

В папке с документами хранится «Доклад Красноуфимской уездной комиссии помощи голодающим за время с 9.8 по 15.10 1921 года».

В нем приведены данные о поступивших пожертвованиях. Сдавали и принимали все: 228 пудов ржи, 90 пудов 11 фунтов овса, два пуда 17 фунтов пшеницы, мука разная, сухари, картофель, капуста, лук, конопля, лен, куделя, холст, нитки, крупы, рыба, сахар, соль, лекарственные травы, шерсть, мыло, яйца, масло, полушубки — пять штук и 10550453 руб. две копейки деньгами. Более десяти миллионов! Цифра большая, но... на рынках Екатеринбурга рожь в зерне стоила от 140 до 170 тысяч рублей за пуд, пшеница — 200 - 230 тысяч, мука пшеничная — до трехсот тысяч за пуд. За один килограмм пшеничной муки — свыше 18 тысяч рублей!

Почти все пожертвования распоряжением Екатеринбургской губкомиссии отправлены голодающим Уфимской губернии.

В заключение сказано: «...в виду постигшего Красноуфимский уезд стихийного бедствия — неурожая, уже в данное время жители многих волостей уезда питаются суррогатами: рябиной, липой, лебедой, желудями... соломой и т.п., вследствие чего участились случаи голодной смерти и целые тысячи населения волостей Артинской, Манчажской, Саранинской, Сажинской, Поташинской и др. обречены также на голодную смерть. Поэтому желательно бы прекратить вывоз пожертвований из пределов Красноуфимского уезда».

Годы идут... Беседую с коренным ачитцем Константином Васильевичем Шистеровым. Он с 1905 года рождения. Рассказывает, что родители умерли от тифа в первые годы новой власти.

«Сперва тиф, а затем голод. В 1921-м среди поля, на дорогах встречались мертвые...»

Пос. Ачит, Свердловской обл.

Ответы на головоломки "Словоборья"

Шарады: 1.Кантонь, 2.Жирафа, 3.Тифонь, 4.Незабудка, 5.Акакий.

Метаграммы: 1.Кара, Карп, Карс, Карл. 2.Дар, пар, жар, шар. 3.Май, маг, мак.

Логогрифы: 1.Оплот,плот,пот,от. 2.Щука,мука. 3.Рука,мука. 4.Чумак,чума,чум,чу.

Юний ГОРБУНОВ

ХРИСТОВЫ НЕВЕСТЫ

ЕВФРОСИНИЯ СУЗДАЛЬСКАЯ

Рисунок Марии БАЖЕНОВОЙ

В черниговском храме шла торжественная обедня — поминали св. Феодосия, когда трапезница с кушаньями вдруг дрогнула, накренилась, упала чаша, стоявшая с краю, пол под ногами гостей и монахов задрожал, и великое смятение произошло под сводами. Испуганные голоса молитв, торопливое колелопреклонение, толчея...

Только Феодулия не тронулась с места, не прервала молитву, обращенную к Пресвятой Богородице, а, напротив, посветлела ликом. Происшедшее восприняла как чудо, явившееся ей в ответ на мольбу к Богородице сохранить ее в девстве, уберечь от замужества, ибо Христовой невестой решила остаться до скончания века. Даже голос услышала Феодулия, к ней обращенный, не заглушаемый возгласами и топотом ног: «Повинуйся, — прозвучало под сводами, — и скверна не коснется тела твоего...»

Дрожание тверди земной в мае 1230 года, наиболее ощутимое на юге, гигантской колесницей прокатилось по всей Руси. Феодулия могла только изумляться, что к ее тайне как бы оказался приобщенным весь христианский мир.

С того дня она уже не хмурилась отцу и не перечила матери, когда они заводили речь об обручении. Со светлым ликом приняла перстень, доставленный от князя, коего сосватали ей родители. А летом собрали невесту в дальний путь, и длинная княжеская кавалькада понесла ее от родных мест к жениху в северный город Суздаль.

«Повинуйся, — звучал в ней голос Пресвятой Девы, — и скверна не коснется тела твоего.»

Феодулия была первой и долгожданной дочерью черниговского князя Михаила, внука того самого долгожителя Святослава, с которым Рюрик неприяженно делил киевский стол. И родилась она не в Чернигове, а в Киеве же в 1212 году, когда там короткое время княжил ее дед — Всеволод Святославич по прозвищу Чермный. В киевском Печерском монастыре, в храме Пречистой Богородицы, приняла он святое крещение и получила имя Феодулии, что в переводе с греческого означает «раба Божья».

Михаил, князь просвещенный и добродетельный, как отзывается о нем предание, сам, сколько позволял досуг, наставлял дочь грамоте, но в основном доверил ее попечению близкого ему боярина Феодора. Тот выделялся не только беззаветной преданностью князю, но и греческой ученостью.

В первоначальном «Житии» нашей героини, причисленной позднее к лику святых, находим уже вовсе удивительные сведения: «А еще и не во Афинах учился блаженная, но афинейски премудрости изучи: философию же и риторию и всю грамматику, числа и кругов обхождение и вся премудрости».

Чтобы написать такое о русской женщине XIII века три столетия спустя, а именно в пору царения Ивана Грозного, надо было чем-то достоверным располагать, а главное — набраться мужества, чтобы столь выгодно противопоставить княжескую дочь домогольской поры современной теремной затворнице. Житийные страницы прямо перечисляют авторов, книги которых, якобы, «познала» Феодулия: поэтов Вергилия и Гомера, философов Аристотеля и Платона, медиков Галена и Эскулапа.

Мнение о высокой образованности всей семьи Михаила Всеволодовича подтверждается и сведениями о другой его дочери — Марии, супруге ростовского князя Василька Константиновича. Современные историки считают, что эта княгиня была прямо причастна к составлению русского летописного свода той поры, когда Ростов на какое-то время стал духовным центром Руси. Академик Д.С. Лихачев эту

часть свода так и называет — «летописанием Марии». Оно буквально пронизано эмоциональным «культом» двух князей — ее мужа, Василька Константиновича, и отца — Михаила Всеволодовича, погибших мученической смертью от рук монголо-татарских пришельцев. О Марье-летописице есть небольшой, но емкий очерк в книге Светланы Кайдаш «Сила слабых» (М., 1989).

Историк женского образования в России Е.О. Лихачева предполагает, что в пору принятия от Византии христианства в некоторых русских княжествах были наверно попытки перенять в том же объеме и курс наук византийской школы. А между дочерьми и сыновьями в семьях княжеских тогда больших различий не делалось. Историки запросто сообщают, что сестра Ярослава мудро — Предслава — имела переписку с братом. Уметь грамоте княжеской дочери подобало хотя бы потому, что ей всегда могла представиться выгодная партия за пределами русских границ. В княжеской политике дочери значили подчас не меньше сыновей.

Русские женщины домонгольской поры еще не знали терема, имели равные с мужчинами возможности (великое княжение Ольги в Киеве лучшее тому свидетельство). И в основе разделения обязанностей в семье и княжестве меньше лежало право сильного, а больше — естественные различия в природе и конституции двух начал.

Начала женское и мужское с момента сотворения мира противостоят друг другу в человеке, семье и обществе. Доброта и всепрощение — твердости характера и неотвратимости наказания; качества духовные — интеллекту; гармония и порядок — диссонансу, готовности к переменам. Женское по преимуществу стремится к сотрудничеству, мужское — к единовластию. И в этом соперничестве женственного и мужественного нет ничего разрушительного. Ведь любое явление вокруг нас противопоставляется своему антиподу. Холодное — горячему, черное — белому, добро — злу... Из этого противостояния и возникает эволюция как поступательный процесс. Но возникает в условиях оптимальных. Жизнь, например, вечный соперник смерти, и в естественной обстановке их борение образует бесконечный жизнетворный круговорот. *Regretium mobile* жизни. Но стоит в природный процесс вмешаться, скажем, войне или иному социальному катаклизму, как равновесие нарушается, и противостояние обретает драматический, разрушительный характер.

То же самое и в соперничестве женского и мужского начал. В обстановке неантагонистической противоположные качества не столько борются, сколько сотрудничают, содействуют, сообщают материальному миру радужную полноту, ощущениям — терпкость, всему окружающему нас — то бродильное состояние, которое и есть собственно жизнь.

В исторической науке возникла и все шире обретает права гражданства версия, что в основе цивилизации Земли лежит аграрная культура неолита, построенная на принципе партнерства мужского и женского начал, одухотворяемого культом Богини. Научным тому подтверждение стало сенсационное открытие древней культуры минойского Крита — последнего островка цивилизации партнерства.

В этой связи настоятельно рекомендуем найти (если удастся) и прочитать книгу Рюан Айслер «Чаша и Клинок». Во всем мире, в том числе и в России (перевод книги издан в 1993 году МП «Древо жизни» тиражом 10000 экз.), книга стала не только бестселлером, но и сенсацией. Мы в наших очерках еще не раз вернемся к ней.

Русь складывалась из этнических элементов сильно разнородных. В одних явно превалировало мужское начало, принцип не сотрудничества, а подавления и господства. Таковы были мужественные руссы, не говоря уже о воинственных и разрушительных ордах степняков. Но смягчал нравы и патался внести равновесие по преимуществу женственным славянским элемент.

Исследования новейших археологов и историков убеждают, что главными божествами древнейших славянских народов были по

преимуществу женские божества, и это окрашивает древнюю историю славян в соответствующие тона (см. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян).

Нельзя отрицать и благотворного в этом смысле влияния скандинавских варягов, «завоевания» которых шли путями торговли и более или менее бескровного освоения территорий.

Русь домонгольская Киевская и Владимиро-Суздальская, таким образом, являет нам примеры если не сотрудничества двух начал, то по крайней мере их сосуществования, разделения сфер влияния и уважения границ. Она источает некий неповторимый аромат женственности.

Женщина, являясь по преимуществу хранительницей семейного очага, воспитательницей детей, врачевательницей мужской души и тела, утешительницей в минуты отчаяния, вдохновительницей красоты и гармонии вокруг себя, эта женщина в домонгольский период делила с мужчиной не только ложе и беды вражеских нашествий, но и застолье на пирах, и совет в княжеской гриднице. Она имела права удельного княжения, владела городами, могла при надобности набрать дружину воинов, чтобы постоять за себя. Неясный и пока малоизученный, но несомненный след в политической жизни оставили, например, женщины-княжны Полоцкого и Галицко-Волынского княжеств первой половины XIII века.

Мы мало осведомлены о благотворном противостоянии мужественности и женственности в домонгольской Руси потому только, что писаная наша история начала складываться в пору эгоистического и бесцеремонного торжества начала мужского.

Но исторически очень недолго продолжалось на Руси здоровое противостояние. Патриархальное стало заметно преобладать, и принципы господства, подчинения, насилия брали верх. Это особенно обозначилось в пору дробления Руси и княжеских усобиц. Мужское начало то и дело праздновало победу внутри общества, а вскоре и захлестнуло его извне — волной монголо-татарского лиха.

Итак, свадебный кортеж нашей героини держал путь на Суздаль. Лукаво улыбаясь, вела его богиня женитьбы — Лада, видимость, ставленная в известность о высоком покровительстве над Феодулией Пречистой Девы Марии. Лада не мешала Богоматери, ибо жалела людей, у коих из всего прежде обширного женского пантеона богинь осталась одна Пресвятая Дева да и та не божественного, а земного происхождения. На небесах давно и сурово царили патриархальные отношения, и вся божественная власть сосредоточилась в руках Бога-отца и Святого Духа. Сын Бога — Иисус (искупитель) за грехи людей послушно принял смерть на кресте, а безутешная Богоматерь незаметно стала у Бога этаким посредником между грешной Землей и безгрешным Небом.

Было лето, верхушка его, пора сенокосов.

На Владимиро-Суздальской земле, а значит и во всей Руси, правил тогда великий князь Юрий, второй сын Всеволода Большое Гнездо, — в младенчестве любимец княгини Марии.

Распри княжеские продолжались. Здесь, на севере, яблоком раздора был Великий Новгород. Княжить в нем жаждали брат Юрия — Ярослав и отец нашей Феодулии — черниговский князь Михаил, которому, кстати сказать, благоволили сами новгородцы. Ярослав же находил поддержку у великого князя, и потому воинственно бряцал доспехами в направлении Чернигова. А Юрий раздоров не хотел и надеялся уладить спор вокруг Новгорода миром и новыми семейными союзами. Он сам женил сына Всеволода на дочери Владимира киевского. А вот теперь и Михаил черниговский делал свой ход — его козырной картой была строптивая дочь Феодулия, наконец-то согласившаяся принять руку суздальского князя.

Кто же был ее женихом? «Житие» называет некоего князя Мину, имя которого мудрено отыскать в летописях. А вот «Житие» святого благоверного князя Александра Невского с большим основа-

нием предполагает таковым старшего сына Ярослава Всеволодовича — пятнадцатилетнего отрока Феодора, а значит, брата будущего Александра Невского. Вот кого сосватали в мужья Феодулии князя черниговский и владимирские, надеясь обрести мирную передышку и отдохнуть от усобиц.

Но на половине пути от Чернигова к Суздалию прискакал встреч кавалькаде запаливший коня гонец, и невесте сообщили с великой скорбью, что суженый ее скоро и неожиданно скончался от каких-то недугов.

Феодулия выслушала скорбные слова и, закрыв лицо ладонями, отвернулась в угол кибитки. Сердечко ее стучало, и вся она была в смятении. Словно снова дрогнула земля под ногами, и заговорили небеса. Солеными и сладкими были ее слезы. Свершилось знамение Пресвятой Девы, но невольной жертвой при этом стал неведомый Феодулии юный князь... Так вот какова цена ее преданности Господу! На ней, на ней сей великий грех...

Провожатые вопрошали, не повернуть ли обоз, коли так получилось. Но Феодулия отняла от лица мокрые ладони, и люди узрели взрослые кротко-непреклонные глаза.

— На Суздаль, — сказала она. — На Суздаль.

И никто не посмел перечить. То была другая уже Феодулия. Знак избранничества как бы сиял уже над ней. И крест подвижнический уже неслышно она просветленно.

Во Владимире в храме Св. Георгия преклонила колена над могилой князя, коему написано было покинуть сей мир, не дождавшись суженой.

А потом дорога ее была пряма — на Суздаль мимо стен его Димитриевского монастыря, мимо кремля с недавно перестроенным собором Мономаха, мимо посада и вдоль свежего крепкого тына в излучине Каменки и Гремячки, через Нетеку, большой искусственный ров, превративший излучину в остров, — к ограде и воротам монастыря в честь положения Ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне.

Влахерны — район средневекового Константинополя, где находился храм Влахернской Божьей Матери. В этом храме были положены ризы (позребальный покров) Богородицы, принесенные из Палестины.

Здесь Феодулия сразу по прибытии была пострижена и получила иноческое имя Евфросинии.

Вот что, думается, любопытно заметить: уступая, женское начало как бы создавало этикие участки сопротивления, своеобразные зоны оппозиции. Таковыми представляются мне монастыри на Руси домонгольской.

Не случайно, историки церкви такие как Евгений Голубинский или Антон Карташев, не начинают отсчет с какого-то года или отдельного монастыря, а предполагают, что поначалу черноризцы просто уединялись в церковной ограде или сколачивали каждый себе келейку на церковном погосте, и таковы были первые монастыри. Они явились не только как подражание грекам, а прежде как собственная житейская потребность.

Очень многие уходили сюда от жизни полной насилия и вражды. И характерно утверждение А.В. Карташева в его «Очерках по истории русской церкви», что изначально же возникшее у нас келейное монашество в соседстве с миром легко превращалось в привольное житье своим хозяйством и удобное пользование земными благами. То есть не все шли в монастырь на истязание духа и плоти, иные просто искали жизни без войн и насилия, без постоянной угрозы нападения или защиты от него. Взять те же трапезы, точнее, пиры в монастырях, даваемые мирянами, куда они являлись со своими женами!

У нас этот греческий обычай явился в чисто русском варианте, далеко от строгостей византийского общежительного устава. Устав этот, разумеется, нашел на Руси приверженцев. Были и

отшельники, и схимники, и яростные истязатели плоти. А каких, скажите, крайностей не бывало на Руси?! Но монастырь в одной из его ипостасей видится попыткой воспротивиться торжеству насилия, противопоставив ему естественную жизнь в добре, труде и милосердии.

Приведу, любопытства ради, мнение о монастырях нынешнего епископа Владимирского и Суздальского Евлогия: «Ищущий истины да знает: монастыри по своей духовной природе жизни являются проповедниками высшей христианской добродетели — милосердия к окружающему миру, из которого вышли иноки, отрелись от него в целях нахождения совершенной и святой деятельности и прежде всего к делу милосердия, как самому очевидному факту духовного сознания жизни».

Монастырь домонгольского периода — это институт преимущественно мужского рода. Он отвечал стремлению именно мужчины-воина уйти от меча, усобиц, соблазнов, т.е. от мира с его жестокостью, насилием и создать то ли свой внутренний (келийный) мир, то ли братство (общежительное монашество), существующие на иных принципах.

Уходить приходилось прежде всего мужчинам. Женщины и так противостояли мужскому началу на своем житейском поприще, своей собственной сущностью. Уход в иночество мужчины — это был поступок, женщины — бегство. Женщина в монастыре выглядела как покинувшая пост, как некая несообразность.

Однако женские монастыри и женское затворничество появились у нас едва ли не одновременно с мужским. И опять промелькивают у историков церкви сведения об этой «общежительной» традиции в русском монашестве, об одной монастырской крыше для мужчин и женщин, о совместных пирах и вообще о каком-то полусветском характере монастырского быта, решительно непредставимом в монастырях византийских. Не странно ли, что сведения эти сохранились в источниках, наверняка десятки раз профильтрованных. Значит, цепко держалась традиция.

Но симптоматично и то, что официальная церковь не так радушно принимала в монастыре женщину, как встречала мужчину.

См. об этом в очерке Марины Нечаевой «Хочу принять постриг». — «Уральский следопыт», 1993, N 11-12.

Достаточно сказать, что перед нашествием монголов на Русь было 68 монастырей, а женских среди них только 12. Похоже, что и православная церковь считала за некий абсурд пострижение женщины, ведь характер ее жизни в княжеском, боярском, купеческом ли доме был во многом сходен с бытом монастырским. А молодым женщинам, судя по уставу, так и вообще была закрыта в монастырь дорога: чем, мол, тебе дом мужнин или отцов не монастырь? Считалось, что грехи, которые стоило замаливать в затворничестве, накапливались у женщин только к концу жизни.

Но, увы, даже строгий монастырский устав никогда не был догмой. Летописи через несколько веков донесли до нас имена затворниц-девственниц, «христовых невест», постриженных в юные лета. Правда, это исключительно имена княжеских либо боярских дочерей.

Не вдаваясь в рассуждения о многих тому причинах, остановимся на одной, которая, пожалуй, и вызвала к жизни этот очерк.

Обитель монастырская с самого ее зарождения, кроме функции очищения души и отстранения от жестокого мира, выполняла еще одну — была единственным местом, где держалась и развивалась образованность. Она и потребна-то была в то время исключительно для нужд духовных: чтение богослужебных книг, понимание и усвоение молитв и проповедей.

Церковь на заре христианства нуждалась в пастырях, грамота шла от Бога. Монастырь, можно сказать, уже тогда пестовал в недрах своих и школу, и библиотеку, и музей, и университет, и художественную академию, ибо ничего этого еще не существовало, но все впоследствии вышло и обособилось именно из монастыря, как чрева материнского.

Учительная функция иноческой обители была одновременно и функцией воспитательной, усвоение грамоты происходило на основе духовных текстов и божественных заповедей. Эта учительная-воспитательная роль монастыря, естественно, была ближе началу женскому в человеке. Вот почему наряду с именами мужчин историки у самых истоков монастыря на Руси называют и имена женщин — учительниц и наставниц. Монастырь, как школа воспитания и обучения, не мог не привлекать женщин, которые ради этого святого дела жертвовали многим. Ведь школ, как таковых, не было и все, в ком пробуждался дар учителя, наставника, тянулись к монастырю.

Любопытно, что в некоторых новых историко-археологических источниках находим свидетельства того, что изобретение письменности тоже связывалось с именами богинь-женщин. В шумерских табличках, например, богиня Нисаба названа небесным писцом и изобретательницей глиняных табличек. А индийская мифология автором алфавита называет богиню Сарасвати. Повидимому, тут мы тоже имеем дело с эпохой согласия начал, их мирного сосуществования..

Ряд монахинь-учительниц на Руси открывает дочь великого князя киевского Всеволода Ярославича — Анна Всеволодовна. Еще летописцы называют ее Анка, Янка. Это, стало быть, была внучка Ярослава Мудрого, сестра Владимира Мономаха и правнучка Владимира — крестителя Руси. Значит, к самым истокам христианства возвращает нас имя этой женщины. Отец Янки, Всеволод, был не просто грамотным, но знал пять иностранных языков, которые, по словам его сына Мономаха, изучал «сидя дома». Значит, и Янка была отцом обучена грамоте. В русской летописи сказано, что этот великий князь перестроил в Киеве Андреевский монастырь, превратив его в женский, и туда постриглась его дочь — девица Янка. Собрав вокруг себя других монахинь, она жила с ними по монастырскому чину, т.е. кроме всего прочего, обучала монахинь предметам, которые бытовали как в мужском, так и в женском монастырях. Можно предположить, что и в монастырь она пошла, чтобы учительствовать. Не случайно, Татищев, а вслед за ним и историк церкви Макарий считают, что Янка была основательницей первого в России училища девиц. Учила инокиню чтению, письму, пению, рукоделию. В.Н. Татищев высоко ставил Анну как просветительницу, «дай Боже, писал, чтобы мы такую Анну еще иметь могли» и дивился, почему не причтена она к лику святых.

Словом, при начале христианства грамота была доступна как мужчинам, так и женщинам, и первыми учителями в монастырях, наряду с мужчинами, были и инокини. И в монастырь, становясь «христовыми невестами», многие женщины шли именно учительствовать.

Другой пример «учительной монахини» находим в лице Предславы, праправнучки полоцкого князя Изяслава, того самого сына Рогнеды, который защитил мать от грозившей ей расправы мужа.

Девочке было 12 лет, когда она, узнав о предстоящем сватовстве, тайно сбежала в монастырь, где настоятельницей была ее тетка. Там она постриглась, получив имя Евфросинии. Юная монахиня проводила время в голубце. Софийской соборной церкви, где переписывала священные книги, продавала их, а деньги раздавала нищим. Из этих же книг она составила библиотеку для мо-

настыря, который собиралась открыть сама. Таковой и возник при церкви Святого Спаса в местечке, называемом Сельцо, недалеко от Полоцка.

В этом женском монастыре Евфросиния стала наставницей. Первыми его насельницами стали ее сестры-инокини, родственницы и знакомые. Евфросиния учила их грамоте, рукоделию, а также, как глаголит «Степенная книга», «воздержанию и терпению, юных же душевной чистоте и бесстрастию телесному, говению благообразну, ступанию кротку, гласу смиренну, слову благочинну, ядению и питию безмолвну, при старейших молчати, мудрейшим покорение, мало вещати, а многжайше разумети».

Летописное свидетельство составлено уже в пору явного торжества мужского начала — и это чувствуется. Но несомненен в то же время и учительный характер иночества Евфросинии.

В пору Евфросинии нравы еще не были столь «мужественны», как во времена летописца. Много говорит, например, тот факт, что Евфросиния Полоцкая открыла не только женский, но и мужской монастырь и в обоих сорок лет была игуменьей и сама написала для монастырей уставы. А когда отправилась в Иерусалим, то управлять монастырями оставила свою сестру Евдокию.

Евфросиния, игуменья полоцкая, была причислена к лику святых. Житие преподобной Евфросинии Полоцкой мы найдем во всех книгах Житий.

А что же наша Евфросиния в Суздале?

Каноническое «Житие» так повествует о ее жизни в Ризоположенской обители: «Великое послушание оказывала она инокиня сего монастыря, сильно изнуряла плоть свою, неустанно заботилась о душе своей и ярко сияла всеми добродетелями». Как видим, тут много от святой, но мало от земной Феодулии-Евфросинии. Но мы уже упоминали о первоначальном ее «Житии», написанном суздальским же монахом Григорием, хотя и три века спустя после смерти инокини, но по рассказам черноризца того самого Ризоположенского монастыря, где обитала Евфросиния. Он-то и сообщает нам о высокой по тому времени образованности Евфросинии, о ее наставлениях сестрам, которые она читала по поручению игуменьи монастыря, о ее врачебательной практике, о том что пела и читала она так, что привлекала богомольцев из города.

Тут явно просматривается учительный характер иночества Евфросинии. А историк Костомаров так тот, правда, не ссылаясь ни на какой источник, прямо утверждает, что Евфросиния основала в Суздале женское училище и сама наставляла в нем грамоте, письму, пению. Так или иначе, не могла Евфросиния не знать-не слышать о деяниях Янки в Киеве, Евфросинии в Полоцке и других нам с вами просто неведомых учительных монахинь. А зная, не могла не направить свою образованность, учительско-проповеднический дар на стезю просвещения.

Вместе с мирским именем остались за стенами монастыря и все мирские суеты: отцовы надежды на Новгород, вражда князей...

А события за теми стенами развивались стремительно и пагубно для Руси. Детскими забавами смотрелись княжеские распри и междуусобия в сравнении с той всеокрушающей бедой, которая декабрьской зимой 1237 года пришла на Русь в лице бесчисленных монголо-татарских орд хана Батыя.

Расшалившимися пай-мальчишками, играющими между собой в войнушку, казались русские князья, когда под стенами Рязани нетрезвые послы Батыевы — жена-чародейка и с нею двое мужей, — хохоча, потребовали десятины. от всего — от князя и простолюдина, от коня рыжего и пегого. Пай-мальчишки, размахивая игрушечными мечами и как бы продолжая свои игры, закричали им со стен, что, мол, когда никого из нас не останется, тогда все будет ваше. Но, посмотрев на лица неведомых им ранее пришельцев, содрогнулись-таки князья рязанские и послали к великому

князю во Владимир. Тот рассмеялся их страхам и в помощи отказал. Но сам предусмотрительно город покинул и стал собирать силы.

Монголо-татары взяли Рязань приступом и сожгли ее.

Живет красивая легенда, что владевший Рязанью князь Юрий, желая умилостивить хана, послал к нему с дарами сына своего Феодора. А Батый, прознав о красоте жены его Евпраксии, пожелал увидеть женщину. Но Феодор гордо отвечивал, что христиане жен своих нечестивым язычникам не показывают, и был убит за дерзость. А жена, узнав о том, вместе с младенцем своим Иоанном бросилась с высокой храмины. Это место с тех пор стали звать «заразом» (заразить — разить на смерть — см. Дая). Потом возникла здесь церковь Чудотворца Николая Заразского, а позднее — и город Зарайск (ныне Московская обл.)

Горохом раскатились копыта пришельцев по направлению к Москве. Взяли и сожгли Москву. Стояли теперь у Златых врат Владимира, потешались над горожанами, облепившими стены, демонстрируя им пленных князей, которые, пожалуй, одни пока еще понимали, что пришло на Русь с востока.

Узнав, что великого князя нет во Владимире, татары решили прошвырнуться по окрестностям. Так с малым войском появились пришельцы у Суздаля. Город храмов и монастырей, купцов и богомазов вовсе не умел противостоять силе. Колокольный бой и спящее сияние куполов, островное положение кремля, новый тын на валах, монастыри, выбежавшие за городские стены как бы навстречу неприятелю — все это были смехотворные препятствия для пришельцев. Можно сказать, что ничем не оцетинился Суздаль против них. Был взят, пожен и разграблен, как прочие. Толпы молодых («уных») иноков, а еще больше инокинь, попадий, жен и дочерей были полонены и отправлены в татарские станы. Но как утверждает «Русский временник», сохранил господь девичий монастырь Положения Ризы Богоматери и сохранил исключительно молитвами «блаженной Феодулии».

Что тут правда, а что легенда? Имела ли силу молитва христовой невесты противу хама языческого? Но и то сказать: ежели послан сей хам Господом за грехи наши, то души верные и безгрешные не должны ли найти снисхождение — в знак милосердия и веры небезысходной?

Вернувшись ко Владимиру 7 февраля 1238 года в мясопустное воскресенье, татары, что называется, «до обеда» овладели Новым городом. Дружина отступила в Печерный (старый) город, и семейство великого князя — его жена Агафия, дочь, снохи и внучата — затворились в Соборной церкви. Ворвавшись и сюда, татары зажгли храм, а потом и вошли в его стены... Кто погиб в дыму, а кто и от мечей пришельцев.

Четырнадцать распятых городов, не считая слобод и погостов, кровавым ковром устлали путь батыев по северной Руси. Мужики гибли, жены и дочери их большею частью шли в полон, чтобы пополнять генетический фонд Руси кровью неистовых степняков, которые, по словам Карамзина, «любили войну для добычи и вездеходили отечество, где могло пастися их стадо.»

Клету 1238-го полчища батыевы оставили Русь и ушли воевать половцев. Но передышка была короткой. Наступила очередь и южной Руси. И в 1240-м войско батыево появилось у Киева. Древний град сопротивлялся неистово, но не долго. Был взят, и его постигла участь предыдущих.

Евфросиния в стенах монастырских далекого Суздаля денно и ночью молилась Киеву, ибо с этим городом отныне была связана трагическая судьба князя Михаила и боярина Феодора — ее отца и наставника.

Есть в русской истории герои подлинные — в основе их деяний лежат гуманные начала и побуждения. А есть герои молвы, ле-

генды, случая, рожденные потребностью ситуации. Иные выделяются из толпы в силу своего неумного характера, эксцентричности натуры, и потому обстоятельства могут своевольно поставить их по любую сторону баррикад, т. е. принятых нами принципов человечности и содружества начал. Если мы беспристрастно обозреем российский пантеон знаменитостей, то несомненно выделим первых и отметим вторых. Из описываемого времени назовем несомненно героическую личность Александра Невского и противопоставим ему Михаила черниговского, отца нашей героини, — одинаково канонизированных православной церковью.

Много нагрешил сей муж на стезе междоусобий. Не обходилась без него ни одна честолюбивая свара вокруг столов — киевского, новгородского, галицкого. Ничем не брезговал этот князь, повидимому образованный и чадолубивый, в своих удельных устремлениях. Щедро сеял рознь, не гнушался изменой слову и помощью потенциального врага. В смуте внутренних распрей он и подобные ему удельные князья незаметно расшатали и открыли границы Руси не столько для культурных влияний, сколько для завоевательских вождлений варварских племен. Не эта ли отцова безоглядность в средствах и употребление знаний в ущерб духовности и побудили Феодулию оставить мирское поприще?

Когда оказалась Русь данницей татарской, князья удельные и сам великий князь Ярослав Всеволодович, княживший во Владимире после убиенного Юрия, потянулись в ханскую ставку засвидетельствовать верноподданность — большею частью из удельных же своих притязаний. Поехал и Михаил черниговский. Первоначальное «Житие» Евфросинии Суздальской утверждает, что, узнав о намерениях отца, Евфросиния в «трогательном писании» умоляла его не склоняться на волю ханскую. Было ли такое на самом деле, а если было, то чего просила от отца дочь его: не ехать вовсе или ехать, но сохранить в чистоте веру православную? То нам неизвестно.

Князь Михаил поехал вместе с преданным ему боярином Феодором и внуком — пятнадцатилетним князем Борисом ростовским, сыном Марьи — летописицы. Повез дары хану. Далее «Житие», Н.М. Карамзин и другие историки повествуют так.

Приехав в ставку и желая войти в шатер Батыев, он однако был остановлен жрецами, которые потребовали от него пройти очищение огнем и поклониться статуе Чингисхана, т. е. исполнить обычный в Орде языческий ритуал.

И тут князь воспротивился. «Нет, — якобы сказал он, — я поклонюсь живому царю вашему, коли так распорядилось Небо, но не стану кланяться глухому идолу».

Услыхав о том, Батый предложил ему выбирать — ритуал либо смерть.

Не слушая советов князя Бориса и вельмож своих, воскликнул Михаил: «Да будет! Возьмите славу мира — хочу небесной!» — и вместе с боярином своим Феодором погиб, не запятнав веры православной.

У нас с вами будет еще время сопоставить сей подвиг Михаила черниговского с поведением в той же ситуации других русских князей — Даниила галицкого, Александра Невского и самим сделать предпочтение.

Гибель князя случилась, похоже, в том же 1246-м, что и кончина по дороге из ставки домой во Владимир великого князя Ярослава.

Как восприняла эту гибель отца Евфросиния и как прожила она последующие четыре года, нет о том никаких сведений. «Житие» утверждает, что преставилась Евфросиния Суздальская 25 сентября 1250 года в возрасте всего лишь 38 лет и мощи ее почивали в том же суздальском Ризоположенском монастыре.

Историк женского образования в России считает, что этим именем «заканчивается скудный ряд дошедших до нас известий об образованных, по своему времени, в домонгольской Руси женщинах.»

Игорь ЦАРЕВ

ПРИЗРАК БРОДИТ ПО КВАРТИРЕ

Рисунок Анны АНДРОСОВОЙ

В октябре 1740 года императрица Анна Иоанновна совсем слегла. Но не это пугало обитателей дворца. В то время как императрица лежала в забытьи под присмотром врачей, по коридорам и комнатам разгуливал ее двойник в короне. Многочисленная прислуга видела призрак то тут, то там. Однажды он даже посмел сесть на пустующий трон. Ошеломленная стража начала стрелять, но пули не причиняли двойнику видимого вреда. А вскоре императрица скончалась, так и не узнав о лихорадившем весь двор событии.

Подобные рассказы и «исторические свидетельства» о появлении призраков занимают почетное место в моем архиве, куда я собираю факты загадочные, а порой и просто фантастические. А началось все с небольшого совещания по аномальным явлениям, которое проходило в Москве несколько лет назад.

Среди многочисленных докладов по биолокации, экстрасенсорике и биоэнергетической информации в природе внимание привлекло краткое, но поистине необычное сообщение. На трибуну поднялся профессор Г. Гуртовой и сказал: «Товарищи! Из Софии только что пришло подтверждение об успешном проведении серии экспериментов по дистанционному воздействию человека на неживой объект. Находясь в Москве, оператор Евгений Дубицкий в назначенное контрольное время сумел трижды изменить показания приборов, находящихся за тысячи километров в столице Болгарии». — Как вам это удалось? — спросил я Дубицкого в перерыве. — Что вы еще умеете? — Если у вас что-то заболит, мысленно позовите меня, — серьезно сказал Евгений Дубицкий. Появится мой фантом, и... — Что это за фантом? — Ну да, фантом, мой энергетический двойник, — и Дубицкий назвал словесную формулу, с помощью

которой я могу вызывать «на дом» призрачного лекаря. Все это было тем более невероятно, что говорилось на научном совещании, где присутствовали и доктора наук, и академики.

От этой небывальщины у меня даже голова разболелась, и вечером я решил провести эксперимент. Заранее думая, что все это чушь, что ничего путного не получится, послал мысленную просьбу, как научил Ду-

бицкий. Несколько минут ничего не происходило. И вдруг моя собака коротко взвыла и, поджав хвост, уставилась в пустой угол. Честно скажу, у меня в этот миг мурашки побежали по спине. Правда, в углу так никто и не появился. Собака быстро успокоилась, а я, к некоторому удивлению обнаружил, что головная боль прошла.

Конечно, это могло быть элементарным самовнушением. Но странное поведение собаки заставило меня внимательнее присматриваться к сообщениям о разных фантомах и призраках.

В результате поисков я наткнулся на отчеты ученых, проводивших в Новосибирске любопытные эксперименты. Похоже, и их волновал вопрос: существуют ли призраки и приведения? Если какую-то часть свидетельств можно отнести к области психиатрии, говорил академик В. Казначеев, то все равно остаются случаи одновременного свидетельства нескольких независимых очевидцев. Приведу пример из работы нашей лаборатории. Оператор экстрасенс

реализует мысленный контакт с больным ребенком, находящимся в другом городе, чтобы дистанционно поставить диагноз и оказать целебное воздействие. А родители ребенка в это время видят оператора в своей квартире, описывают его лицо, одежду, хотя никогда не встречались с ним. Что за «пришелец» явился в их квартиру? Имеем ли мы дело с особой галлюцинацией? А может, это и то, и другое?

Исследования современных ученых напоминали мне знания, которыми обладали еще древние, утверждающие, что в человеческом теле есть еще одно астральное тело. Изучая труд Г. Дюрвилля об «анатомии и физиологии души», изданный в 1915 году, я нашел любопытные примеры проявлений призрака человека. Там, в частности, говорилось, что даже после ампутации руки или ноги астральное тело остается в целости, так называемые «фантомные боли», какие ощущают порой инвалиды в отнятых конечностях, не что иное, как процессы, происходящие в астральном теле.

Недавно ученые провели очень интересные опыты. Оказалось, если отрезать у листа растения какой-нибудь кусочек, а потом сфотографировать его через специальные светофильтры, то лист окажется целым, только вырезанная часть будет выглядеть чуть светлее. Но все прожилки уничтоженного кусочка отчетливо видны. Объясняется эффект тем, что в изъятной части лист все равно сохраняется, только не материальный, а «энергетический». Оказывается, в каждом растении, живом организме есть некая полевая основа, повторяющая физическое тело, которая остается неизменной, даже если часть тела утрачена.

Так экспериментально были подтверждены знания древних философов. И признание факта существования энергетических фантомов в каждом живом организме позволяет сделать резкий скачок в познании природы. Академик В. Казначеев попробовал, основываясь на этом «фундаменте», объяснить загадку появления «человека разумного».

Дело в том, что в 1983 году при раскопках в районе Диринг-Дюра, что в 140 километрах от Якутска, обнаружили каменные орудия, возраст которых определен в 1,8--3,2 миллиона лет. Находки в африканском урочище Олдовой датируются примерно тем же возрастом.

Это заставило ученых задуматься: благодаря чему сразу в нескольких местах планеты, независимо друг от друга, появляется то новое свойство, которое мы называем «разумность человека»?

Казначеев предлагает следующее объяснение:

У предков человека разумного мозг был тоже достаточно развит число нейронов достигало 8--10 миллиардов. И нервные клетки, связанные между собой, работа-

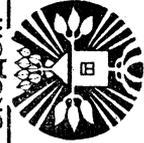
ли как биологический компьютер проводникового типа. Но вспомните, что в каждой клетке нейроне существует еще ее полевой энергетический фантом. При резком изменении в геофизическом поле планеты отдельные полевые клетки могли объединиться в одно «кооперативное поле». При этом проводниковый биологический компьютер переходит на качественно новый уровень работы, возникают полевые энергетические связи, иные принципиально новые возможности. И для этого нет нужды в скачке биологических мутаций, который тщетно пытались обнаружить специалисты. Достаточно изменения геофизического поля Земли. И такая магнитная аномалия в районе Диринг-Дюра действительно обнаружена. И возраст ее вполне подходящий около трех-четырёх миллионов лет. Мозг, в котором возникли полевые, энергетические связи, обладал способностью принимать информацию без слов на большом расстоянии. И то, что мы называем сегодня телепатией, вероятно, было обязательной фазой на самой ранней ступени развития человека разумного, считает В. Казначеев. Но с появлением орудий труда необходимость в такого рода свойствах отпадала, атрофировалась, сохраняясь только у избранных. А со средних веков они начинают искореняться с помощью религии («охота на ведьм») и сумасшедших домов.

В этом рассказе, который я записал на магнитофон на одном из научных семинаров, Казначеев старательно избегает понятия «душа». Но дело, конечно же, не в названии. Душа, фантом или полевой компьютер... Главное, что научный поиск позволил предположить: в нашем физическом теле существует некое энергетическое и, возможно, разумное образование (некий, так сказать, «мыслящий сгусток») физических полей.

Недавно мне довелось встретиться с президентом французской ассоциации парапсихологов Бернардом Ланселотом. Он рассказал, что их группе во время экспериментов удалось с помощью гипноза ввести испытуемого в особое состояние, при котором фиксировалось отделение энергетического двойника. Очнувшись, этот человек подробно описывал путешествие своего двойника. Очнувшись, этот человек подробно описывал путешествие своего двойника, говорил, что видел себя самого со стороны.

Как известно, слово «экология» произошло от греческого oikos, что в переводе означает — «дом, жилище, местопребывание». Введенное в оборот немецким биологом Э. Геккелем в XIX веке, в XX-м оно стало употребляться особенно часто, получив множество значений. И неспроста: состояние нашего общего дома, планеты, заметно ухудшилось. В его «крыше» растут озоновые дыры; его «полюс» — почвы — покрыты слоем несмываемой уже, видимо, грязи, да и смывать-то, похоже, скоро будет нечем — воды вокруг становится все меньше и меньше. «Стены» его, леса, разрушаются и болеют. А побывав на свалке средних размеров населенного пункта, вы легко убедитесь, в каком ужасающем состоянии находится «санузел». При таких обстоятельствах человек, который, увы, особенно силен задним умом, не может не размышлять, как ему выжить; какие опасности поджидают земное жилище его души — тело; как сделать хотя бы относительно здоровым общество, продолжающее уничтожать среду своего обитания. Отсюда — экология человека, социальная экология. И вот уже архитекторы разрабатывают многочисленные проекты ЭКОДОМА — самого здорового, самого чистого, и т. д., и т. п.. Трудно сказать, удастся ли им решить эту идеальную задачу. Но само стремление к этому замечательно, оно вызывает большое уважение. Вообще, нам кажется, что сама формула «ЭКОДОМ» — «дважды дом» — звучит очень емко и на редкость актуально. В нынешних условиях нельзя, неразумно думать только о своем собственном жилье или клочке земли. Равновесие, гармоничное соотношение частей целого — вот главное достоинство идеального жилья. И когда целое на глазах распадается — порой до необратимого состояния — о равновесии надо помнить дважды. Об этом, собственно, и предполагаем мы вести речь. Постараемся обстоятельно проинтервьюировать ведущих ученых-экологов; дать практические советы для ежедневного житья; развеять некоторые мифы и заблуждения, стойко засевшие в нашем сознании в том числе и благодаря коллегам-журналистам.

ЭКОДОМ

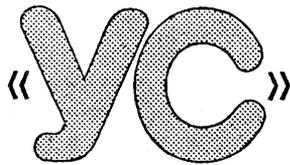
ведущий рубрики Андрей Понизовкин

В ближайших номерах вы прочтете:

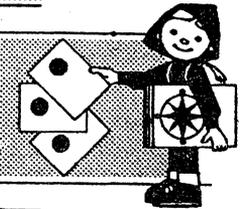
Детективы из жизни растений не должны кончаться убийствами...» Интервью с академиком Павлом Леонидовичем Горчаковским, главным научным сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН.

Радиация и здоровье детей: результаты новейших исследований.

Питьевая вода и «чудодейственные» очистители: выбирая, будьте внимательны!

ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВЫЕ РУБРИКИ

Постоянные читатели журнала знают, что разговор о молодежной субкультуре мы ведем уже не первый год. Разговор без умиления, но и без насмешек... Наша редакция потихоньку становится музеем тех ценностей хоть в ковычках, хоть без ковычек, без которых не обходится быт подростков и которые так разнообразно выражены. Выражены и материально — в рисунках, эмблемах, самодельных украшениях, и психически — в своеобразных правилах поведения, в кличках, в доморощенном творчестве...

Музей постоянно пополняется новыми и новыми экспонатами. Приносят свои книги авторы, изучающие психологию, быт нынешних отроков... Забегают сами мальчишки и девчонки, каждый раз, вольно или невольно, расширяя наши картотеки молодежного жаргона, подростковых кличек, юношеских снов и прочее. А иногда совсем забавно получается. Звонит как-то девочка, взволнованно-хулигански шепчет в трубку: «Это у вас печку прорвало?! Электростанция приедет в три! Ждите!...» Она просто резвится, телефонный номер набрала наугад. И даже не подозревает, что подарила «экспонат» нашему музею. Чуть раздражающий, не очень приятный, но все же экспонат: вариант «нелепиц», которые так поднимают настроение современным подросткам...

В общем, открываем новую рубрику. Ибо экспонатам давно тесно в наших шкафах да каталожных ящиках. А рассказать они могут о многом... И представляя эту рубрику — НЕПРИЧЕСАННЫЙ МУЗЕЙ — ждем вашей активной помощи. Причем — не только от молодежи, но и от людей постарше. Ведь юность была у всех, и не вся она полнилась мечтами о великих свершениях. Были в ней конечно, и своеобразные, в тон времени, «субкультурные игры», которые может, сделали для взросления Личности, для ее адаптации в жестком мире не меньше, чем думы о высших идеалах...

НЕПРИЧЕСАННЫЙ МУЗЕЙ

ведущий рубрики Юрий Шинкаренко

В ближайших номерах на витринах «НЕПРИЧЕСАННОГО МУЗЕЯ» пред вами предстанут:

Рукописные рассказы о любви...

Материалы к словарю «Жаргон Уральского ломпен-подростка»...

Образцы «фенек» — самодельных украшений и деталей одежды...

Александр СЕМЕНИН

МАСЛИНА

Рисунок Марии БАЖЕНОВОЙ

Однажды между покровительницей мира Афиной и богом Посейдоном разгорелся яростный спор. Рассерженная воинственным Посейдоном, Афина с силой метнула свое копье в скалу, на которой тотчас выросла первая на Земле маслина. С тех пор, как повествует легенда, оливковое дерево стало символом мира и созидательного труда.

С древних времен ветви маслины служили своеобразным знаком мира. Победенные приходили к победителям, неся с собой ветки маслины. И по сей день символическое изображение маслины, вместе с «Голубем мира» Пабло Пикассо, служит эмблемой представительных форумов.

Оливковым маслом пользовались в гигиенических целях. Им смазывали (умасщали) кожу, смягчая и очищая ее. Масло маслины стало предшественником мыла, которое появилось значительно позже.

Что же это за дерево — благородная и достоцитимая маслина и уживется ли она, привыкшая к вольному воздуху, обилию света и тепла, в наших комнатах? В природных условиях маслина растет и в полупустынях, и на каменистых склонах гор, и на бедных песчаных и засоленных почвах — порой там, где не выживает ни одно другое дерево. В районах с сухим субтропическим климатом она становится поистине пионером освоения земель.

Издали маслина кажется серебристой, поскольку ее узкие темно-зеленые листья снизу покрыты сизоватым налетом. Ее даже можно принять за какой-то вид ивы — крупные ветви оливкового дерева тоже бывают характерным образом изогнутыми и «плакуче» склоненными над землей. Однако приглядевшись внимательно, замечаем, что листья южного экзота не имеют ничего общего с ивовыми — они плотные и жесткие, ведь средиземноморское солнце палит нещадно, растению приходится экономить влагу — защищать от жары мощными покровами нежные внутренние ткани.

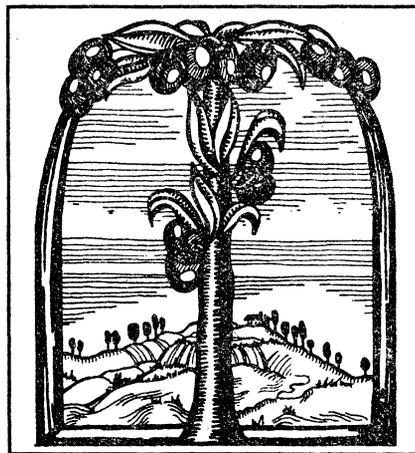
Засухоустойчивость маслины поражает. Тут с ней может сравниться финиковая пальма. Оба «любят», когда «голова» у них в тепле, а «ноги» в прохладе: в поисках животительной влаги они глубоко устремляют корни, которые достигают уровня грунтовых вод, лежащего подчас на глубине 5 - 7 м. от поверхности земли.

Значит, любитель экзотических растений, пожелавший «одомашнить» маслину, должен выбрать для нее хорошо освещенное место, а в период активного роста (март-август) обильно поливать. Осенью полив

сокращают; зимой же, когда развитие маслины как бы замирает, почву в горшках увлажняют не чаще 1 - 2 раз в неделю.

Хоть и неприязнительна маслина, но на землях питательных и плодородных растет и развивается намного лучше.

Посев семян проводят в питательную, но рыхлую и, как говорят, легкую почву (составляют смесь из дерновой и листовой земли, торфа и песка взятых в равных объемах). Крупные продолговатые семена маслины

садят в плоские или небольшие (диаметром 5 - 7 см.) горшки на глубину 1 см; проращивают их при температуре воздуха +20 - 24° С, не допуская переувлажнения и пересушки почвы.

Размножить оливковое дерево можно и полуодревесневшими черенками (в марте-апреле или в августе-сентябре). Для этого побеги нарезают на 10 - 12 сантиметровые отрезки, которые высаживают в хорошо промытый речной песок в неглубокие ящики ли плешки и содержат в застекленной или обитой полиэтиленовой пленкой микротеплице, где достигается высокая влажность воздуха. Первые корешки появляются через 3 - 4 недели.

Черенки маслины укореняются, как правило, плохо. Поэтому их на 16 - 20 часов погружают нижними концами в раствор гетероауксина. Готовится он так: 200 мг гете-

роауксина растворяют в 10 мл спирта, затем емкость доливают до объема 1 л дистиллированной или отстоявшейся водопроводной воды. Размножение культурных сортов возможно также прививкой.

К концу первого года жизни молодые сеянцы следует пересадить в более крупные — 9-сантиметровые — горшки, в почвенную смесь, состоящую из 3 частей дерновой земли, 1 части песка и 1 части перегнойной земли. До 3 - 4-х летнего возраста пересадки проводят ежегодно, более взрослые деревца — через 2 - 3 года.

Растет маслина довольно медленно и впервые зацветает лишь на 5 - 8 году жизни. В пазухах ее узких кожистых листьев появляются кисти мелких душистых зеленовато-желтых цветков. Их аромат несколько напоминает благоухание распухшей сирени. Ведь эти растения — близкие родственники. А осенью у нашего деревца созревают плоды — желтоватые или сизовато-черные оливки. В свежем виде они горькие, малосъедобные, поэтому их маринуют, солят, получают очень ценное оливковое (прованское) масло.

В период активного роста и развития маслины (февраль-октябрь) систематически (раз в 10 - 15 дней) проводят подкормки растворами минеральных и настоями органических удобрений. Летом, для лучшего завязывания и развития плодов, полезно совместное внесение двойного суперфосфата (в виде водного раствора в концентрации 5 г на литр) и коровяка (его двухнедельного настоя, разбавленного перед использованием в 15 - 20 раз).

С ноября по февраль в оранжерейных комнатных условиях резко замедляются обменные процессы, и растение переходит в состояние относительного покоя. В зимний период его следует содержать в светлых и прохладных (Т = +10 - 14 С) помещениях, прекратить подкормки удобрениями.

Недостаточная освещенность, чрезмерный полив и слишком высокая температура воздуха в зимнее время — вот что может помешать «приручить» оливковое дерево в вашем доме. Если эти препятствия преодолены, то надо лишь набраться терпения. Ведь из всех экзотов, о которых мы рассказали, маслина самая «неторопливая»: медленно растет, нескоро зацветает и приносит первые плоды. Зато уж выращивать ее вы можете всю жизнь: век этого небольшого деревца удивительно долг — продолжается, по мнению некоторых ботаников, 3 - 4 тысячи лет.

ДОРОГИЕ ЦИФРЫ

В Гонконге металлическая табличка с регистрационным номером автомобиля нередко обходится автомобилисту дороже самой машины. Причина в том, что суеверные жители Гонконга хотят во что бы то ни стало заполучить в номер своей машины цифры «7» и «8», которые по китайской мифологии символизируют стабильность и благосостояние. И если в регистрационном номере знака есть эти цифры, сам знак стоит очень дорого.

У МАКАРОН СВОЯ ИСТОРИЯ

Ванни Анези, пенсионер и бывший конструктор машин для пищевой промышленности, создал в Сан-Ремо музей макарон, где представлены самые разные машины и приспособления — от простых устройств ремесленников прошлых веков до современных скоростных автоматов для производства спагетти. Но главный фонд музея — образцы макарон самых разных сортов из всех провинций Италии. Анези в своих экспозициях доказывает, что родиной макарон является его родная Италия, а не Китай, как утверждают некоторые историки. Марко Поло, говорит Анези, вернулся из путешествия в 1274 году и привез тогда сушеное тесто, которое якобы не знали итальянцы. Но, продолжает он, мой музей располагает документом 1250 года, в котором предписывалось рыцарю брать с собой в поход такие продукты: сухари, маслины, сыр и пакет с макаронами! Оппоненты Анези приводят иной аргумент: из древних хроник известно, что еще в III тысячелетии до н.э. шумеры лакомились блюдом из тонконарезанной лапши, сдобренной овечьим сыром.

СТЕКЛОТАРА ДЛЯ ХРАМА

В честь одного из индуистских богов в Бомбее был построен храм высотой в пять метров из стеклянных бутылок. При строительстве храма было использовано 1200 литровых бутылок и примерно столько же мелких бутылок. Бутылки клали плашмя ряд за рядом, скрепляя цементом.

ЛУКОВИЦА ДЛЯ ГУЛЛИВЕРА

Готфрид Брандер из Германии вырастил на огороде луковичу небывалых размеров. При взвешивании «рекордсменки» оказалось, что она весит 3200 граммов!

КОЛЛЕКЦИЯ ГАЗЕТ

Англичанин Джон Фрост обладает коллекцией газет, которая насчитывает более 600 названий, причём, коллекционер отдаёт предпочтение газетам необычным. Например, в его собрании есть газета с островов

Тристан-да-Кунья, цена которой указана так вот: «Три сигареты или три картофелины». Редкостью является газета, которую издавала одна из первых американских антарктических экспедиций — она печаталась на картоне, чтобы ее можно было читать при сильном ветре. А еще газеты, напечатанные на разноцветной бумаге или на бумаге, пропитанной ароматическими веществами...

... И ОДИН ДРАКОН

Государственный герб Дании считают очень сложным (может быть, самым сложным в мире) и к тому же несколько странным по числу включенных в него изображений. В гербе фигурируют: серебрянный крест, лебедь с золотой короной, наездник на коне, три короны, лошадиная голова, шесть львов, овен, медведь, 16 сердец и ко всему этому еще и один дракон.

ЧЕЛОВЕК РЕДКОЙ ПРОФЕССИИ

Имя Ченаро Брианти из Неаполя известно не только в Италии, но и за рубежом. Говорят, что он большой дока в своем деле. А специализируется Ченаро на том, что изгоняет дьявола из одержимых, бесноватых, иступленных пациентов. Ежемесячно он получает примерно 20 приглашений от земляков и из-за границы. Изгнание врага человеческого стоит не так уж и дорого — 100-150 долларов. Особенно много приглашений Ченаро Брианти получает во время... предвыборных компаний и крупных спортивных состязаний. Он сам никак не может объяснить эту «тенденцию» и в то же время отказывается назвать имена своих клиентов.

ВОДОРОСЛИ ВЛИЯЮТ НА КЛИМАТ?

При анализе снимков из космоса и материалов экспедиций на научно-исследовательских судах английские ученые установили, что ежегодно в летнее время в Северной Атлантике появляются два огромных пятна из водорослей (южнее Исландии и западнее Шотландии). Ученые пришли к выводу, что эти огромные скопления водорослей оказывают влияние на климат. Каков же механизм этого влияния? Ответ таков: при росте водоросли поглощают большое количество углекислого газа, что до известной степени снижает парниковый эффект. Есть один и побочный эффект: водоросли поглощают из атмосферы летучие соединения серы.

СТРАУСИНАЯ ПОЧТА

Доставку почты в две деревни в Кении (они расположены в 20 километрах друг от друга) вот уж несколько лет обеспечивает

дрессированный страус. Утром с сумкой на спине он пускается в путь, а на следующий день возвращается обратно. При этом его бег по скорости не уступает лошади.

ТАКОЕ ВОТ ХОББИ

Венский художник Манфред Декс «коллекционирует» живых кошек. В его «собрании» насчитывается 72 кошки различных видов и мастей со всех континентов. Для их размещения построен специальный домик, а обслуживающий персонал состоит из двух работниц. Все бы ничего, но иногда кошки поднимают такой гам по ночам, что немало досаждают соседям Декса.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЕ МОШЕННИКИ

На базаре в марокканском городе Эль-Джадила внимание прохожих неизменно привлекал странный товар — большие горошины, которые самопроизвольно катались взад и вперед. На солнце быстрее, в тени медленнее. Продавцы утверждали, что происходит это благодаря какой-то магической силе, содержащейся в горошинах и покровительствующей владельцам горошин. Туристы охотно раскупали «магические» горошины, хотя они и стоили дорого. Однако на следующий день покупатели обнаруживали, что неведомая сила исчезла, впрочем, как и продавцы «чуда». Оказывается, в каждой горошине была выдолблена маленькая дырочка, в которую мошенники помещали одного из так называемых блуждающих муравьев. Предварительно насекомое опускали в стимулирующую жидкость, благодаря чему некоторое время муравей буйствовал в своей темнице, особенно когда горошина оказывалась на солнце.

ЕДЯТ ЛИ ЦВЕТЫ?

О, да! Гренландские эскимосы, например, едят все цветы, которые показываются из-под снега за короткое лето, кроме голубых колокольчиков. В Японии любят салат из фиалок, в Индии — компот из цветов бананов. Китайцы едят лилии, сваренные в молоке и обильно приправленные солью и перцем. В Турции на десерт подают засахаренные цветы фиалки и жасмина. На юге Германии есть любители отведать соцветия сладкой бузины, запеченной в тесте. А уж засахаренные лепестки розы и розовое варенье пользуется популярностью во многих странах.

Подготовил В. РОЩАХОВСКИЙ

Ольга КОЛПАКОВА

БАРБИ – КУКЛА "НЕСЕКРЕТНАЯ"

До недавнего времени я считала, что «великая» кукла Барби затмила все остальные игры и развлечения современных девочек.

Разве журналы, книги, посвященные ей, не всплывают на переменках из-под парт? Разве не томятся в школьных сумках рядом с учебниками аккуратно свернутые наряды? Разве не пишут второклассницы в сочинении «Что я люблю»: «Барби! Нет ничего лучше Барби!»

Поэтому, когда спрашивала у сидящих во дворе девочек, во что они любят играть, то в первую очередь ждала этого волшебного слова — Барби. Но девочки сначала описали мне любимую игру «в белочек» (это то же, что «в дом»), только живет там семья белочек, устраивает кладовые, прячет запасы). А о Барби не было произнесено ни слова. Тогда я начала задавать наводящие вопросы. Ну а если игра не во дворе, а в квартире? Отвечают: «То «в дом!» Еще в компьютерные игры!

— Ну, а Барби-то у вас есть? — не выдерживаю я.

Девчонки кивают: «И в Барби играем,» — как бы между прочим.

Думала, что на каких-то особенных девочек наткнулась. Нет. Самые обыкновенные, им по десять лет, учатся в 116 школе. В разную нечистую силу верят. Алена Кошкарова в музыкальной школе занимается, Саша Криволюцкая — в художественной. И куклы у них дома живут, «ходят» друг к другу в гости, носят сногшибательные наряды. Но если Барби нет в этот момент рядом, перед глазами, то о ее существовании как-то забывается. Тем более, если ты решила поиграть в «секретики».

Вот мы и подошли к одному из девчоночьих увлечений, не увядающих от поколения к поколению... Несмотря на самые модные игры и затем...

Оказывается, про «секретики» знает практически каждая девочка. С того самого возраста, когда уже может самостоятельно вырыть в земле ямку. И большинство екатеринбургских дворов усеяны «секретиками». У моих новых знакомых в «секретики» играли мамы и даже бабушки! Алена — та была посвящена в эту простую, как соломенная кукла, и привлекательную, как Барби, игру своей прабабушкой.

У меня даже появилось подозрение, что в нее играли на Руси еще до принятия христианства, когда на Ярилине день закапывали в землю, хоронили небольшую куклу, изображающую побежденного Кашеем Трипетовичем Ярилу. Но через несколько дней на помощь Яриле приходил Велес, Ярила оживал, куклу выкапывали. Обряд возрождения. Подобные обряды связанные с захоронением предмета и выкапыванием его из земли можно встре-

тить у самых разных народов, но уже слишком глубоко мы начали копать... А для «секретика» ямка нужна маленькая, чтобы вошел на ее дно лопуховый листок, сам «секрет», а сверху — прозрачное стеклышко. Уже это забавно и необычно — смотреть в землю, на спрятанное там, через стекло. Словно в другой мир заглядываешь, «на тот свет».

Как рассказали мне Алена и Саша, «секреты» их бабушек состояли из тряпочек, листиков, локона волос. Кукол уже не прятали.

Мамы закапывали осколки от чашек, выложив ямку красивой мозаикой, красочные картинки и записки с самым сокровенным — главную часть «секрета». Сейчас посуды стало биться, наверное, меньше, и мы зарыли маленького динозаврика из «киндер-сюрприза», фантик, мелкие стеклышки из калейдоскопа и записку с признанием в любви. Правда, делая один «секретик» втроем, мы несколько уменьшили его «секретность», но решили, что он у нас учебный — я, несмотря на широкое распространение этой игры, впервые принимала в ней участие.

А вообще-то девчонки прячут каждая своей «секрет». Можно недалеко друг от друга, но чтобы никто не видел, что ты там зарываешь. Чем страшнее «секрет», тем глубже и уже роется ямка. Девочки дошкольного возраста роют ее с помощью совочков, те, кто постарше — палочками, а то и просто руками и каблуками. Впрочем, в каждом дворе есть свои местные особенности.

Но вот «секретное признание» покрыто стеклом, запрятано-зарыто и, наверное, многие из читателей еще не поняли, зачем весь огород городить и что же дальше делать. Алена объяснила мне так:

— Закапываем не затем, чтобы навсегда что-то спрятать, а чтобы посмотреть, что получится.

— А что может получиться-то? — не хватает у меня фантазии.

— Может получиться так, что ты придешь на это место через неделю или месяц и не найдешь то, что спрятал. Забыл точно, где прятал или кто-нибудь твой «секретик» выкопал.

— И что тогда? — докапываюсь я.

— Тогда очень жалко становится, — просто отвечает Алена. — А бывает, что ищешь свой, а находишь чей-нибудь еще. «Чужой секретик узнавать интересно. Мы даже играем так: девочек десять соберемся, закапываем каждая свой «секретик» недалеко друг от друга, на одной полянке, а через некоторое время приходим на это место и наугад раскапываем — кому чей до-

станется. Это получается как подарок. Еще бывает, что забыл, что написал в «секрете», что в него положил. Найдешь — и интересно становится: ведь недавно это ты сам все придумывал, делал, переживал. Вспоминается все сразу. И когда раскапываешь, через стекло смотреть интересно. Смотришь, вытаскивать не торопишься.

Саша помогает Алене сделать из всего этого вывод:

— Это как будто клад находишь! Ведь каждый мечтает разыскать какое-нибудь сокровище или драгоценность. Но их мало — очень настоящих кладов, вот и делаешь сам себе сюрприз. Или не себе, а еще кому-нибудь, если на твой «секрет» случайно кто-то другой наткнется.

Вот так клад! Ни Барби там, ни даже шоколад, а только вкладыш от жвачки, записка с «тайной», причем без обратного адреса, да стеклышко сверху. А ведь интересно! Интересно испытывать захватывающее дух чувство нетерпения, радость или разочарование, раскапывая маленькую ямку с «секретиком». Интересно, что это как бы неожиданно, не было — и есть. Интересно возвращать к жизни незамысловатые бумажки, стеклышки, трогать их после того, как они какое-то время пролежали мертвые под землей.

Наш общий «секретик» мы почти не спрятали, чуть-чуть прикрыли листиками, чтобы побыстрее кто-нибудь нашел и обрадовался. Кому такое счастье привалит, караулить не стали, пусть хоть это будет «по правилам».

А я, опять возвращаясь к Барби, все прикидываю: вот если закопать настоящую куклу, то радости и неожиданности будет больше? И получается, что нет. Не радовались бы тогда, а боялись, как бы не испортилась, как бы ее не раздавили, яму бы большую пришлось рыть, где-то стекло огромное добывать, не из шкафа же.

И забыть про этот «секретище» навряд ли получится... Какая тут радость! Одни заботы. Так что Барби не с нами, а сама по себе. Дома сидит. Ждет осчастливленную «секретиком» хозяйку. Получается, что счастье девчоночье, как и сто лет назад, в фантиках, записках о любви и сюрпризах. Или я что-то не понимаю в Барби?

Слайды Н. ПЕРЕВЫШИНА.

А если спрятать пружинку?

Вот что в «секретике»

ВО ВТОРОМ И ПОСЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА ЧИТАЙТЕ: ВЛАДИСЛАВА КРАПИВИНА "ЛЕТО КОНЧИТСЯ НЕ СКОРО". ИН-
ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТИ АНДРЕЯ ИЛЬИНА "ТАЙНЫЕ ЛЮДИ"; ТЕРЕСНЫЕ, ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ И ЗАБАВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПОД
НОВЫЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ ЛЕГЕНДАРНОГО РАЗВЕДЧИКА НИ- РУБРИКАМИ "СПЕЦХРАН", "УФОЛОГИЯ", "КРАЕВЕДЧЕСКАЯ
КОЛЯ КУЗНЕЦОВА; ОКОНЧАНИЕ НФ ПОВЕСТИ АНДРЕЯ ШУ- КОПИЛКА", "МУЗЫКА И МЫ", "ЭКЗОТЫ НА ОКНАХ", "МИР НА
ПОВА "ХОЛОД МАЛИОГОНТА"; ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ ЛАДОНИ", "ЭКОДОМ", "УС" НА ПРИВАЛЕ", "РУКОМЕСЛА".

ИНДЕКС 73413, ISSN 0134-241X, УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, № 1, 1995, С. 1-80

Икона конца XIX – начала XX века. Справа – преподобная Евфросинья Суздальская.
К очерку Юния ГОРБУНОВА "Христовы невесты" (стр. 70).